

Она хотела его
уничтожить.
Но ему на это
совершенно
наплевать.

ВЕРШИТЕЛЬ СУДЕВ

СИЛОВАЯ ИГРА
СЕЛЕНА ЛОУРЕНС

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

Он — золотой мальчик Америки. "Серый кардинал" в политике и бизнесе, влиятельное лицо, "создатель" королей, вершитель судеб, называйте как хотите.

Она — маленький грязный секрет Америки. Секс-брокер, создающий скандалы.

Вместе они творят заголовки новостей.

Ложь и обман.

Президентство висит на волоске.

И еще присутствует химия.

В виде горючего, воспламеняющегося взрывчатого вещества.

Она.

Желает.

Уничтожить.

Его.

Но ему на это совершенно наплевать.

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+.

Селена Лоуренс
Вершитель судеб

Он смотрел на длинные и стройные темно-оливковые ноги, немного поблескивающие в приглушенном свете помещения, на которых красовались с открытым носом с переплетенными ремешками шпильки, с оказывающимися пальчиками и ногтями цвета отличного бургундского вина. К сожалению, эти эффектные ноги в настоящий момент обхватывали талию его клиента (его слишком женатого клиента), вбивающегося в эти ноги, в шикарном отеле номера люкс на юго-западе Вашингтона.

— Ты должно быть шутишь, — застонал Дерек, стоя в дверном проеме и наблюдая за полной катастрофой, которая только что порушила все его планы.

— Ух, — проворчал Джейсон Мелвилл, отрываясь от восхитительной шеи женщины и поднимая глаза, оборачиваясь и разглядывая через плечо очень злого консультанта кампании. — Дерек, — проскрипел он. — Это не то, что ты думаешь.

Дерек захлопнул дверь и прошагал в комнату, злобно зыркнув на Джейсона и женщину, распятую у стены.

— Да? И что же это тогда, Джейсон? Мне так кажется, что ты собираешься трахнуть с этой женщиной, которая явно не является твоей женой перед тем, как мы должны объявить твою кандидатуру на пост президента, черт побери, США. Тебе не приходило в голову, что она может разнести всю твою кампанию к чертям собачим, прежде чем она даже начнется?

Взгляд Дерек перешел от Джейсона, стремительно краснеющего, к брюнетке, которую тот пришилили, с руками, поднятыми над головой, стоящей на фоне дорогих обоев. Когда Джейсон отпустил ее, и она стала поправлять свою одежду с раздраженным фырканьем, Дерек заметил, что остальная часть ее тела была такой же изысканной, как и ноги. Классическое строение костей с гладкой, как шелк, безупречной кожей. Экзотические глаза цвета темного шоколада, с задранными вверх внешними уголками, ресницы длинные и роскошные. А ниже все именно такое, какое и должно быть... такие сиськи, которые способны соблазнить любого президента... ну, возможно, не являющегося действующего президента, поскольку она казалась свободной в своих действиях по отношению к мужчинам.

— *Я профессиональный эскорт*, — прошипела она. — И да будет тебе известно, умею себя вести. Я никогда не обсуждаю бизнес клиента, кем бы он не являлся — президентом или дворником.

Господи. Шлюха? Может ли быть все еще хуже?

— Послушай, милая, я уверен, что ты действуешь с осторожностью, но президентство не должно рисковать моментом кувыркания с *эскортом*, — он выдавил последнее слово, словно ему было противно его произносить, ее щеки порозовели, она поджала губы и прищурилась.

Джейсон сделал большой вдох и подальше отошел от брюнетки.

Женщина поджала пухлые губы и оттолкнула Джейсона в сторону, прошмыгнув мимо Дерек, направляясь в ванную, ее совершенно твердая и круглая попка колыхалась в юбке-карандаше, которая облегала, словно вторая кожа.

Дерек повернулся, злобно зыркнув на своего кандидата, который нагло засовывал свой член в 1000\$ брюки от Armani.

— О чем мать твою ты думал? — зарычал Дерек. — Ты хоть понимаешь, что натворил?

— Я испытываю черт побери слишком большое давление, — пробормотал Джейсон. — И я устал быть единственным лицом в округе Колумбия, который не потекает пороку время от времени. Мне нужно было как-то снять стресс.

Дерек подошел к термостату на стене и включил кондиционер, чтобы ликвидировать из номера аромат духов шлюхи, который извращенно совращал его даже в разгар гнева.

— Ну, если так ты собираешься справляться со стрессом, не уверен, что ты подходишь на кандидатуру, чтобы стать президентом. Потакание пороку, как ты выразился, обычное явление в Вашингтоне, которое почти всегда заканчивается скандалом и губит карьеры. Особенно молодого, симпатичного кандидата, у которого дома есть маленькие дети. Стоит ли тебе напомнить про Гэри Харта или Джона Эдвардса? *(Гэри Харт (англ. Gary Hart, имя при рождении англ. Gary Warren Hartpence, 1936) — американский политик, бывший сенатор США от штата Колорадо, участник президентских кампаний, юрист, писатель, публицист. В январе 1987 года Харт стал явным лидером среди выдвиженцев от демократов на выборах 1988 года, но сошел с дистанции из-за скандала, связанного с 29-летней манекеницей Донной Райс. Джонни Рейд (Джон) Эдвардс (англ. Johnny Reid «John» Edwards; 10 июня 1953, Сенека, Южная Каролина) — американский политик, бывший сенатор от Северной Каролины, кандидат в вице-президенты США от Демократической партии при Джоне Керри на выборах 2004 года. Перед выборами 2008 года был среди кандидатов в президенты на праймериз Демократической партии, но вскоре выбыл из гонки, поддержав Барака Обаму; эти выборы были ознаменованы скандалом, в ходе которого Эдвардс обвинялся в супружеской измене с актрисой и кино-режиссёром Риел Хантер, которую он нанял для освещения своей кампании.)*

Джейсон схватил свой пиджак с кровати. Дерек услышал шум воду в ванной и задался вопросом, на какую сумму ему придется раскошелиться, чтобы заставить эту женщину уехать, и как сколько она не появится снова, желая получить большего.

— Лондон известна своим благоразумием, — сказал Джейсон, опуская завернутые рукава рубашки. — Никто ничего не узнает.

Дерек вопросительно приподнял бровь.

— Хорошо. Я останавлиюсь, доволен? Этого ты хочешь от меня услышать? Я больше не буду встречаться с ней, и буду хорошим мальчиком, который дрожит в душе. Только Богу известно, Анжела мне не помощница в этом, — разочарование исходило от сенатора просто волнами, оно было почти осязаемым в прохладном кондиционированном воздухе комнаты.

Дерек подумал о блондинке аристократке жене Джейсона и двух детях дошкольного возраста. У него скрутило живот от одной мысли. Зачем, черт возьми, эти парни женятся, если не хотят брать на себя обязательства? Или им важно иметь жену только лишь для того, чтобы сделать карьеру в политике. Он стряхнул с себя эти мысли и сосредоточился на поставленной задаче.

— Сколько? — спросил он.

— Сколько чего? — переспросил Джейсон, что-то пытаясь отыскать на полу рядом с кроватью.

— Сколько ты обычно платишь ей?

Джейсон пробормотал:

— Нашел! — с торжеством, и поднялся, вдевая бриллиантовые запонки в манжет рубашки. — Лондон? Она стоит тысячу долларов в час. — Он посмотрел на часы. — И она здесь уже около двадцати двух минут.

Господи. Тысячу долларов? В последний раз на свой перепихон Дерек потратил полсотни баксов за два коктейля, а потом повел репортершу домой на пару часов, дальше посадил ее в такси и попрощался. Окончательный итог? Ну, может быть, сто долларов. Тысяча долларов казалась ему слишком чрезмерной.

— А сколько будет стоить, чтобы заставить ее замолчать? — спросил он.

Джейсон провел рукой по своим идеально растрепанным темным волосам на висках немного совсем слегка посеребренных (краска для волос, придала ему больше солидности) и посмотрел на Дерек.

— Она ничего не скажет. Правда.

— Чушь, — ответил Дерек, именно в тот момент, когда женщина вышла из ванной комнаты, выглядя исключительно как респектабельная жена богатого округа Колумбия, в отлично сидящем деловом пиджаке цвета сливы, подчеркивающим ее осиную талию, густые волосы зачесаны назад, и эти чертовски сексуальные шпильки с переплетенными ремешками по-прежнему красовались на ее идеальных ногах.

— Я не скажу ничего, — повторила Лондон, бросая на него презрительный взгляд.

Дерек повернулся к ней, ярость закипала в нем, но он сохранял свое лицо без эмоциональным, как сталь, над этим выражением и способностью контролировать так хорошо свои эмоции, он работал в течение пятнадцати лет.

— Послушай, я уверен, что ты прекрасный *эскорт*, очень надежный и все такое, но ты не представляешь, какие инвестиции я сделал в Джейсона. Одно неверное слово, один неверный взгляд или секрет, который ты выболтаешь одному из твоих «друзей», и его карьера, как и моя, может катиться сразу в ад.

— Я не рассказываю секреты друзьям или кому-то еще, и никогда не вела себя *не подобающим образом* за всю свою жизнь, ни с кем, — она сделала паузу. — Ну и что ты собираешься сделать? Убить меня? — Ее левая бровь приподнялась, и он увидел насмешку в ее глазах.

Он закатил глаза.

— Мы не играет в «Карточный домик», милая, — ответил он с усмешкой. — Сколько тебе нужно, чтобы ты покинула страну на несколько недель?

Лондон ухмыльнулся.

— Правда? Ты хочешь заплатить мне, чтобы я отправилась в путешествие, хотя не испытываю абсолютно никакого намерения что-либо рассказывать?

— По крайней мере от этого я буду чувствовать себя намного лучше, — ответил Дерек.

— Хорошо. Я всегда хотела посетить Багамы. Так, что? Десять? Двадцать? — она взглянула на Джейсона, подошла к нему и поправила галстук. Лицо Джейсона осветилось, и он облизал губы, смотря на нее сверху вниз, как на кусок стейк самого высшего класса.

Ярость Дерек забурлила с такой силой, что он готов был взорваться.

— Сенатор! — крикнул он. — Глаза на меня.

Лондон деликатно фыркнула и отошла от кандидата в президенты.

— Господи, — лицо Джейсона покраснело. — Просто заплати ей и покончим с этим, — отрезал он, прежде чем выйти из комнаты, уткнувшись в свой телефон.

В спальне остались только Дерек и Лондон в упор смотревшие друг на друга целое мгновение, и он поклялся ее сверх самоуверенность, пофигистический экстерьер дал трещину.

Она передвинулась к тумбочке и собрала сумочку, потом подошла к нему и протянула руку. — Меня не волнует сколько вы дадите мне сверх, но я настаиваю на тысячах, которую

заработала.

Дерек посмотрел на нее сверху вниз. Она была высокой для женщины, наверное, пять и восемь или девять футов. Но он был все шесть и два, поэтому она казалась маленькой, пока он смотрел в ее до боли прекрасное лицо. Она могла бы стать топ-моделью или актрисой, если бы у нее был какой-то талант, скорее всего выбрать множество профессий, где требуется вербальный ум. Почему она выбрала это? Обслуживать наглых, беспринципных людей, которые хотели, чтобы кто-то потворствовал их эго. Почему такая эффектная женщина продает себя?

Он понимал, что должен заплатить ей и отправить в путешествие, но он оказался пойманным в своего рода какую-то сумеречную зону, не мог оторваться от ее губ, ценя ее ум, ее упорство, а еще черт побери запах ее пряных духов, который обволакивал его, словно тропический цветок.

— Почему? — тихо спросил он. — Зачем ты это делаешь?

На секунду она напряженно взглянула на него.

— Я полностью контролирую свою жизнь, мистер Эмброуз. Вы не имеете права меня жалеть.

— Ты знаешь мое имя? — какая-то часть, похороненная слишком глубоко внутри него, загорелась от предвкушения.

— Все знают ваше имя, — ответила она.

Он сжал кулак и отвел в сторону, пытаясь воспрепятствовать своему желанию, провести кончиками пальцев по ее шелковистой коже на щеке.

— Ты не все.

— Нет, я не все. Я никто, и именно такой я и желаю остаться. Итак, это будут наличные или...?

Дерек вздохнул, достал телефон из кармана, нашел контакт.

— Дерек, — сказал он, не отрывая глаз от Лондон. — Мне нужно двадцать тысяч наличными, доставить в люкс сенатора. С моего личного счета, пожалуйста. И сделай это быстро.

Тридцать минут спустя Лондон ехала на заднем сидении такси к себе в особняк Dupont Circle. Было еще рано по стандартам Вашингтона, но она знала, что может позвонить Маргрит, ее боссу в агентстве, и сообщить, что доступна для другого клиента, но произошедшее утром оставили у нее неприятный привкус. И не только потому, что Джейсон Мелвилл был ужасным мудаком. Нет, все дело оказалось в Дерекке Эмброузе, который пошатнул ее обычные устои. Осуждение, явно читавшееся у него на лице, когда он посмотрел на нее. Он также передавал ей наличные, боясь дотронуться, словно мог что-то подцепить от нее, если прикоснется напрямую к ней.

Прошло уже много времени с тех пор, когда Лондон чувствовала необходимость оправдываться перед кем-то за свою профессию. Ее работа в качестве эскорта началась восемь лет назад после того, когда она потратила два года, сбежав подростком, пытаясь пробиться собственным путем в этом мире и городе, который не был заинтересован в найме работника, имеющего всего лишь диплом средней школы. Она не могла сказать, что работа была легкой, но за это время научилась делать все необходимое, чтобы очень даже неплохо зарабатывать себе на жизнь, и при этом сохранять видимость вполне нормальной жизни.

«Нормальной» означало, что она окружила себя друзьями, которые не задавали лишних вопросов, и принимали ее именно такой, как она им и рассказала. Она ушла с работы, стояния у дверей отеля, жила тихими днями престижной женщины с деньгами в свое нерабочее время. У нее был дом в весьма респектабельном районе, при случае она встречалась с солидными мужчинами, и имела весьма респектабельных и уважаемых друзей таких, как Джоанна, которая в данный момент стояла на крыльце ее дома, поджидая ее.

Лондон вышла из машины и возблагодарила Бога, что у нее была возможность привести себя в порядок и освежиться, благодаря чему она сейчас не выглядела, будто пустилась во все тяжкие в 11:30 утра.

— Привет! — весело прокричала Джоанна, приглаживая шелковую юбку от Александра Маккуин, перетоптываясь на шпильках с открытым носком от Prada.

— Что привело тебя сюда до полудня? — полушутя спросила Лондон, вставляя ключ в замочную скважину и пропуская Джоанну внутрь.

Джо убрала назад прядь идеально уложенных каштановых волос и похлопала своими Ив Сент Лорановскими покрытыми тушью ресницами, обрамляющими ее большие карие глаза, сверкающие как обычно озорством.

— Я была в салоне за углом и решила поинтересоваться, не желаешь ли ты сходить на ланч, мне нужен совет по поводу декора.

Как правило, Лондон была бы счастлива пройтись с Джоанной, наблюдая как та тратит деньги мужа на всякие безделушки, но поединок с Дерекем Эмброузом выбил ее из колеи и оставил неприятный осадок. Да, она свыклась со своим жизненным выбором, который сделала, поскольку ушла из дома в семнадцать лет, но его взгляд, когда он смотрел на нее, заставил ее испытать чувство сожаления. Теперь она понимала, что должна быстро искоренить это чувство, пока оно окончательно не укоренится у нее в голове, заняв определенное место, явно показывая, что Лондон проститутка, а не девушка Лондон высшего общества.

— Мы могли бы сделать это на следующей неделе? Я потратила все утро занимаясь делами, и так устала. Мне кажется я заболеваю.

Джоанна поставила сумку Kate Spade на стол фойе и дотронулась до лба Лондон.

— Ты выглядишь немного уставшей. Почему бы тебе не прилечь, а я принесу воды. У тебя голова болит?

— Нет. Просто устала и раздражена.

— Может, это ПМС?

— Возможно, — ответила Лондон, молча проходя в гостиную и просто рухнув на диван. Джоанна вернулась со стаканом ледяной воды, и Лондон отвлеклась на мгновение, выпивая половину.

— Ты не поверишь, кого я вчера встретила! — воскликнула Джоанна, усевшись рядом на кресло.

— Уверена, что не поверю, так что выкладывай.

Джоанна высунула язык, прежде чем продолжить.

— Сенатора Мелвилла с женой.

Сердце Лондон пустилось вскачь, затем опять вернулось к нормальному ритму.

— И что же в нем такого особенного? — пробормотала она в стакан с водой.

— Ходят слухи, что он будет баллотироваться в президенты, Брайан собирается поддержать его кандидатуру, если он решится. Фирма Брайана даже может субсидировать

Мелвилла, мы думаем, а в благодарность он возможно предложит ему незначительный пост в кабинете или что-то на дипломатическом поприще.

Лондон всегда делала вид, что совершенно не в курсе политических событий, и это просто сводило с ума мужа Джоанны, Брайана. Он работал в одной из крупнейших юридической фирм в Вашингтоне и большую часть времени проводил на Холме лоббируя различных клиентов. У него была цель когда-нибудь стать госсекретарем.

— А когда он должен об этом объявить?

Джоанна посмотрела на браслет-часы Cartier на своем запястье.

— На самом деле, он должен начать пресс-конференцию через несколько минут. Не возражаешь, если я включу телевизор?

Лондон указала головой на плоский экран на стене над камином.

— Будь как дома.

Джоанна взяла пульт с журнального столика и включила телевизор, канал WNN.

— О, смотри! Вот он.

Красивое лицо Джейсона Мелвилла заполнило экран, и Лондон увидела вспышки фотокамер, услышала выкрикиваемые вопросы, которые репортеры бросили из зала. Речь Мелвилла были гладкой и отполированной, собственно, как и его внешний вид. Он стоял в окружении жены — Анжелы Вандермеер Мелвилл, двоих детей дошкольного возраста, и своих родителей, владельцев Melville Industries.

Но ее внимание привлек человек, стоящий в дальнем углу сцены. Он был выше, чем сенатор и даже выглядел лучше. С взъерошенными волосами, но не искусственным путем, как у Мелвилла. Темно-русые локоны были обрезаны по бокам, но оставлены сверху, и эти вьющиеся волосы Лондон подозревала невозможно было приручить.

Его широкие плечи и узкая талия были подчеркнуты идеальным кроєм костюма, галстук немного съехал на бок, как будто он дергал за него, но все его тело было напряжено, видно от беспокойства, и это было заметно даже на камере. Мелвилл обвел рукой вокруг сцены, указывая на сторонников и советников, камеры снимали крупный план, и Лондон на долю секунды прикрыла глаза. Ледяные голубые глаза, которые смотрели на нее не более двух часов назад в спальню отеля «Ренессанс», теперь пялились на нее с экрана телевизора. Вкупе с жестким, как сталь подбородком, эти глаза наводили ужас. Именно таким и был Дерек Эмброуз пугающим до ужаса. И сексуальным. Чертовски сексуальным.

— О, смотри, — тяжело задышала Джоанна, указывая на экран. — Дерек Эмброуз, он должно быть консультант кампании Мелвилла. Разве он не самый великолепный мужчина, которого ты когда-либо видела?

Лондон усмехнулась.

— Похоже, что он крутой и слишком много из себя корчит.

— Откуда ты знаешь, что он такой? О, ты знакома с ним? — она повернулась лицом к Лондон, полностью светясь от восторга.

— Ты только посмотри на него. Посмотри на его выражение лица, оно не предвещает ничего хорошего, — Лондон кивнула головой, словно ее заявление было самым важным.

Джоанна пару секунд внимательно смотрела на экран.

— Полагаю, ты права. Мелвилл, кажется, намного более дружелюбным. Но его консультант выглядит намного лучше по любому.

Лондон точно могла с этим согласиться.

— Ой. Теперь нужно слушать, — сказала Джоанна увеличивая громкость.

— Поэтому с большим удовольствием, — произнес Мелвилл в микрофон перед собой, — я заявляю, что официально буду выставять свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов.

Прихлебатели и соотечественники на сцене громко за аплодировали, Джоанна завизжала от восторга.

— Он сделал это, он вступает в гонку, — она развернулась к Лондон. — Ты не представляешь, как это изменит карьеру Брайану. Он может уйти от прихлебателей в юридической фирме, чтобы стать влиятельной силой на холме. Ты должна пообещать мне, что будешь голосовать за Мелвилла.

Лондон старалась не засмеяться.

— Я не буду голосовать. Ты же знаешь об этом.

Джоанна поморщилась от раздражения.

— Лондон, серьезно, ты не можешь продолжать жить в Вашингтоне и с таким равнодушием относиться к управлению страны.

— Будто тебе не все равно, кто победит? Единственное, что для тебя имеет значение, добьется ли Брайан дипломатического поста на каком-нибудь маленьком экзотическом острове, где ты смогла бы лежать у бассейна весь день и мальчики бы оведали тебя опахалами.

Джоанна рассмеялась, и Лондон смягчила свои слова улыбкой.

— Это явно не соответствует действительности, — сказала Джоанна, наконец становясь серьезной, по крайней мере ей так казалось. — Я очень волнуюсь, кто управляет страной, и думаю, что сенатор Мелвилл будет отличным президентом. Он молодой, у него полно идей, он лоббирует наиболее важные законы последнего десятилетия, защищающие женщин и детей, и он, кажется, очень предан своей жене и семье. Разве он не похож на того мужчину, который нам действительно нужен в качестве президента?

Лондон чуть не упала на пол от смеха. Мелвилл был молод, это точно, единственное с чем Лондон могла согласиться, касаясь Мелвилла в данный момент.

Лондон прочистила горло.

— Ну, надеюсь, что он победит... по крайней мере, хотя бы ради Брайана.

— Так ты подумаешь о голосовании? Может, ты даже могла бы ввязываться в его кампанию. Ты же регистрируешься и проголосуешь на предварительных выборах, правда? Пожалуйста, скажите мне, что ты не будешь делать самой стремной вещи, типа останешься сторонним наблюдателем.

Лондон сделала еще один глоток воды, прежде чем ответить:

— Я регистрируюсь, и я за правильную партию.

— О, слава Богу. Я не хочу удалять тебя из друзей после всех усилий, которые приложила, — Джоанна подмигнула и встала. — Я должна идти, Брайан захочет поговорить о кампании вечером, а мне нужно выбрать мебель для солярия до того, как он придет домой, поскольку он будет слишком увлечен, чтобы разглядывать цены.

Лондон улыбнулся.

— Ты хитрая, Джоанна Рассел.

— Что есть, то есть.

После ухода Джоанны, Лондон снова перевела взгляд на экран телевизора, наблюдая за пресс-конференцией. Камера тем временем передвигаясь по сцене, пока Мелвилл отвечал на последние вопросы журналистов, остановилась на Дерекке, стоявшем с каменным,

нечитаемым выражение на лице, и вдруг, прежде чем камера передвинулась на другого, его выражение изменилось. Глаза сверкнули, полные губы дернулись, сдерживаясь от улыбки или возможно мимолетного поцелуя. Лондон увлеченно смотрела и могла поклясться, что у нее было такое чувство, словно он смотрел прямо на нее, сжигая ее заживо своим взглядом.

Дерек Эмброуз был ведущим консультантом кампаний в стране. Благословленный внешностью и харизмой, он мог бы легко сделать свою собственную карьеру, выдвинув себя в кандидаты на государственный пост, но выбрал поприще внутри политического мира, и это не мешало ему быть звездой в своей партии, а также стать широко известным общественности, часто выступая, как публичное лицо кампании и быть любимцем СМИ. Стоило Дереку заговорить или появиться, Америка внимательно слушала и наблюдала за ним. На самом деле, он предпочитал дергать за ниточки из-за кулис, поскольку давно уже привык к вниманию к своей персоне и использовал его в свою пользу, когда это было необходимо. В Вашингтоне следовало использовать любое преимущество, которое у вас имелось, и Дерек не стеснялся пользоваться своим на всю катушку.

Через несколько часов после сообщения Мелвилла, Дерек бросил свой пиджак и портфель на диван, войдя в большой зал апартаментов-студии в центре деловой части Вашингтона, заставленного классическими вещами мужского убежища (несколько диванов, бильярдный стол, полностью укомплектованный бар, телевизор с большим экраном), служившим в качестве штаб-квартиры для Клуба «Силовых Игроков».

Клуб «Силовых Игроков» был одним из самых больших секретов в Вашингтоне. Образованный Дерек и его другом по комнате во времена университета Камалем Масри, сыном богатого египетского бизнесмена, в настоящее время послом Египта в США, члены клуба отбирались с особой тщательностью и осторожностью. Каждый из шести членов клуба имел определенное положение в элите Вашингтона, занимаясь бизнесом в различной области, и каждый приносил свое уникальное знание и связи в клуб. Цель клуба была набрать силу и влияние, и Дерек понимал, что вместе они могли иметь гораздо больший шанс достичь вершины в верхушке Вашингтона, чем действовать в одиночку.

В клубе присутствовало совсем мало правил. Каждый участник обладал своими особенными связями и знаниями и занимался определенной областью, другие прибегали к их помощи по мере необходимости. Дерек был гением этого процесса, поскольку только он мог лучше всех разработать стратегию, чем кто-либо в округе. Камаль имел связи (легальные и не совсем легальные) и мог получить нужные «мозги» практически любые. Тиг Робертс занимался исключительно правовыми вопросами, разъединяя юридически легальное и нелегальное. Другие члены обладали другими знаниями и средствами в различных областях, все только выиграли от этого объединения.

Одна из самых крупнейших целей клуба была найти кандидата в президенты, которого они могли бы поддержать, взрастить и посадить на место. Кратчайший путь к Президенту Соединенных Штатов была цель, которую все члены в большинстве поддерживали — выдвинуть своего, который в последствии предоставит им беспрецедентное влияние. Несмотря на то, что Дерек лично был знаком с каждым президентом США, стоявшем у власти в последние десятилетия, его никогда не приглашали быть менеджером предвыборной кампании ни один из них. Он устал ждать, когда его пригласят и решил выставить своего кандидата.

По совместной договоренности с членами клуба выбор пал на Джейсона Мелвилла, сенатора от Пенсильвании, имеющего второй срок и занимающего лидирующую позицию и кроме того относящегося к партии, которая была любима народом. Члены Клуба «Силовых Игроков» были впечатлены его руководством в комитете Сената по иностранным делам, его безупречной личной жизнью, и его готовностью прислушиваться к их целям и твердо стоять на своей позиции. Ничего страшного, что Мелвилл посвящал свою деятельность в большей степени вопросам, которые Дерек называл «сердечными» — женщинам, детям и правам трудящихся. Мелвилл был широко известен как один из самых трудолюбивых членов Сената. Он серьезно говорил о существующих проблемах, и о своем участие в проведении реальных преобразований в Вашингтоне.

Но учитывая, что Дерек видел сенатора ранее в день его заявления, возможно, ему, как трудоголику, нужна реальная помощь... но совсем иного рода, чем секс со шлюхой. Сейчас же Дерек столкнулся с проблемой, о которой был вынужден рассказать своим ближайшим друзьям и доверенным людям, что их избранник запятнан по самую макушку, и все усилия, возможно, были напрасной тратой времени.

Камаль и Джефф, полковник армии США, специалист по безопасности, разбил Дерек здесь в клубе, и сейчас спорил, играя в бильярд, когда он подошел к ним.

— Я не ударял по нему два раза, — грохотал Джефф. — Это был чистый удар, ты просто не можешь смириться с проигрышем.

Камаль покачал черноволосой головой. *«Ему необходимо подстричься, — подумал Дерек. Какой к черту посол, если сзади волосы цепляются за воротник рубашки?»*

— Ты четко ударил дважды. Но поскольку боишься, что я выиграю, то начал обманывать, ладно, хорошо, давай двигаться дальше.

Дерек дошел до стола, наблюдая за тем, как Джефф покачал головой и поджал губы. Глаза Камалья искрились, что ясно свидетельствовало, что он был не в настроение. Это всегда ничего хорошего не сулило никому.

— Это так ты ведешь деликатные международные переговоры? — спросил Дерек. — Говоришь, что ты победишь их, потому что они слабаки?

Камаль от души рассмеялся.

— Да, говорить на уровне дипломата противоборствующим нациям, что они слабаки, как ты только что очень верно подметил, очень эффективная стратегия. Думаю, именно из-за этого и началась Вторая мировая война, не так ли?

— Ты мудак, — резко ответил Джефф, направляясь к ним от бара со стаканом виски в руке.

— Ах, мне сказали, что это одно из моих самых популярных качеств.

Джефф закатил глаза, Дерек посмотрел на Камалья с недовольством.

— Правда? — загудел голос от входной двери. — Я был с ним в Stageline Club на прошлой неделе, и блондинка у него на коленях очень лестно отзывалась о его выпирающей ширинке.

— Это не то слово, Тиг, — ответил Дерек, поворачиваясь, чтобы взглянуть на подходящего внушительного щеголя.

— Как ты? — спросил Тиг, похлопав Дерек по спине.

— Бывало и лучше, — проворчал Дерек.

— Сегодня должен быть твой триумф, — возразил Тиг. Дерек увидел мощного судебного юриста, притаившегося в засаде и готового в любой момент вступить в бой с кем

удовно и за что угодно, если кто-то вдруг попробует ущемить Дерек. Эти качества сделали Тига полноправным партнером в одной из самых мощных юридических фирм в стране. К сожалению, все они сейчас были зажаты в тиски, когда приняли решение продвигать Джейсона Мелвилла. Они выбрали его, и теперь вынуждены мириться с последствиями.

— Вы смотрели сегодня пресс-конференцию?

Все трое мужчин, собравшихся вокруг бильярдного стола, кивнули.

— Ну, вы не видели его, когда я поймал нашего кандидата, трахающего шлюху два часа ранее.

— Сукин сын, — пробормотал Тиг.

— Чертов дурак, — добавил Камаль, бросив кий на стол с отвращением.

Джефф лишь фыркнул. Все знали, что он думает о политиках.

— Я старался убрать все это дерьмо, как мог. Женщина, по-видимому, получившая известность своей свободой действий, но при этом интересно, скольких кандидатов в президенты она имеет в качестве своих клиентов. Я сомневаюсь, что у нее есть такого уровня клиенты, как сегодня утром.

— Кто она? — спросил Тиг.

Дерек полез в свой портфель, сел на диван и взял в руки планшет, быстро провел пальцем по экрану, открыв доклад его первоклассной команды безопасности, которая предоставила полный отчет за последние несколько часов. Учитывая специфику работы Дерек, иметь высококлассных профессионалов и незаменимых в области защиты и наведению справок, готовых быть на побегушках и выполнять по мановению руки, было необходимо.

— Лондон Шарп. Она работает в Double D Escorts в течение последних восьми лет, до этого была стриптизершей в Beltway Club.

— Это элитное место, высшего класса, — добавил Камаль.

— Да. Она черт побери стоит штуку в час.

— Ууу, — Тиг пожал ему руку и присвистнул.

— А до Beltway Club? — поинтересовался Джефф.

— Данные отсутствуют в подростковом возрасте в течение пары лет о ней. Она дочь профессора лингвистики Ближнего Востока из Джорджтаунского университета. Отец неизвестен.

— Как зовут маму? — потребовал Камаль напряженно.

Дерек просмотрел отчет, который он получил по емейлу от команды по расследованию.

— Фаррах Амид. Иранская диссидентка, попросившая политическое убежище, когда дочери было около двух лет.

Камаль кивнул.

— Персидский язык. Немало высокообразованных женщин в Иране. Не могу поверить, что ее мать довольна профессией, которую выбрала ее дочь.

— Так она сбежала, будучи еще подростком? — вставил Джефф.

— С чего ты это взял? — поинтересовался Дерек, сама мысль о молодой красивой сексуальной женщине, одиноко бродившей по стране, вызывала у него тошноту.

— Всегда пропущены годы, сбежавших и где-то шастающих, во сколько она ушла в семнадцать? Восемнадцать?

Дерек посмотрел на экран.

— Да, последняя запись о ней — первый семестр в старших классах школы. Ей было бы

семнадцать...

Джефф кивнул.

— И вернулась она когда?

— В двадцать.

Тиг посмотрел на Джеффа и казалось, промелькнуло своеобразное понимание между двумя мужчинами. Детство Джеффа прошло в сельской местности на юге, в то время, как Тиг жил в Нью-Йорке в жилом комплексе. Но обоим мужчинам пришлось прорываться каждым своим путем к вершине, и оба они увидели и нерадостную сторону жизни, прежде чем попали сюда.

— Я полагаю, что она долго пыталась, насколько могла, что-то предпринять, прежде чем ей пришлось заняться стриптизом и проституцией, чтобы выжить, — тихо сказал Тиг.

Дерек сжал губы. Поскольку была огромная разница между уверенной в себе красивой женщиной, выбравшей эскорт, и испуганным голодным подростком, вынужденным заниматься проституцией для того, чтобы поесть. Ему не нравился не тот, ни другой сценарий, его физически тошнило от этого.

— К счастью, она осела в прекрасном месте, — добавил Камаль. — Могло быть и хуже.

— Она что-то сказала мне сегодня утром, — сказал Дерек. — Она сказала: «Я полностью контролирую свою жизнь. Вы не имеет права меня жалеть». Ее слова звучали так, будто ей нравится тот выбор, который она сделала, нежели то, что ты говоришь.

Тиг пожал плечами.

— Иногда мы в большей степени хотим убедить самих себя.

Все четверо замолчали. Дерек знал, что лучше не спрашивать у Тига подробности его жизни, до того, как он приехал в Вашингтон, чтобы пойти в юридическую школу в Джорджтауне, но за годы, пока он его знал, он смутно подозревал, что Тиг пережил такие вещи, о которых большинство людей слышали или видели только по телевизору в сериале «Во все тяжкие». Если уж кто и знал, каково это быть молодым, одиноким и отчаянным, то это был явно Тиг.

— Сейчас, нам бы понять будет ли она удовлетворена суммой, которую я ей дал... — пробормотал он.

— Будет, — с уверенностью сказал Камаль. — Даже после выплаты агентству, она заработала очень много, и кроме того была воспитана в культуре, которая высоко чтит честность. Ее слова на вес золота. Ты просто помог ей сделать ее вызов более выгодным, чем обычно, вот и все. — Он сделал паузу. — Сколько ты отдал ей?

— Двадцать тысяч, — вздохнул Дерек. Он вел очень хорошую жизнь, но двадцать тысяч не мелочь, и он действительно хотел, чтобы новый Jaguar типа F припарковался в его Джорджтаунском гараже в следующем месяце.

— Ой, — сказал Джефф, морщась.

— Мы думаем, что она будет молчать? — подытожил Камаль.

Тиг и Джефф кивнули.

— А если не будет? — спросил Камаль.

— Тогда мы в полной жопе, — ответил Дерек, — и все восемнадцать месяцев коту под хвост.

Радости на лицах не отобразилось. Клуб «Силовых Игроков» упорно трудился, прежде чем выбрать Мелвилла. Они разведали кандидатов, обсудили варианты, и очень тщательно проверяли всех сенаторов. Они испытывали колоссальное разочарование, узнав, что у него

имеются плохие привычки, которые они так и не обнаружили до его объявления.

— Как это проскользнуло мимо нас? — спросил Джефф. — Ничего же не было в его досье, указывающего, что он имеет связь с проституткой.

— Эскортом, — тихо поправил Дерек.

— Это одно и то же, — ответил Джефф.

Тиг хмыкнул.

Дерек продолжил:

— Я не знаю, как это прощмыгнуло мимо нас, я разговаривал с нашими отделом безопасности и поверьте мне, у нас работают некоторые таланты, но в то же время мне не нравится, что кто-то другой ведет свою игру.

— Я проанализирую несколько вариантов, чтобы мы имели более выгодную позицию, — сказал Тиг. — Возможно, мы сможем найти какой-то рычаг, гарантирующий, что она будет молчать.

— Я попрошу мой контакт в Департамент полиции Вашингтона, нарыть что-нибудь на Double D Escorts, — добавил Джефф, проводя рукой по ежику волос. Несмотря на то, что он уже несколько лет работал в Пентагоне, по-прежнему стриг волосы коротко, как оперативник.

— Хорошо, — сказал Камаль. — И давайте Скотту скажем, чтобы он не спускал глаз с нашего кандидата, пока он трудится, чтобы попасть на Холм, — член Клуба «Сильных Игроков» Скотт Кэмпбелл был начальником штаба Президентских выборов от Сената.

— И я буду делать тоже самое в ходе избирательной кампании, — нахмурился Дерек.

— Теперь, — заключил Камаль. — Что у нас дальше на повестке дня?

Лондон не работала в эту ночь. У нее был один клиент в день, четыре-пять дней в неделю. Она брала нового клиента каждые пару месяцев, но большую часть времени она проводила время с постоянными клиентами. Она была самой популярной девушкой в эскорт агентстве, и ей не нужно было ничего предпринимать, чтобы получить новых клиентов, которые всякий раз предпочитали вызывать ее, когда уходили завсегдатаи.

Но она все же решила заехать в офис. Она хотела проверить расписание на следующий день и в конце концов выйти из дома, поскольку действительно была в долгу перед своими работодателями, ей необходимо было информировать их о событиях дня, вообще все, как обычно. События, произошедшие с Мелвиллом и Дерекком Эмброузом, заставили ее занервничать и привели к рассеянности. Она попыталась готовить, чтобы как-то снять стресс, но это привело к тому, что ее дом теперь ломился от выпеченного хлеба, который ей действительно не стоило съедать в одиночку за день, поэтому она взяла пару буханок, поймала такси и отправилась к магазину в фешенебельном торговом районе на Висконсин-Авеню. Небольшой роскошный магазин нижнего белья служил прикрытием для гораздо более прибыльного бизнеса — эскорт-услуг.

Позвонил колокольчик над дверью, как только она вошла в магазин. Великолепный французский шелк в пастельных, изумрудных тонах висел на мягких нейтральных тонов плечиках, заполняя стеклянные витрины вдоль стен. Бюстгалтеры, трусики, корсеты, пояса для чулок, магазин был главным козырем для богатых женщин округа Колумбия, когда дело доходило до соблазнения мужчин.

Хорошо одетая и причесанная женщина, около пятидесяти лет вышла из задней комнаты, ее лицо расплылось в улыбке, когда она увидела Лондон. Черные, как воронье крыло волосы были собраны на затылке в замысловатый пучок, в котором виднелись редкие тонкие нити седины, ее зеленые глаза были яркими, лицо почти не имело макияжа. Чувствовалось, что у нее был свой стиль и шик, и почти незаметный акцент, который говорил о ее французском происхождении.

— Милая, — пропела она. — Какими судьбами?

— Маргрит, — Лондон подошла ближе и поцеловала ее в обе щеки. — Не думала, что застану тебя здесь. Где Джерард? — спросила она, имея ввиду партнера Маргрит по эскорт агентству.

Маргрит небрежно взмахнула рукой.

— Один из его ребят не захотел играть грубо, как заместитель посла Латвии, поэтому Джерард был вынужден уехать на переговоры, чтобы прийти к компромиссу.

Лондон вздрогнула от неприязни.

— Ребята действительно все усложняют, не так ли? — спросила она. — Без шуток, — быстро добавила.

Маргрит сочувственно скривилась.

— А что за вкусный запах исходит из твой сумки, что-нибудь для меня? — Маргрит вопросительно приподняла идеальны выщипанные брови.

— Да, пойдем в твое логово, и я отдам тебе.

Маргрит рассмеялась, потянув Лондон за руку по направлению к задней части магазина. Они вошли в небольшое офисное помещение с ковровым покрытием с длинным ворсом

цвета аквамарин, где стены были выкрашены в светло-кремовый, и все пространство было заставлено мебелью в стиле Людовика XV.

— Сначала покажи мне, что ты напекла, а потом расскажи, что тебя так сильно беспокоит, поскольку ты пекла весь день.

Лондон достала две буханки сладкого хлеба из сумки, какой делают на Ближнем Востоке, и положила их на стол Маргрит. Пока та возилась, доставая тарелки и ножи, которые она знала, Маргрит держала в шкафу под кофе машиной эспрессо, она молчала, взвешивая как лучше объяснить утренние события боссу.

— Итак, чем я обязана твоему визиту? — спросила Маргрит, деликатно поднося кусок сладкого хлеба к рубиново-красным губам.

— Сегодня у меня была небольшая проблема утром. Сенатор Мелвилл...

— Ну, расскажи, — невозмутимо попросила Маргрит. Десятилетиями, предоставляя услуги для политиков Вашингтона, сделали ее несколько циничной, когда дело касалось лидеров нации.

— Мы были прерваны его консультантом по предвыборной кампании Дерекком Эмброузом. Я не уверена, что вы видели, но сенатор выдвинул свою кандидатуру на пост президента через несколько часов после нашего свидания. Он застукал нас вместе в отеле «Ренессанс» и был не в восторге от того, что увидел, поскольку для консультанта кампании это оказалось не очень хорошей новостью сегодня.

Маргрит отхлебнула чай из чашки, спокойно сидя за своим столом.

— Что он сделал?

— Орал, настаивая на том, что я представляю угрозу для всей кампании, и заплатил мне.

Маргрит приподняла бровь.

— Тебе заплатил? За молчание я полагаю?

— И чтобы я уехала из города.

— А ты? — скептически посмотрела на меня Маргрит.

— Нет! Я взяла деньги, поскольку он бился в истерике и не переставая сувал их мне. Знаешь, мне не нужно уезжать из города. Я не собираюсь никому рассказывать о Мелвилле, Господи Боже ж ты мой. И вот, кстати, — добавила она, вывалив кучу денег на стол.

— Не будь смешной. Чаевые твои, ты же знаешь. Просто в этот раз большие чаевые, чем обычно. А то похоже, как будто ты не заслужила их, имея дело со столь противным человеком.

Лондон не могла не ухмыльнуться при мысли, что сказал бы Дерек Эмброуз, услышав, как хозяйка эскорт-сервиса назвала его «противным человеком».

— Он меня так раздражает, меня никто так не раздражал. Ты меня знаешь, я не люблю драм, но он все представил в таком свете и просто молот чепуху.

— Он всегда кажется таким спокойным по телевизору, — заметила Маргрит. — Им очарована пресса, всегда сдержан. Он пытается сосредоточиться полностью на кандидате.

Лондон вспомнила серьезный взгляд Дерекка, когда он смотрел на нее, спрашивая почему она выбрала этот путь. Стоический мужчина, это была одна из его характеристик. Но природная его сила была в другом.

— О, боже.

— Прости, что? — очнулась от мыслей Лондон.

— Он тебе понравился, не так ли? — голубые глаза Маргрит смотрели насквозь.

— Нет! — слишком громко стала протестовать Лондон. — Разве ты не слышала мой рассказ? Он убежден, что я делюсь о своих любовных связях с друзьями. Как мне может нравиться такой человек?

На лице Маргрит витала самодовольная улыбка.

— Я видела его по телевизору, милая. А что там не может не нравиться?

Лондон закатила глаза.

— Ты знаешь, я этим не занимаюсь. У меня нет времени, чтобы «нравится» кому-то, как ты выразилась.

Маргрит наклонилась через стол и взяла Лондон за руку.

— Ты могла бы выкроить время. Знаешь, я никогда не думала, что это для тебя надолго. Я надеялась, что ты заработаешь денег в безопасном месте за пару лет. Я всегда думала, что кто-то украдет тебя отсюда к настоящему времени.

Лондон пожала руку своей подруги, прежде чем убраться.

— Это очень щедро с твоей стороны, но я не заинтересована, чтобы кто-то меня спасал. Я неплохо справляюсь сама, и я живу так, как хочу. Мне не на кого опереться, мне не придется прогибаться перед кем-то, выслушивая какая я должна быть и как должна себя вести.

Глаза Маргрит стали мягче.

— О, любовь моя, однажды ты расскажешь мне, что сделала твоя мать. А пока, я все-таки хочу, чтобы ты подумала о такой возможности, как быть чьей-то любовницей или женой. Существует много прекрасных богатых мужчин, которые будут обожать, носить тебя на руках день ото дня, а ночью любить в кровати. Я серьезно тебе говорю, что иметь постоянного любовника гораздо больше преимуществ по сравнению с почасовыми.

Лондон покачала головой и усмехнулась.

— Ты можешь иметь их, — сказала она. — Последнее, что мне нужно это чтобы какой-то мужчина говорил мне, что делать.

— Даже такой, который выглядит, как Дерек Эмброуз?

— Даже он.

«Да, — подумала она, прогоняя в памяти эти ледяные голубые глаза. — *Даже он*».

Кулаки Дерека стучали по тяжелому мешку снова и снова. Чмок, чмок, чмок, чмок, в ритме — раз, два, раз, два. Его голая грудь была покрыта потом, плечи болели от жестокого темпа, который он удерживал, поскольку он прибыл в Spar.

— Тебе лучше быть поосторожнее, старик, ты что-нибудь себе растянешь, — голос его брата Маркуса прорвался сквозь дымку разочарования, которое он испытывал в течение последнего часа.

Он схватил мешок, который отскочил от его последнего удара. Остановив его раскачивания, он повернулся к своему двадцатипятилетнему младшему брату, почти такому же внешне как Дерек, только с более темными глазами и волосами.

— Я только разогреюсь, — сказал Дерек. — Переодевайся и я надеру тебе задницу.

— По телу можешь лупить только сегодня, — произнес Маркус. — Лицо — мое средство к существованию.

Дерек скривился. Парень был прав, поскольку он недавно начал в качестве политического корреспондента на канале новостей WNN, и Дерек понимал, несмотря на то,

что Маркус был талантливым, как черт, внешность явно не вредила его карьере.

— Хорошо, бьем только по телу, красавчик, а теперь давай.

Маркус ухмыльнулся и поскакал к раздевалке, чтобы снять пятитысячный костюм, который ему купил Дерек. Дерек понимал, что тем самым портит своего брата, но он был так чертовски горд за него, что ничего не мог с собой поделать. Маркус лучшим закончил в своем классе одну из лучших программ журналистики в стране, в течение двух лет работал репортером на рынке СМИ, а затем получил работу политического корреспондента в WNN, самой большой сети новостей в мире.

Дерек заплатил за все, что касалось его брата, начиная с подросткового шестнадцатилетнего возраста, именно тогда Дерек получил свой отличный гонорар за консультирование. В последующие годы он платил за институт Маркуса, аспирантуру, и теперь купил ему роскошную квартиру и БМВ, чтобы отпраздновать новую работу в Вашингтоне, Дерек покачал головой, возвращаясь к пробиванию мешка. Вероятно, он портил Маркуса, но ему доставляло радость делать ему такие подарки, так какого черта.

Некоторые могли бы подумать, что ему следовало бы баловать женщину таким же образом. Но он не встретил пока ни одной, для которой бы хотел так потратиться. Он вспомнил о той, которую поймал с Мелвиллом, эскорте. И сейчас *эта* женщина, по его мнению была единственной, которая заслуживала, чтобы ее баловал мужчина. Он задался вопросом, был ли у нее такой мужчина. А у проституток есть бойфреды? Он вздрогнул от этой мысли. Нет, поскольку она имеет такое количество мужчин. Существовало мнение, что сутенеры и являлись их бойфрендами, но Лондон Шарп нельзя было представить обычной шлюхой с сутенером. Она была слишком высокого класса. Возможно, она знала достаточно об уличных проститутках, решил он, поскольку он должен был сказать, знал не так много.

Факт оставался фактом, если он когда-нибудь встретит такую женщину, как Лондон, Дерек мог бы поддаться искушению побаловать ее. Он хотел баловать ее при этом защищая и общаясь. Он хотел вернуть ее... и некоторые другие части ее тела, которые выглядели так хорошо. Он попал в мешок еще раз и остановился, чтобы вытереть лоб. Да, такой женщине, как она, не дело работать в эскорте. Она попыталась действовать жестко, но он видел, что это не ее, по ее глазам. Она была слишком утонченной для такой жизни. Ей нужен мужчина (ее собственный мужчина) ухаживающий за ней, поддерживающий ее, делающий все, чтобы ей было комфортно. Она была из тех женщин, которые вдохновляли древние племена идти воевать за них, а также современную верхушку перестать ходить к проституткам.

Хождение мужчин к проституткам. Слова вернули его к Мелвиллу, к его рукам и губам скользящим по всему телу обворожительной мисс Шарп. Дерек зарычал и ударил тяжелый мешок с такой силой, что тот едва не соскочил с цепи.

— Что с тобой? — спросил Маркус, появляясь с шлемом и перчатками в руках.

Дерек хмуро посмотрел на него, но Маркус рассмеялся.

— Ты же не думаешь серьезно, что по-прежнему будешь работать на меня, да?

— Заткнись и давай на ринг, Юниор, — Дерек показал на один из спарринговых огороженных рингов рядом.

— Разве ты его бронировал? — спросил Маркус, пока они шли.

— Нет, но Рене забронировала, — Дерек увидел, как загорелись глаза его брата, когда он упомянул имя своей секретарши. — Тебе стоит убрать это прекрасное выражение со своего лица. Я уже говорил тебе не раз — мои сотрудники для тебя табу.

Маркус покачал головой.

— И я отвечал тебе, что не собираюсь подкатывать к твоей секретарше, несмотря на то, что ты не имеешь права мне диктовать, с кем я могу или не могу встречаться.

Дерек серьезно усомнился говорил ли Маркус правду. Он знал, как его брат расправляется с женщинами. Он был весь в погонях и завоеваниях, и как только получал желаемое, переключался на следующую. И именно поэтому Дерек хотел держать его подальше от симпатичной блондинки, которая сидела в холле у его кабинета. Рене сейчас итак хватало проблем и боли, и ей не следовало еще иметь дело с игроком, его братцем. Она напоминала Дереку их младшего двоюродного брата, который погиб в аварии на рафтинге два года назад. Он не мог позволить своему распущенному брату-волку напасть на нее, хотя прекрасно понимал, что они оба были взрослыми людьми.

Они вошли на ринг и начали медленный танец друг против друга, и Дерек решил сменить тему на что-то менее провокационное, чем любовная жизнь Маркуса.

— Скажи мне, что слышно у вас в офисе по поводу заявления Мелвилла?

Несмотря на то, что Маркус был репортером и очень серьезно относится к своей карьере, но в первую очередь он был братом Дерека, и хотя Дерек даже не думал приглашать своего младшего брата в Клуб «Сильных Игроков», поскольку понимал, что и так может всегда рассчитывать на Маркуса и быть в курсе веяний прессы. Маркус всегда был честен с Дерексом, где бы не работал.

— Знаешь, когда я устроился на работу, мы обсуждали этот вопрос с руководством, как все будет происходить поскольку ты мой брат... и руководство решило, что пока я напрямую не буду заниматься репортажами, связанными с тобой, все будет отлично. Но мне кажется, что это их заставляет еще больше нервничать, — он пожал плечами.

— Ты хочешь сказать, что они от тебя все скрывают, и ты на своем месте бесполезен для меня? — Дерек подмигнул и ухмыльнулся.

Маркус попытался ударить его справа в живот, застав врасплох. Он быстро увернулся, получив лишь скользящий удар, но пошатнулся, поскольку не ожидал. События до пресс-конференции выбили его из колеи полностью, и у Дерека все смешалось, особенно неожиданный удар Маркуса, он знал, что находится не в лучшей форме, но при этом не мог себе этого позволить. Он должен был быть на высоте во все времена.

Маркус танцевал, передвигая ногами, прежде чем поднять перчатки снова в боевую стойку.

— Нет, просто говорю, что я не все слушаю. Но сегодня я услышал — мнение такого, что у тебя «один» преемник в партии, выдвигаемый на пост Президента и с тобой, стоящим у руля кампании, он практически не может проиграть.

Дерек ударил Маркуса перчаткой по голове. Не настолько, чтобы причинить ему боль, всего лишь дотронувшись. Маркус отбросил от себя руку Дерека подальше.

— Черт побери, он действительно не может, — фыркнул Дерек.

— Мудак, — покачал головой Маркус.

— А что насчет тебя? Ты вычислил, как оставаться ночью на плаву уже? — Дерек увернулся от удара в левое плечо и нанес удар прямо в середину груди Маркуса. Молодой человек кашлянул и потер больное место, поморщившись.

— Господи, дай мне неделю, ладно? Я вообще даже не знаю, где находится туалет в том месте.

Дерек оглянулся на присутствующих. Тренажерный зал был полон, но большинство присутствующих работало с мешками или тренировались с владельцем тренажерного зала.

— Сегодня до пресс-конференции у меня возникла небольшая проблема, — тихо произнес Дерек.

— Да? — поинтересовался Маркус.

Дерек описал происходившие события в номере отеля до объявления Мелвилла.

Маркус перестал боксировать, опустил руки по швам и вытаращив глаза.

— Ты шутишь, да?

Дерек придвинулся к Маркусу, чтобы продолжить спарринг.

— Я только высказал пожелание.

— Господи. О чем, черт возьми, он думал? Я имею в виду одно дело завести роман, но другое дело с проституткой? — он выглядел испуганным.

Дерек почувствовал, как его лицо покраснело, грудь сжалась.

— Что ты имеешь ввиду?

Глаза Маркуса устремились вспять от Дерека.

— Ты же сказал, что она была шлюхой, да? — прошипел он.

Дерек ударил Маркуса. Со всей силы. Его младший брат споткнулся и тихо выругался.

— Какого хрена?

Дерек сделал глубокий вдох на свою реакцию, он сам себе удивился, поскольку перед ним стоял Маркус. Он потер тыльной стороной перчатки по лбу, прежде чем выставил свои кулаки снова вверх, показывая своему брату, что следует возобновить спарринг. Маркус медлил, следовать приему своего старшего брата, по-прежнему качая головой от отвращения.

— Я не учил тебя так выражаться, — прохрипел Дерек. — Она — человек, и хотя я не могу согласиться с выбором ее профессии, но это не значит, что она недостойна нашего уважения.

Рот Маркуса открылся беззвучно в «Вау».

— Я прав? — спросил Дерек, смотря самым жестким взглядом на самого любимого человека в мире.

— Да, да, конечно. Я извиняюсь, конечно ты прав, — Маркус некоторое время молчал, а они продолжали танцевать вокруг друг друга медленно и легко, как если бы разговор не привел к такому противостоянию.

— Ты когда-нибудь..., — Маркус замолчал, но Дерек знал точно черт побери, что он имел ввиду.

— Нет. Конечно, нет, но я знаю многих мужчин, которые пользуются этим.

Маркус покачал головой.

— Да, я не могу представить, чтобы какая-нибудь была настолько хороша.

— Ты не видел эту женщину, ты бы тогда запел совсем другую песню, — пробормотал Дерек.

Маркус попытался сделать вялый апперкот в подбородок Дерека, но Дерек увернулся и вернул ему двойной удар.

— Так она была горяча... эта женщина?

Дерек ударил Маркуса по голове.

— Она была очень горячей.

Маркус остановился, перестав танцевать по рингу, рукой указав на бутылки с водой, расположенные на краю. Оба мужчины прошли к канатам и протянули руку, чтобы взять по бутылке.

— Такое впечатление, что ты хотел бы быть одним из ее клиентов, — пошутил Маркус.

Дерек от его слов встал в стойку, при этом понимая, что не мог винить Маркуса за его слова.

— Нет, я бы никогда не был ее клиентом, — ответил Дерек. — Но если бы она занималась другой профессией...

— Я хочу увидеть эту женщину, — усмехнулся Маркус.

— Я предполагаю, что этого никогда не случится, — ответил Дерек, перебравшись назад на центр ринга и внимательно следя за движениями брата.

— Запомни свое обещание, — Маркус усмехнулся, нанеся апперкот в челюсть Дерек, танцующий победный танец вокруг ринга.

Дерек перевернулся, хлопая ладонью по кровати, пытаясь отыскать мобильный телефон, который безжалостно не переставая звонил. Он наконец-то нащупал его, открыл глаза, провел пальцем по экрану, выключая будильник.

Он застонал и потянулся за пультом, чтобы включить телевизор с плоским экраном, установленным на стене напротив его двуспальной кровати из кованого железа. Голос новостей WNN наполнил комнату, Дерек сел и поправил подушки. В его работе было важно быть в курсе всех новостей. Много лет назад он не знал об этом канале ничего, пока в какой-то миг не узнал и не покинул дом, поверив СМИ.

— Этим утром в Вашингтоне известна только недолговечная компания выдвижения на пост президента.

У Дерек грудь сжало, словно заковало льдом. Он схватил пульт и сделал звук на полную громкость, вылез из кровати и подошел к телевизору.

— Сенатор Джейсон Мелвилл, из штата Пенсильвания, выдвинувший вчера свою кандидатуру на пост президента в небольшой пресс-конференции, — на экране отобразилось несколько кадров из пресс-конференции Мелвилла, диктор продолжила, Дерек же сглотнул накатывающую желчь.

— Но сегодня утром канал WNN получил информацию из конфиденциального источника, что Мелвилл скорее всего завершит свою кампанию до ее начала. Источник сообщил, что сенатор Мелвилл провел время в своем гостиничном номере один на один с высоко оплачиваемой девушкой по вызову. Информация проверяется по записям в отеле и камерам наблюдения, женщина определена служащими отеля, как популярная высокооплачиваемая проститутка, заходящая к Мелвиллу в люкс отеля «Ренессанс» вчера днем, за несколько часов перед тем, как он выставил свою кандидатуру в Президенты.

— Черт! — заорал Дерек в свете серого рассвета в своей спальне. — Не о чем беспокоиться, бл*дь!

— Источник нам сообщил, что эта неизвестная женщина, видимая на камере в лифте эпохи Возрождения, находилась в номере Мелвилла в течение примерно девяноста минут. Пока мы не слышали объяснений со стороны штаба предвыборной кампании Мелвилла, но никто не способен отрицать, что это огромный удар по известному консультанту Дереку Эмброузу, который собственно и руководит президентской кампанией Мелвилла.

Дерек провел рукой по волосам и со всего маха бросил пульт в стену, разбив его на мелкие кусочки и тем самым отключив телевизор.

Он схватил телефон и нажал на быстрый набор — семь.

— Дерек, — произнес Джейсон, как только снял трубку.

— Она никому не расскажет? — зарычал Дерек. — Она слишком осторожна? Она никогда не скажет ни слова? Ну, черт побери, она сказала. Она даже не смогла выдержать двадцать четыре гребанных часа, Джейсон. Двадцать четыре!

Джейсон вздохнул.

— Не знаю, как это вдруг случилось, но сейчас у меня проблемы посерьезнее. Анжела еще не проснулась, а мой тесть Вандеермеер смотрит новости. Он собирается разорвать меня на кусочки, Дерек.

Дерек стиснул зубы и удивился сам себе, как он мог быть настолько глуп, что выбрал этого придурка, решив баллотировать его в Белый дом.

— И ты это заслужил. Оставайся на месте. Не с кем не разговаривай. Я позвоню твоим сотрудникам и скажу, что делать, поэтому даже не смей отвечать на их звонки.

— Хорошо, но что я должен сказать Анжеле?

— Попробуй оправдаться, Джейсон. И сохрани ее на следующее десятилетие или около того. Не беспокой меня, если только она не отрежет тебе яйца. Я буду на связи.

Он закончил звонок и тут же набрал быстрый набор другого номера.

— Я видел только что, — без предисловий сказал Камаль.

— Он понятия не имеет, как это произошло, — Дерек прошелся по спальне, потирая рукой обнаженную грудь, в которой засела жгучая боль. — Мне кажется, у меня начинается сердечный приступ.

— Помнишь, как мы играли против Дартмута в выпускном классе? — спросил Камаль, вспоминая футбольную команду Корнелла.

Дерек еще больше нахмурился, для него сейчас не самое время вспоминать былое.

— Да?

— Ты тогда тоже думал, что у тебя сердечный приступ, но вышел и забил два гола и принес нам кубок чемпионов. Ты не умираешь.

— Легко тебе говорить, — пробормотал Дерек.

— И каков следующий шаг?

— У меня назначен визит к известной дорогостоящей девушке по вызову.

— Ты уверен, что это хорошая идея? Что делать, если тебя увидят?

— Я буду осторожен. Позвони Джеффу и скажи, чтобы за мной шел хвост, который способен удержать других подальше от моей задницы?

— Договорились, — ответил Камаль. — Мы сделает это в течение тридцати секунд. Хочешь, чтобы я поговорил с сотрудниками Мелвилла, пока они не совершили что-то глупое, типа созвали пресс-конференцию?

— Будь добр. Я позвоню тебе, как только повидаюсь с ней.

Камаль выдавил из себя горький смешок.

— Если она еще не забрала двадцать тысяч и намного больше, что ей заплатили за болтовню в прессе и не покинула страну.

— Если это так, то я начну охоту на нен, — мрачно произнес Дерек. — Меня не волнует, даже если мне придется пойти за ней в глухую Сибирь с чертовой зимой, я все равно найду ее. И она будет чертовски сожалеть, когда я встречу с ней.

Стук не прекращался. Лондон перевернулась в своей постели и застонала.

— Хватит уже, — пробормотала она. Но снова начали стучать, да так громко, что казалось деревянная входная дверь, сделанная на заказ, сейчас треснет.

— Хорошо, хорошо! — прокричала она. Кто, находясь в здравом уме будет стучать в ее дверь, (она взглянула на часы на тумбочке) в семь тридцать утра?

Она выбралась из постели, схватила сапфирово-синий шелковый халат, висевший у подножья кровати. Надев подошла к туалетному столику и наклонилась, посмотрев в зеркало. На голове был полный беспорядок, но, черт возьми, тот что посмел разбудить ее в столь ранний час, заслужил это увидеть.

— Я иду! — прокричала она, спускаясь по лестнице и ступив на прохладные мраморные плитки холла. Она подумала, что одеть тапочки было бы неплохо.

Она подошла к двери и посмотрела в глазок, тут же отскочив, как только увидела с противоположной стороны двери, находящегося в полном бешенстве Дерек Эмброуза. Она посмотрела еще раз, и увидела его холодные голубые глаза, смотревшие прямо на нее.

— Открывай. Быстро, — потребовал он не громким голосом, который все же вызвал дрожь у нее по позвоночнику.

Она открыла замок, распахивая дверь, прежде чем смогла сказать хоть слово, Дерек проскользнул мимо нее в дом, быстро развернулся, упершись одной рукой в дверь рядом с ее головой, захлопнул ее с таким грохотом, что на стенах в рамках зазвенели картины.

— Что в мире..., — удалось Лондон выдавить, задыхаясь от ярости, смотря на него.

— Сколько и кто? — прорычал он, ближе придвигаясь к ней.

— О чем речь? — спросила она, хотя ее позвоночник одеревенел, но он не заметил, как она боялась его на самом деле.

— Кто заплатил тебе, чтобы ты настучала на Мелвилла и сколько они тебе дали?

Она смотрела на него, голова была совершенно пустая, пока она пыталась понять, о чем он говорит.

— Что? Настучала... я?

Он посмотрел на нее сверху вниз, его глаза сверкали, как кусочки замерзшей морской воды.

— Я должен отдать тебе должное — ты быстро сработала. Я даже не предполагал, что ты в состоянии найти так быстро кого-то готового так быстро сделать ответный ход. А, скорее всего, ты планировала это заранее, да? Ты пару месяцев встречалась с Джейсоном. Возможно, он проговорился и сказал, что собирается баллотироваться в Белый дом, поэтому ты решила, что можешь на этом побольше заработать. Все произошло именно так?

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — ответила она, ее голос звучал ровно и спокойно, насколько она могла себя контролировать.

Дерек пробормотал какое-то ругательство и схватил ее за руку, оглядываясь по сторонам, задумываясь куда бы ее отвести, прежде чем потащил через холл в первую попавшуюся комнату.

— Что ты себе позволяешь? — задохнулась она. — Ты не можешь врваться в мой дом и тянуть меня куда тебя вздумается, словно я какая-то тряпичная кукла. Я хочу, чтобы ты немедленно ушел!

— Дорогая, после того, что ты сделала для меня, ты должна быть счастлива, что я отношусь к тебе, как к тряпичной кукле, — Дерек протянул руку и включил телевизор, нажимая на кнопку, пока не нашел канал WNN новостей.

Лондон стояла завороченно, лицо Мелвилла промелькнуло на экране.

«Кандидат в президенты якобы был с проституткой в отель Вашингтона, прежде чем объявил свою кандидатуру», скользил заголовок.

— О, мой Бог, — пробормотала Лондон, смотря на экран в полнейшем ужасе. Бегущая строка объясняла реакции разные экспертов и говорила об отсутствии комментариев от Белого дома. — Как такое возможно?

Дерек уставился на нее, его лицо уже не выражало первоначальную ярость. Он остановился, вопросительно приподняв брови, но она молчала. Она взглянула на него, потом опять на экран телевизора.

— Скажи мне, что они не знают моего имени. Пожалуйста, скажите мне, что они не знают моего имени.

— Нет, — ответил он. — Но у них есть пленка с камер видео наблюдения, где ты находишься в лифте гостиницы. Там не видно явно твоего лица, но это не значит, что кто-то не сможет тебя вычислить.

— О, Боже, — Лондон рухнула на диван, Дерек наконец отпустил ее руку. Она поднесла руки ко лбу. — О, мой Бог. Как это произошло?

— У меня точно такой же вопрос. Но у меня почему-то такое чувство, что я не получу здесь ответов.

Она взглянула на него, и выражение ее страдания сменилось гневом.

— Я не могу поверить, что ты думаешь, будто это сделала я. Я эскорт, поэтому автоматически ненадежна? Да будет тебе известно, что твои жалкие двадцать тысяч, которые ты мне вчера дал, это всего лишь мелочь в моем мире. Видишь этот дом? Я заплатила за него. Наличными. У меня есть квартира для отпуска в Вейле, черт побери. *(Вейл (англ. Vail) — город и горнолыжный курорт в округе Игл, штат Колорадо, США.)* Я не продаю клиентов за несколько тысяч долларов и даже десятки тысяч. Я — деловая женщина.

Дерек посмотрел на нее, и она увидела, как множество эмоций сменяются у него на лице — удивление, восхищение, и что-то еще, у нее стало совершенно сухим горло и ладони мокрыми. Она почувствовала, как стало краснеть лицо и ее пульс подскочил.

Он все еще продолжал смотреть на нее, наклонив голову на бок, его глаза словно приклеились к ней.

— Ты не делала этого, — спокойно сказал он.

— Нет, — мягко ответила она.

Не отрывая взгляда, он сделал шаг ближе, потом передумал.

— Ну с квартирой в Вейле ты надежна, а кофеварка здесь есть? — вдруг поинтересовался он, повернувшись на каблуках и широким шагом направившись к ней на кухню.

Десять минут спустя она сидела перед ним, напротив за кухонным островком, с чашкой кофе в руке.

— Теперь, когда ты пьешь кофе, как ты собираешься это исправить?

Он засмеялся глубоким, хриплым смехом, который посылал вибрации по всему ее телу. Его улыбка создала крошечные морщинки вокруг его ярких глаз, смягчая выражение его лица. В сочетании с легкой щетиной и находящимися в беспорядке светлыми волосами,

спадавшими на лоб, улыбка переводила его из привлекательного, в мужчину, от которого захватывает дух, и она вздохнула, изо всех сил пытаясь замаскировать свою реакцию и восстановить контроль над своими гормонами-предателями.

— Что же здесь смешного? — проворчала она, делая глоток кофе, чтобы скрыть свою реакцию на него.

Он подмигнул ей. Ублюдок.

— Ах, ты смешная. Правда, — он тоже сделал глоток своего кофе. Честно, она хотела отравить его кофе, прежде чем поставить перед ним.

— Я имею в виду, мистер Эмброуз. Как ты собираешься это исправлять? Я не могу поверить, что мне не звонят друзья и не спрашивают, почему они были не в курсе, что я работала проституткой.

— Мне не нравится, когда меня называют мистер, кстати, а я думал ты эскорт, — упрекнул он ее.

— Ты знаешь, что они видят мою профессию совсем по-другому.

Он провел рукой по волосам, его выражение стало серьезным.

— Знаю.

Она прищурилась на него с гневом.

— Твой клиент полный идиот, он и втянул меня в это. Тебе следовало его держать на коротком поводке. Вся эта история способна погубить меня.

Он с грохотом поставил чашку на столешницу.

— А ты не думаешь, как это отразится на мне? Можно подумать, что для меня это самое выгодное приобретение в лице следующего кандидата в президенты? Черт, кто будет нанимать парня, который пожизненно будет связан с самой короткой президентской кампанией в истории политики США?

Она вздохнула.

— Мне кажется, мы оба стали жертвами того, кто слил эту информацию. Есть ли у тебя другие идеи, кто бы это мог быть?

Он мерил шагами кухню, как большой камышовый кот, очевидно о чем-то глубоко думая. Даже с ее большим опытом по части всевозможных совершенно разных мужчин, она была в плену его шарма, наблюдая, как его мышцы выпирали из-под рубашки, широкие плечи делали кухню сразу какой-то карликовой, а его длинные ноги в два шага сокращали ее размер.

Наконец, он остановился.

— Я понятия не имею кто это сделал, но ты сможешь меня спросить через двадцать четыре часа. Им это с рук не сойдет.

— И что нам пока делать? — поинтересовалась она, откидывая волосы назад за плечо, твердо намереваясь стряхнуть наваждение, которое только увеличивалось, пока он находился у нее в доме.

Он облокотился руками на кухонный островок и наклонился вперед. Его взгляд явно ее завораживал, совершенно очевидно опускаясь к ее ложбинке, которая выглядывала из декольте ее шелкового халата.

Он глубоко вдохнул, как будто пытался затянуть побольше воздуха, витающего вокруг нее. Она непроизвольно облизала губы, почувствовав, что у нее могут возникнуть проблемы, которые уже кажется витали в воздухе, на грудь опустилась тяжесть, сердце забилося чаще.

— Мы сообщим, что встречаемся, — сказал он, и уголки его губ приподнялись вверх в

дьявольской ухмылке.

Черт, она была великолепна. Неудивительно, что мужчины платят штуку в час, чтобы побыть с ней. Он собирался опустошить свой портфель акций, если бы она только развязала пояс на этом цвета драгоценного камня халате.

Он был охотником, когда ворвался к ней в дверь и взглянул на ее пышные груди и сногшибательную задницу, завернутую в блестящие шелка, волосы, спадающие волнами вокруг ее лица и экзотические глаза. Даже в своей ярости он хотел схватить ее, прижать к стенке, трахать до бесчувствия, пока не услышит, как она прокричит его имя.

Вот и попробуй объясни, почему он состряпал легкомысленный план, который в настоящее время собирался озвучить ей, пока она стояла, скрестив руки на груди, сузив глаза и смотря на него взглядом, наполненным гневом.

— Нет, — она даже не повысила голос, ее лицо напрочь закрылось.

— *Я мог бы* позволить тебе и Мелвиллу взять всю вину на себя. Я бы выставил тебе иск за непрофессионализм, и ты не смогла бы доказать обратное. В итоге вы двое могли бы распрощаться со своей карьерой. Его бы никогда не избрали ни на какой пост, а ты бы осталась пресловутым вашингтонским эскортом... не уверен, что далеко бы ушла от Хейди Фляйс, но кто знает, — он пожал плечами, пока она пристально смотрела на него. Он вел себя как придурок, но ему необходимо довести это до конца. У них было очень мало вариантов, и чем скорее она это поймет, тем лучше. *(Хейди Фляйс основала подпольную компанию по проституции в Голливуде. Её связи со знаменитыми актёрами помогли ей в её преступном бизнесе.)*

Он прошелся до другого конца кухни, стараясь слишком глубоко не вздыхать, проходя мимо нее. От нее по-прежнему исходил тот экзотический пряный аромат. Он делал его голодным, причем худшим из возможных способов.

— Я угрожал восемнадцать месяцев на выпестывание Мелвилла, я слишком многое вложил в него, и я не готов сдаваться без боя. Ты должна быть благодарна, что я собираюсь помочь тебе.

Она фыркнула, и даже этот звук был сексуальным.

— Каким же образом, что мы встречаемся, может помочь мне? Я видела фотографии некоторых из женщин, к которым ты прибегал..., — она закатила глаза, — это не совсем та компания, в которой я хотела бы быть.

«Господи. А что такое случилось с теми женщинами, с которыми я встречался?» Они всегда были привлекательными, отполированными, хорошо воспитанными. Он тщательно выбирал их, пытаясь застраховаться с ними от прессы, но также не заставлял его краснеть за них.

— А что, черт возьми, не так с моими спутницами? — спросил он, реально раздражаясь, поскольку она критиковала его вкус к женщинам.

— Не заводи меня, — ответила она, поворачиваясь к раковине, чтобы помыть их кофейные чашки.

Он с расстройством провел рукой по волосам. «Оставайся сосредоточенным», — сказал ему его внутренний голос-надсмотрщик.

— Послушай, давай придерживаться интересующего нас вопроса. Мы собираемся провести пресс-конференцию, на которой я объявлю, что ты моя девушка, и поэтому мы были в гостях в люксе Мелвилла. Мы не сможем скрыть факта, что ты работала эскортом, но

мы можем немного его подретушировать, что с тех пор, как ты увидела меня, ты бросила этим заниматься. Ты изменилась, благодаря любви к хорошему мужчине и все такое. Это долгий путь, но по крайней мере мы будем контролировать ущерб, причиненный твоей репутации. Мы могли бы сделать тебя любимицей СМИ благодаря этому. Мы можем поднять вопрос о более строгих законах по защите жертв торговли людьми; ты дашь пару симпатичных интервью, объясняя, почему и как стала вести такую жизнь.

Он просто ощущал ее нерешительность, но ее челюсть все еще была напряжена, тело было сталь под шелком. Она не размазня. Он понял, что ей не нравится делать то, на что ей указывают другие, и ему пришлось подавить улыбку, представив, как она должна была сдерживать себя с некоторыми *доминирующими* клиентами.

— Ты действительно думаешь, что я хочу рассказывать свою историю прессе?

— Нет, но я также думаю, что в ближайшие несколько недель, неважно, чем ты будешь заниматься, ты не уйдешь от внимания прессы. Разве ты не любишь относиться с понимаем к вниманию?

Он почти видел, как вращаются колесики у нее в голове. Он даже не стал ей пояснять суть дела, представляя все с другой точки зрения, вопрос был закрыт. Она уже была выброшена из зоны комфорта и пути назад не было.

— Я подумаю об этом, — наконец ответила она.

Он кивнул, понимая, что ему не стоит настаивать на данный момент. Дерек Эмброуз знал наверняка, как стоит вести переговоры, и горячий, чертовски сексуальный эскорт ничем не отличалась от праведных, дородных политиков. В некоторых ситуациях действительно требуется железный кулак, но в других — леденец.

— Скажи мне, кто знает о твоей работе? — спросил он, подпирая бедром столешницу.

Она жестом указала ему следовать за собой в гостиную. Он зачарованно смотрел, как ее попа качивается под мягкой струящейся тканью халата, и его член дернулся в десятый раз за последние двадцать минут.

Они сели на противоположные концы дивана из красного дерева, отделанного парчой, она вздохнула.

— Никто не знает... и не знал... ничего, — тихо ответила она.

Он уставился на нее в изумлении.

— Никто? Ты была эскортом восемь лет, и ты никому не рассказывала?

— Ну, клиенты, очевидно, знают и само агентство, но другие нет. Никто.

— Семья? — спросил он.

— У меня нет семьи, — быстро ответила она, судя по ее тону, он понял, что эту тему лучше не поднимать.

Он посмотрел на нее, вспомнив возникшие подозрения членов Клуба «Сильных Игроков» о ее позднем подростковом периоде. Он попытался отбросить его в сторону, но все равно испытал чувство тошноты.

— А что ты делаешь, если сталкиваешься с *клиентом*, — слово «клиент» оставило какой-то неприятный привкус у него на языке, — где-то? Что ты делаешь, чтобы они не узнавали тебя?

— Я скрываю обе стороны моей жизни. Как только я начала иметь приличные деньги от эскорта, я перестала ходить на общественные мероприятия с клиентами, и стала избегать всевозможных сборищ, где клиенты могут быть участниками этих вечеринок, то, что связано непосредственно с частной стороной моей жизни. Хотя это приводит мою лучшую подругу в

бешенство. Я отказываюсь с ней присутствовать на политических собраниях или больших вечеринках по сбору средств.

Он покачал головой, удивляясь всему, что слышал. Восемь лет она хранила эту тайну. Восемь долгих лет. Скорее всего, она не гордилась методами, которыми ей приходилось зарабатывать на эту жизнь. Она явно не хотела, чтобы о ней знали. Так почему тогда она это делала? Ради денег? Он не мог поверить, что ею двигало только это. Ее дом был прекрасным, стильным и эффектным, таким же, как она. У нее была недвижимость, чтобы провести отпуск в Вейле, одна ее одежда, возможно быть, стоила арендной платы за несколько месяцев. Она могла бы бросить эскорт и найти себе что-то другое.

— И твои друзья... а как они думают, ты зарабатываешь на жизнь? Что это за люди?

Она подняла на него бровь.

— Не думаю, что ты имеешь право копаться в моей личной жизни больше, чем уже копаешься, но мои друзья предполагают, что я унаследовала эти деньги. Я веду тихую жизнь одинокой женщины со средствами. Я выхожу на ланчи, занимаюсь волонтерством, путешествую. Единственная разница в том, что я обслуживаю богатых мужчин за деньги. Все это очень хорошо работало до сегодняшнего утра.

Кровяное давление Дерекса подскочило, как у рыцаря, когда она объяснила свой бизнес. Он знал, что не вправе судить ее, но ничего не мог с собой поделать, у него перед глазами стоял Мелвилл, распластавший ее красивое мягкое тело у стены, пока этот мудака вбивался в нее. Он задрожал, пытаясь убрать видение из своей головы.

— Ну, на данный момент все станет по-другому. Мы объявим, что встречаемся, и как только ты меня встретила не могла больше продолжать заниматься этим бизнесом. Ты расскажешь своим друзьям, что ты специально скрывала меня, потому что хотела посмотреть серьезны ли наши отношения... это вполне разумное объяснение, учитывая мой послужной список, парня, предпочитающего недолговременные связи.

— У меня одна подруга, — пробормотала она.

Он встал и подошел к окну, не желая, чтобы она видела выражение его лица, когда он продолжил говорить:

— Мы должны будем притворяться, что это на самом деле так, пока все не уляжется. Появятся вместе на публике... ужинать, ходить на благотворительные приемы. Я оплачу тебе потерянный доход, конечно.

Он понял, что с Ягуаром можно распрощаться до конца года, если он собирался ей заплатить, но, если вопрос ставился о продвижении кандидата в Белый дом, он был согласен пойти на это, даже не задумываясь. Кроме того, существовало еще и дополнительное преимущество, он сможет подальше удерживать ее от всех кроватей мужчин, это звучало даже очень заманчиво. Скорее всего это совершенно было не логично с его стороны, но так оно было, вот и все.

Он резко развернулся и выпалил:

— Что скажешь? Мы станем любимцами политического сезона, — он улыбнулся обворожительной улыбкой и подмигнул, как правило это творило чудеса с женщинами. Он понял это, когда ему исполнилось двенадцать.

Ее лицо было как камень — неподвижное, ничего не выражающее, совершенно без эмоциональное. Понятно. От нее так легко не получишь согласия, нежели ему удавалось проделывать это раньше, теперь он встретил женщину, которая могла не поддаваться чарам его обворожительной улыбке в сочетании с подмигиванием. *Вот черт.*

— Это не очень хорошая идея, — ответила она, стоя у дивана.

— Почему?

— Мы даже не нравимся друг другу. Как мы сможем убедить людей, что встречаемся? И как мы на самом деле сможем убедить людей, если наши собственные друзья знают, что это настоящий ужасный фарс. Или может у тебя нет друзей?

Он закатил глаза на ее заявление, ее глаза поблескивали.

— У меня есть друзья, ты познакомилась с ними... пока *встречалась* со мной. У тебя есть другая идея, как по-другому все это исправить?

— Все эти годы я жила вполне комфортной жизнью, скрывая свою деятельность, я не могу поверить, что это произошло.

— Понятно, но ты же понимаешь, что не могла вести двойную жизнь вечно? — спросил он мягко.

Она разочарованно вздохнула, нахмутив свои идеальные брови.

— У меня было много дураков, но думаю, что сенатор Мелвилл сорвал куш. Ты на самом деле думаешь, что он может стать хорошим президентом?

Он кашлянул, пытаясь скрыть смех от ее описания мужчины, который платил, чтобы провести с ней время. Любой мужчина, имеющий возможность побыть с ней, а потом вот так просто отпускающий ее, был действительно дураком.

— Я думаю да, даже после случившегося. Он блестящий государственный деятель и политик, но он ко всему прочем еще и человек, и очевидно, совершивший роковую ошибку. И, черт возьми, Дерек даже не мог упрекать его за это, поскольку эта женщина могла стать роковой ошибкой любого мужчины. Она была как магнит, который притягивал к себе в сексуальный закрученный вихрь, способный просто поглотить вас целиком.

— И ты на самом деле думаешь, что это сработает? Продолжить предвыборную кампанию и убедить людей, что я стала другой? — с сомнением спросила она.

— Да, это может сработать — это называется прятаться у всех на виду, — ответил он, подходя ближе. — У нас имеется всего несколько вариантов, выхода из этой ситуации. Мы отправляем тебя за границу на несколько недель, пока Мелвилла разбивает пресса в пух и прах, она также неустанно будет искать тебя, как только все уляжется, ты сможешь вернуться, но они тут же накинутся на тебя, как только ты сойдешь с трапа самолета. Мой кандидат будет уничтожен этими слухами, ему придется защищаться и обороняться на каждом шагу, и со временем пресса откапает что-то или кого-то еще, кто подтвердит все слухи. Тогда на самом деле будет все кончено, Мелвилл вынужден будет отказаться от политической карьеры навсегда, моя репутация будет также запятнана, и ты останешься печально известной шлюхой на всю жизнь.

Он увидел мельком промелькнувшую боль у нее на лице. Ее губы сжались, она опустила глаза и румянец пополз у нее по щекам. Ему не нравилось, что он так жестко и грубо обрисовал ей картину, но это Вашингтон и дело касается политики, в которой нет ничего нежного, ничего, что может вызывать трепетные чувства. Ему нравилась политика — конкуренты, постоянно обнажающие клыки, сражения, идущие полным ходом — он тоже иногда испытывал разочарование от всего этого — тратя свое время, постоянно маневрируя и спонтанно меняя дислокацию на кажущемся фронте, на котором он каждый день носил «глянцевую» защиту. И сейчас он сожалел, что не было никакого другого способа, получить, что он хотел, не нарушая тщательно сбалансированной жизни этой женщины.

— А другой вариант? — спросила она. — Прятаться у всех на виду?

— Мы заявляем альтернативную историю. Ты пришла в отель исключительно, чтобы увидеться со мной, поскольку мы любим друг друга, ты изменилась за это время. Это отвлечет их в лучшем случае от Мелвилла, и если мы сможем выиграть время и замутить воду достаточно хорошо, история никогда не будет раскрыта. Она будет обсасываться со всех сторон... наверное, больше, чем один раз, но не продвинется дальше, потому что мы поседем слишком много сомнений.

Она приподняла одну бровь и ее пухлые губы на мгновение сжались.

— Теперь я понимаю, кто такой Дерек Эмброуз, — сказала она.

Он не мог удержаться от улыбки, у него в груди стало теплее, только лишь из-за того, что она согласилась, что он был чертовски хорош в том, что делал. Он не отличался тщеславием, но ему нравилось хорошо выглядеть в глазах этой конкретной женщины. Он почувствовал от этого удовлетворение, возможно, даже слишком сильное удовлетворение.

Она смотрела на него мгновение, оба не шевелились, но он вдруг фыркнул, наблюдая как она дышала, и у нее подымалась и опадала грудь. Потом она вдруг облизала своим пухлые губы, и внутри него что-то прорвалось, как разлив реки, заполняющее сухое русло. *Желание* появилось в каждой клетке, в каждом дюйме его сущности, он горел. Угли костра только и поджидали легкого дуновения ветерка, чтобы разгореться в огромный пожар.

Внутренний голос у него в голове сказал, что он облажался, целиком и полностью облажался. И сама его идея была обречена, так же, как и он был обречен. Если бы не необходимость, опаляющая тлеющими углями желание, не позволяла ему переживать о ней. Она не разрешала ему сделать необходимый глоток кислорода, необходимый для полной жизни.

Ее. Это касалось ее.

Она вздохнула, отвернувшись, и он заметил, что у нее дрожат руки. Слава Богу. Может быть, дело не только в нем.

— Ладно, — произнесла она тихо, — я сделаю, как ты сказал. Но не возьму у тебя денег. Поэтому, пожалуйста, не предлагай мне их снова.

Он шагнул ближе, поднимая руки, словно собирался взять ее за плечи, затем опустил, наклонившись вперед, его губы почти касались ее волос.

— Но ни одного клиента, да? Ты не должна продолжать работать, если мы собираемся продать эту историю, — в глубине души он знал, что его желание было намного в большей степени собственным, нежели что кто-то может поймать ее за ее работой. Он не хотел думать о мужчинах, находящихся рядом с ней, пока она будет его девушкой... даже фиктивной девушкой.

Она посмотрела на него, с трудом дыша, как только почувствовала, что он находился в ее личном пространстве, в дюйме от нее, едва касаясь ее тела. Его глаза прошли по ее лицу и остановились на губах, посылая разряд электричества, прямо к его паху.

— Никаких клиентов, — почти шепотом произнесла она. — Только ты.

Если бы он мог, то наклонился бы ближе, намного ближе к ее губам, его легкие стали протестовать, поскольку не получали уже кислорода в течение нескольких минут... или, может быть, прошел уже ни один час. Снаружи сработала сигнализация на машине, и он дернулся назад, ошеломленный, как легко он потерялся в ней, забыв где находится и о чем говорил, только всего лишь чувствуя ее запах, видя ее, дыша вместе с ней.

— Я созову пресс-конференцию в течение трех часов, вечерние новости будут посвящены нам. Я пришлю за тобой машину. Надень что-нибудь такое же, как платье,

которое было на тебе в гостинице. Лиловое. Оно было превосходным.

Она отступила назад, подозрительно всматриваясь в него.

— Ты обратил внимание во что я была одета в разгар этого сумасшествия?

— Я обратил внимание на всю тебя, — ответил он, развернулся и вышел за дверь, оставив ее стоять в одиночестве в гостиной.

Лондон откинулась на мягкое кожаное сиденье лимузина и вздохнула. Она действительно потеряла рассудок. Поддавшись чертовски сексуальному мужчине, его сладким речам, и рассыпалась, как старое печенье. Урон уже был нанесен, ее жизнь лопнула, как мыльный пузырь, и вместо того чтобы не принимать его предложение и принять все как есть, поскольку она потеряет друзей и респектабельную жизнь, которую выстроила вне занятий проституции, она собиралась прыгнуть из огня да в полымя и попытаться спасти остатки от полного фиаско.

Это была бомба замедленного действия. Все внимание прессы будет направлено, чтобы раскрыть и заполучить ее самый темный секрет, она стала бы изгоем, путей для спасения уже не было бы и даже феноменальные навыки Дерека Эмброуза не спасли бы ее. Если Америка узнает о ее семье, она станет врагом народа номер один. Ее друзья никогда не смогут перейти эту границу. По крайней мере не в столице страны.

Так какого черта она тут делает? Ответ был довольно прост... ей нравилась жизнь, которую она создала. Не ее жизнь в лице проститутки, а ее жизнь в лице Лондон Шарп. Ее дом, ее друзья, ее благотворительные фонды, в которых она участвовала. Да, ей пришлось быть осторожной все эти годы, держаться подальше от известных мужчин округа Колумбия, которые принимали участие во многих мероприятиях, и если честно, то несколько раз она сталкивалась с некоторыми клиентами в таких местах, как рестораны и концертные залы. Но они не испытывали желание ее узнавать, также, как и она, поэтому все проходило гладко.

В течение восьми лет она была той, кем хотела быть, а не той, кому указывали какой она должна быть. Она нашла людей, которые были верными и добрыми, а главное, честными. Ирония заключалась в том, что она была нечестна с ними все время, чтобы не раскрывать себя. Быть проституткой и скрывать этот секрет от людей, ей было не безразлично, цену которую она заплатила, чтобы иметь контроль... контроль над тем, кем она была, и теперь кого впутывала во все это. Она давно потеряла контроль над историей своей жизни, но была полна решимости контролировать свое настоящее и будущее.

И теперь она передала контроль над всем этим Дереку Эмброузу. Она собиралась позволить ему изменить свою жизнь, рассказав всему миру кем она была на самом деле и чем занималась, и собиралась стать, хотя на самом деле так не было... его девушкой. Если бы кто-нибудь две недели назад сказал ей, что она будет стоять перед национальной прессой и все это делать, она бы рассмеялась в лицо и указала на дверь. Но на данный момент существовало слишком много оговорок, касающихся ее, и она собиралась получить ожидаемый результат. В основном потому, что она не могла попрощаться с Лондон, которую в течение этих лет создала с нуля. И если уж до конца быть совершенно честной, ей было очень тяжело сказать «нет» Дереку Эмброузу.

После того, как Дерек ушел, она потратила оставшуюся часть утра отвечая на телефонные звонки и сообщения от ее друзей. Это настоящая правда? Была ли она на самом деле проституткой? И как она могла все эти годы скрывать такое от них?

Самый тяжелый разговор был, конечно, с Джоанной. Джо была ближайшей подругой Лондон, они познакомились, когда им было далеко за двадцать, вместе участвовали в Женской Лиге. Джоанна ближе всех знала реальную Лондон, такую ее больше никто не знал на планете, хотя она ничего не знала о профессии Лондон или ее семье. Их разговор не был

легким.

— Почему ты не сказала мне? — причитала Джоанна, как только появилась на пороге ее дома.

Лондон моргнула. Как объяснить множество избранников за все эти годы?

— Потому что я не в состоянии была услышать твое осуждение.

Джо снова оцетинилась.

— И ты полагаешь, что знаешь, что я скажу?

Лондон покачала головой, давая ее волосам спокойно упасть на лицо и опустила подбородок.

— Ты только что узнала, что я проститутка, Джо. Ты образец общества округа Колумбия, твой муж будущая дипломатическая звезда. Что еще можно сказать?

Брови Джо сдвинулись, и она коснулась руки Лондон.

— Прежде всего я твоя лучшая подруга. И ты никогда не рассказывала мне о своей другой стороне жизни. Почему?

— Это не совсем та сторона часть жизни, о которой стоит кричать с крыши, — с горечью ответила Лондон.

— Расскажи мне сейчас. Расскажи мне, как такое случилось и как это работает. Скажи мне, почему? — глаза Джоанны наполнились слезами, и Лондон задалась вопросом, скорее всего именно этого она и избегала. Не порицания, или того, что Джо готова отвернуться от нее, а именно этого... обиды, растерянности и предательства. Джоанна любила Лондон, и Лондон была не уверена, что сможет противостоять боли в глазах Джо.

Лондон сделала глубокий с содроганием вдох.

— Я ушла из дома, когда мне было семнадцать. Я поругалась с мамой...

— Твоя мать жива? — глаза Джоанны прищурились.

— Да, — Лондон сглотнула, потому что в горле стало сухо и шершаво. — Она лгала мне о очень важных вещах, связанных с моей семьей, и когда я узнала обо всем, то сбежала. Мне удалось устроиться на работу на какое-то время в фаст-фуд и спать на чужих диванах, но с течением времени становилось все труднее и труднее. Когда мне исполнилось двадцать, один парень, с которым я жила отправился на гастроли со своей группой. Я не хотела ехать вместе с ним, поэтому оказалось, что мне опять негде жить. Я так устала, Джо. Так устала пытаться сделать что-то самостоятельно. Я убирала дома, жарила бургеры, работала в газетном киоске на станции, на низкооплачиваемой работе, а какую еще работу может получить девушка без аттестата о среднем образовании. Я устала от всего этого, но у меня не было никаких других вариантов.

Джоанна сочувственно кивнула, ее рот превратился в одну напряженную линию.

— Когда я раздавала листовки компании по мытью окон, ко мне подошел мужчина и заговорил. Он сказал, что владелец крупного клуба, я прекрасно выгляжу, и ему кажется, что я могла бы быть популярной. Я не наивная, Джо, и поняла, что он говорил о стрип-клубе, но в тот момент я была на такой мели, что меня это совсем не волновало. Поэтому я пришла к нему вечером в клуб, и там было не так уж плохо. Место было чистым, девочки, показались хорошими, они сказали, что зарабатывают за одну ночь столько, сколько мне бы потребовалось больше недели зарабатывать на всех своих работах.

— Никто не способен обвинять тебя за это, — говорит Джоанна, погладив руку Лондон, словно мать.

Лондон кивнула. Интересно, Джо также отнесется к следующей части сказки.

— Я работала около полугода, и это было настоящей божьей благодатью. Я получала достаточно, что смогла снять однокомнатную квартиру... она была вся разваленная, но по крайней мере я не зависела от соседей по комнате. Я позволяла себе нормально поужинать раз в неделю, и даже купить более или менее приличную одежду, но потом у меня разболелся зуб... мой зуб мудрости. Можешь себе представить, стриптизерши не получают стоматологическую помощь по страховке, — Лондон скривилась, и Джоанна вопросительно приподняла бровь.

— Мне потребовалось шесть месяцев, чтобы покрыть расходы за эту операцию, и я знала, что смогу сохранить крышу над головой, но только если ничего не случится. Я была все же очень далеко от бомжей по своему положению.

— Я начала прислушиваться к девушкам в раздевалке, когда они говорили о другом бизнесе, в котором некоторые из них работали, эскорт услугах.

Она остановилась, взглянув на Джоанну, и ее сердце екнуло, когда она увидела слезы на глазах у подруги.

— Джо, не надо меня жалеть. Этот бизнес дал мне все, что у меня есть — этот дом, квартиру в Вейле, одежду, хорошее здравоохранение. Я зарабатываю тысячу долларов в час за секс с мужчинами, которые носят костюмы на работу. Есть и худшие способы зарабатывать на жизнь.

— И лучшие тоже, — голос Джо не был осуждающим, только грустным, она положила ладонь на щеку Лондон, смотря ей в глаза на полном серьезе. — Ты никогда не думала вернуться в школу, получить какую-нибудь профессию? Косметолога, бухгалтера, или кого-нибудь еще?

Лондон отрицательно покачала головой.

— Это звучит просто, когда ты смотришь на все со стороны. Мы все говорим: «Почему бы этим женщинам не вернуться в школу?» Есть же кредиты, стипендии на все виды программ. Но вот незадача, они тратят каждый день на эту прекрасную фантазию, создавая безупречный образ женщины, которая не ранить чувства, не имеет головной боли, скрывает, если мужчина вызывает отвращение, дотрагивается до нее. Быть эскортом, на самом деле, все равно что быть живой куклой, и требует гораздо больше психической энергии, чем тебе кажется. И все время следует помнить, кто ты, прежде чем войти в номер отеля. Нужно постоянно находить в себе силы, чтобы снять этот прекрасный фасад и стать снова собой. Сначала мне с трудом это удавалось. Многие дни единственное, что хотелось сделать, вернуться домой и лечь спать, прежде чем снова встать на следующий день и начать все сначала.

Она потянулась к чашке с чаем и сделала глоток.

— Не пойми меня неправильно, эскорт это не что-то ужасное. Я сама выбрала это, и я не жертва, но это очень нелегкая работа. Она требует, определенную часть себя запереть на ключ в ящике, и ты не смеешь его открывать. Именно эта часть, которая и может пойти в колледж, Джо. Думаю, я спрятала эту часть уже давным-давно.

Джоанна задумчиво посмотрела на нее.

— Теперь многое становится ясным.

Лондон вопросительно вздернула бровь.

— Насколько часто тебе нужно приходить в себя? Это происходит в те дни, когда мы не встречаемся. Я всегда думала, что это из-за травмы по поводу смерти твоих родителей, но теперь я понимаю, что это из-за твоей работы. Ты отказывалась посещать все вечеринки,

после... этого. Я права? — спросила она с сомнением.

— Да, права, — Лондон задумалась на мгновение. — Некоторые дни..., — она остановилась, ее рука сжалась вокруг хрупкой ручки чайной чашки. — Некоторые дни тяжелее, чем другие. Некоторые... клиенты... не сложнее, чем другим. И это занимает немного времени, чтобы вернуться в обычный мир снова.

Джо сделала паузу и, казалось, внутри ее головы крутилось бешеное количество мыслей.

— Я говорила о Мелвилле, что он отличный семьянин, а ты была с ним и занималась сексом за несколько часов до его заявления?

Опять пришел черед Лондон продвинуться дальше в своем вранье подруге, готовой простить ее, пытаясь понять, почему она ступила на такую извилистую дорожку.

— Нет, — быстро ответила Лондон, но поправилась. — Мелвилл не мой клиент.

— Так что же тогда произошло?

— Я была там не чтобы встретиться с Мелвиллом.

Джоанна помолчала.

— И?

Лондон прикусила нижнюю губу, съездившись, перед тем как высказать идею, от которой она предполагала последует цунами недоверия.

— Я была там, чтобы увидеться с Дерекем Эмброуз. Я..., — ей пришлось прочистить горло, — я встречаюсь с ним.

— Не может быть! — вскрикнула Джо. — Быть того не может! Ты встречаешься с Дерекем Эмброуз! Он богат, сексуален. Я слышала, что он никогда дважды не назначает свиданий. Лучшая подруга моей кузины была с ним, сказав, что он самый сексуальный мужчина, с которым она переспала, но он ей не позвонил. Святое дерьмо.

Лондон по-прежнему молчала, борясь с желанием засмеяться во все горло, как быстро Джоанна от жены известного деятеля округа Колумбия, возвращающегося в политической элите, перешла к девочке-подростку, сплетничающей о мужчинах. Потом она подождала вторую волну, которую Джоанна обрушит на нее, переведя дух.

— Так ты держала *это* от меня в секрете? И сколько? Неделя? Месяц? А вчера ты сказала о Дерекке Эмброузе цитирую: «он крутой и слишком много из себя корчит». Это почему? Ты пришла в отель, чтобы порвать с ним?

Ладно, вторая волна происходит дольше, чем ожидалось. Лондон ответила:

— Нет, я пришла не для того, чтобы порвать с ним. Мы немного поругались, поэтому я так и сказала, поскольку злилась на него тогда, — лучше придерживаться как можно ближе к истине, насколько это возможно. — Мы просто поссорились. Все уже прошло. Мы вместе, Джо. И мне жаль, что я не сказала тебе.

Джоанна вздохнула.

— Почему? Почему ты не сказала мне? — печаль в ее голосе полоснула по Лондон.

— Мне очень жаль. Но мы приняли такое решение вместе. К нему повышенное внимание со стороны прессы, он постоянно мелькает в колонках сплетен, стоит ему с кем-то пойти на свидание. Мы боялись, что пресса захочет узнать, кто я и обнаружит, что я была проституткой. Ни у одного из нас никогда не было серьезных отношений. Мы хотели воспользоваться шансом узнать друг друга получше, прежде чем нам пришлось столкнуться с тем, что произошло сейчас.

— Но я? — Джоанна тихо спросила. — Я бы никогда никому не сказала.

— Ты права. Мне очень жаль, Джо. Я перестраховалась. Я поняла это уже сейчас. У

меня никогда не было ничего подобного... серьезных отношений с взрослым мужчиной. — Она рассмеялась сама себя осуждая, поскольку ее мозг пытался не перепутать где ложь, а где правда.

Джо притихла, прежде чем задала решающий вопрос:

— Это означает, что ты больше не работаешь?

— Да, это именно так и означает. Когда я встретила с Дерекком, и мы решили перейти к серьезным отношениям, стало ясно, что я не могу продолжать работать. Теперь я должна понять, что мне с собой делать. К счастью, у меня есть сбережения, которые поддержат меня некоторое время, пока я не решу, чем заняться.

Джоанна усмехнулась с триумфом.

— Ты должна рассказать мне все. Как ты с ним познакомилась? Как он попросил пойти с ним на свидание? Он такой же аппетитный, как я себе его и представляю?

Лондон вздохнула с облегчением, потому что ее подруга имела благородную и широкую натуру. Джоанна была вспыльчивой, но не упертой, а Лондон выигрывала врожденной добротой и любезностью.

— Во-первых, не уверена, что ты должна представлять мужчину, с которым я встречаюсь... аппетитным или как-то еще..., — Лондон не должна была волноваться, но активность Джоанны, связанная с Дерекком, почему-то заставила ее это сказать.

Джоанна фыркнула.

— Мы встретились на благотворительном мероприятии. Он никогда не был моим клиентом, клянусь. Он не оставил мне выбора, предложив уйти с ним, и да..., — Лондон подняла глаза к потолку, сожалея, черт побери, что это похоже самая правдивая вещь, которую она скажет за весь день, — он такой же аппетитный, как ты его представляешь.

На этом моменте Лондон решила закончить допрос Джоанны, сказав, что ей нужно подготовиться к пресс-конференции. Джоанна поддерживала ее этот шаг полностью, поскольку он может дать кампании Мелвилла шанс сесть в Белый дом, а, следовательно, шанс ее мужу получить дипломатический пост.

Сейчас Лондон ехала в отель, сожалея о новой лжи, которую наговорила подругам. Она уже давно смирилась с ложью по поводу своей работы, но эту ложь она ненавидела больше всего. У нее был близкий круг друзей, которые для нее были гораздо больше, чем ее реальная семья, поскольку у нее не было другой. Она заботилась и переживала о них... Джоанна, ее соседка Рейф и ее муж Кевин. Карлотта, жена аргентинского дипломата, с которой она познакомилась на торжественном вечере несколько лет назад. Эти люди были важны для Лондон, и ей причиняло физическую боль исключить их из своей жизни. Но если она собиралась оставить их, ложь была необходима, и поэтому она прикусила язык, натянув на лицо заученную улыбку, готовая предстать перед всеми новой и исправившейся Лондон.

Лимузин подъехал к обочине отеля «Ренессанс», и Лондон откинула свои грустные мысли. Что было, то уже было, и она очень надеялась, что авантюра Дерекка сможет окупиться. Она сделала глубокий вдох и приготовилась. Стоило ей выйти и ее ослепили вспышки, кругом бесконечно кричали журналисты и пытались схватить ее руками. Она отпрянула назад, шофер пытался отодвинуть от нее подальше репортеров. Когда ей показалось, что она может сейчас впасть с истерику, большие, сильные руки схватили ее за локоть и море журналистов, расступилось словно море в Ветхом Завете.

Она увидела широкую грудь, а потом подняла глаза вверх на Дерекка. Он улыбнулся, притянув ее ближе к себе, маневрируя через толпу, направляясь прямоком в большие

стеклянные двери отеля. Крики репортеров затихли, как только они вошли в фойе, и Лондон покачала головой, пытаясь очистить ее.

— Ты в порядке? — спросил Дерек, удерживая ее рукой за талию, ведя через холл.

— Да. Немного потрясена.

— Сожалею, — он жестом пригласил ее войти в большой конференц-зал, придерживая дверь. — Мы хотели пригласить побольше народу, поэтому нам пришлось изобразить утечку информации, чтобы подогреть их интерес.

Она вошла в помещение, очевидно, подготовленное к пресс-конференции, с трибуной, рядами стульев, занимающих все оставшееся пространство.

На первом ряду сидело пять мужчин, каждый из вашингтонской элиты, от них исходил даже своеобразный аромат сливок общества.

— Познакомься с моими друзьями, — произнес Дерек, подмигнув, своим товарным знаком подмигиванием, потом наклонился к ее уху и прошептал:

— Я заплатил им, чтобы они притворились, что мы были друзьями, так что ты будешь пользоваться успехом, — Лондон изо всех сил постаралась не рассмеяться. *Дьявол*. Он был замаскировавшимся дьяволом, она знала это.

— Они, как стая пираний там, — сказал Дерек, подходя к группе мужчин. Все пятеро встали, как только увидели Лондон.

— Ты хотел результатов, — улыбаясь сказал худой мужчина с каштановыми волосами и удивительно зелеными глазами.

— Что я и сделал, — ответил Дерек, подводя Лондон и обнимая ее за плечи. — Господа, — сказал он, — я хотел бы представить вам мою *девушку*. Милая, эти парни, — замечание Дерек как бы в шутку смягчило панику Лондон, и она оттолкнулась от него и нахмурилась. Его рука наоборот жестче сжалась у нее на плече. — Играют красиво, — прошептал он ей на ухо, заработав ухмылку от темнокожего красавчика в дизайнерском костюме, стоявшего ближе всех к ним.

— Итак, — сказал Дерек, указывая на парня в дизайнерском костюме, — это Тиг Робертс, партнер «Guildhurst, Crandall, and Roberts». Мистер Бодрый, полковник Джефферсон Тибедеукс, директор по внутренним воздушным линиям Пентагона, рядом с ним — Скотт Кэмпбелл, глава администрации аппарата сенатора Хью Кэри. — Все трое поприветствовали ее и вежливо пожали руку.

— Тот, кому необходимо подстричься, — продолжил Дерек, — Камаль Масри, посол Египта в США, и лучший, черт побери, левый нападающий футбольной команды Корнельского университета, который когда-либо был. — Камаль очаровательно улыбнулся и пожал ей руку. Ее сердце на секунду сжалось, его кожа кофе с молоком и теплые глаза навели воспоминания о других людях и другом времени ее жизни.

— И последний, самый крайний Гейдж Уорнер, председатель Профсоюза Северной Америки. Правильно, — невозмутимо заявил Дерек, — и Канады и Мексики тоже.

Темноволосый, сероглазый мужчина щелкнул пальцем на Дерек, прежде чем приложить пальцы Лондон к своим губам.

— Действительно приятно встретить женщину, которая наконец-то приручила нашего мальчика, — поддразнил он. Лондон не могла не улыбнуться в ответ, Дерек напрягся, его голос стал резким:

— Ладно, хватит знакомиться, давайте сделаем это шоу, и сгладим острые углы.

Через сорок минут зал был забит журналистами, камерами и микрофонами. Дерек стоял на трибуне с сенатором Мелвилл по одну сторону, и Лондоном — по другую.

— Добрый день всем, — прогрохотал он в микрофон. — Если вы успокоитесь, мы сможем начать. — В зале мгновенно воцарилась тишина, Лондон взглянула на Дерека, удивляясь про себя, насколько хорошо он мог контролировать толпу голодных папарацци.

— Спасибо, что пришли, — начал Дерек. — Сегодня утром вы слышали сообщение о сенаторе Мелвилле и загадочной женщине, которая вчера посетила его номер, прежде чем он выставил свою кандидатуру.

Дерек замолчал, строгим взглядом оглядывая посетителей.

— Все вы знаете, что мое сердце исключительно бьется только для вас, — журналисты хмыкнули, пара — засвистели. — Но должен признаться, я изменил вам. — Из зала послышался смех. — Загадочная женщины, посетившая люкс сенатора, пришла *ко мне*, и она *не* (позвольте мне быть честными с вами) не имеет никакого отношения к сенатору Мелвиллу. — Он пристально взглянул на аудиторию, и Лондон заметила, что никто не оставил его взгляд без внимания.

— Эта прекрасная женщина стоит справа от меня — Лондон Шарп. Моя *девушка*. Мы даже не выносили наши отношения на общественность, поскольку она действительно в *прошлом* работала эскортом. Я не хотел бы, чтобы ее личная история стала предметом сплетен и как-то повлияла на эту кампанию. Я сблизился с сенатором Мелвиллом, когда мисс Шарп и я начали наши отношения, и я получил его благословение. Сенатор решительно выступает за защиту женщин в различных сферах жизни, в том числе, что касается защиты от сексуальной торговли.

Поднялся шум по всей аудитории. Дерек заставил их замолчать своим ледяным взглядом.

— Как только мы начали встречаться, мисс Шарп и я получали огромное удовольствие узнавая друг друга без давления со стороны публичной части моей жизни, но, очевидно, настало время признаться.

Начался полный хаос, поскольку репортеры стали кричать, задавая свои вопросы, но Дерек с нетерпением поднял руку.

— Подождите, мы доберемся и туда, — он подмигнул, и Лондон увидела, как все женщины-репортеры в комнате вздохнули в унисон.

— Мисс Шарп не является публичной фигурой, поэтому я не позволю вам набрасываться на нее, но я подготовил бриф ее биографии, по крайней мере, вы получите информацию из первых рук. Лондон родилась в Иране и в детстве эмигрировала в США. У нее американское гражданство, это для тех из вас, кто слишком озабочен такими вещами, — он кивнул на репортера с канала F-News, который ухмыльнулся в ответ.

— Лондон является волонтером и выступает в поддержку нескольких организаций, посвященных проблемам женщин и детей. Она и я встретились на мероприятии Greater D.C Children's Farm.

Лондон закусила губу, вспомнив, как она сидела с телефоном у уха сорок пять минут с секретарем Дерека, сверяя своей и его график за шесть месяцев, чтобы найти это мероприятие, на котором они смогли бы оба присутствовать и представить всем, как их «первую встречу». Вспышка фотоаппарата напомнила ей, что стоит сделать более спокойное выражение лица, и она слегка улыбнулась, стараясь не показывать дискомфорт от всего этого шоу.

— И это все, что я хотел вам сообщить, — заключил Дерек. — Теперь я передаю слово сенатору, который собирается предложить новую структуру финансирования покупок оружия для Пентагона. Давайте это пока оставим, дамы и господа. Спасибо.

Зал взорвался вопросами к Дереку и Лондон. Он молча взял ее за локоть и вывел за дверь позади них, сенатор Мелвилл подошел к трибуне и сказал:

— Вы, ребята, создали мне реально напряженные отношения дома, — крики прекратились и весь зал разразился смехом.

Они вышли в фойе, друзья Дерек по-прежнему ждали их.

— Как все прошло? — спросил Скотт.

— Хорошо. Мелвилл справится. Джефф, не могут ли нас сопроводить к Лондон, что никто не следует за нами?

— Да, они ждут с лимузином на подземной стоянке.

— Думаю, круг замкнулся, господа. Спасибо за помощь, — Дерек пожал руку каждому, и группа разбежалась.

Как только все ушли, Лондон почувствовала внезапную усталость, словно из нее выкачали воздух, тот адреналин, который был сегодня утром, вдруг иссяк. У нее осталось ощущение смутного недовольства, и она сомневалась в своем здравомыслие.

Она старалась не вступать в контакт с политиками Вашингтона, Лондон с трудом игнорировала бизнесменов политики и их игры. Друзья Дерек оказались ничуть не менее значительными и мощными, такими же, как и он сам. Лондон каждый день сталкивалась на работе с такими мужчинами, но когда она входила в номер отеля, оказывалась в их власти.

В начале своей карьеры Лондон поняла точно, весь контроль в спальне принадлежал мужчинам. Она была одарена свыше внешностью и телом и пользовалась этим в полной мере. Стоило им остаться с ней на десять минут, и они были готовы сделать для нее практически все, о чем бы она не попросила, чтобы заполучить ее, и это устраивало.

Но сейчас это была не спальня, это была пресса, и она оказалась на другой стороне. За пределами спальни над такими людьми у нее не было власти, и это заставляло ее нервничать, напоминая о тех временах, когда она не могла контролировать историю своей жизни, и не могла теперь контролировать то, кем она стала. И как и тогда, когда она была Лондон Амид вместо Лондон Шарп, она вдруг почувствовала себя в ловушке, что ее используют, как одноразовый пакет.

Все дело в том, что если бы Дерек со своими друзьями решил бы избавиться от нее, они сделали бы это очень легко. Они могли бы также же легко вывести ее самую большую тайну, которую сообщила мать, когда ей было семнадцать, она так и не смогла смириться с этим с тех пор.

— Давай отвезем тебя домой, — сказал Дерек, поддерживая ее за спину и направляясь к лифтам на парковку.

Она намеренно отстранилась от его руки, ее очень раздражало, что это случилось с ней, и она в мгновение ока потеряла весь контроль над своей жизнью.

Он взглянул на нее, но ничего не сказал.

Чудовищность того, что она только что совершила, казалась, только сейчас обрушилась на нее потоком. За последние двенадцать часов, она позволила мужчине (человеку, которого едва знала) полностью уничтожить ее жизнь, которую она так тщательно выстраивала восемь лет. Она предстала по национальному телевидению, связавшись Бог знает насколько времени, с совершенно незнакомым ей мужчиной, который всего лишь за несколько часов

полностью перекроил ее жизнь. Лондон Шарп никому не позволяла управлять своей судьбой. Скорость, случившегося за последние сутки, вызывала у Лондон головокружение. Ей необходимо было хоть несколько минут, чтобы прийти в себя.

Они вошли в лифт, и он повернулся к ней.

— Ты в порядке?

— Нормально, — отрезала она.

Он нахмурился.

— Возможно, я не эксперт в отношениях, но даже я знаю, когда женщина говорит «нормально» означает что угодно, но только не хорошо, — упрекнул он ее.

Она сделала шаг в сторону.

— Это был долгий день, мистер Эмброуз. Я устала и у меня болят ноги. Я просто хочу вернуться домой.

Он наклонился к ней ближе и поднял ее подбородок, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Мистер Эмброуз, хм. Тебе придется называть меня Дерек, если хочешь, чтобы кто-нибудь поверил в нашу сказку, — он сделал паузу, его голос был низким и бархатистым. — Ты хорошо сегодня поработала. Знаю, это не легко, и мне жаль, что так все случилось. Я извиняюсь за Мелвилла, который втянул тебя в этот бардак.

Она вздохнула, бросив беглый взгляд на световое табло лифта, он убрал руку.

— Хорошо. Я буду в порядке.

— Да, будешь, я позабочусь об этом, — тихо добавил он.

Спрашивается, как он может с такой уверенностью давать такое обещание. Даже Дерек Эмброуз не в состоянии исправить ее жизнь, которую она так тщательно выстроила, а теперь боялась, что вся ее жизнь разлетелась на миллион осколков.

Дерек откинулся на спинку высокого офисного кресла, упираясь локтем на подлокотник из мягкой кожи, опустив лоб на ладонь. В голове стучало, он не мог сосредоточиться, бесконечно мешали мысли. Он еще раз взглянул на речь, которую готовил для Мелвилла на сорок пять минут, так и не смог дописать до конца одно предложение.

Он закрыл глаза и увидел ярко-алые губы, янтарные глаза и грудь, которую заставит даже ангела заплакать. Лондон Шарп, его так называемая подруга, которую он не видел, не разговаривал вот уже в течение трех дней. Сегодня вечером им необходимо было присутствовать на мероприятии по сбору средств для Мелвилла, и ожидание съедало его нутро. Он попытался сам себе, хотя и с трудом, но признаться — его сильно привлекала эта женщина.

— Черт, — пробормотал он, развернувшись лицом к окну. Из окна его офиса можно было увидеть купол Капитолия, и это служило постоянным напоминанием, что он всегда хотел большего в своей жизни — власти и влияния на народ. Он не чувствовал себя избранным, это не в стиле Дерека. Он просто знал, что большинство политиков представляло из себя бестолковую массу эго, приправленную хорошей дозой манией величия.

Ему не нужно было выступать с речами, получать письма от поклонников, давать бесконечные интервью, чтобы почувствовать насколько он любим народом. Ему не нужно все это, чтобы понять, что он обладает влиянием на толпу. И он сто процентов не имел и не реализовывал никаких непродуманных идей, а только те, которые бы остались в памяти многих поколений в будущем. Нет, Дерек хотел быть человеком, дергающим за ниточки, чтобы помочь миру достичь своего потенциала.

Сколько он себя помнил, у него был довольно уникальный взгляд на жизнь и мир, существующий вокруг него. В возрасте пяти лет он приходил домой, играя с соседским мальчишкой и спрашивал мать: «Почему родители Эрика упорно стоят на своем, когда он не убирается в своей комнате? Если ему пообещать мороженое за уборку, он бы тут же убрался. Он сделает все ради мороженого». У Дерека был один исключительный талант — умение видеть, как стоит разрешить ситуацию.

Он специализировался в области политических наук в университете и со второго курса уже начал работать на кампании. Благодаря своему таланту и неустанному труду, он занял руководящую роль на национальном уровне по проведению кампаний, ровно на свой двадцать пятый день рождения. К тридцати годам он создал свою собственную политическую консалтинговую фирму, став вдохновителем одних из самых больших и дорогостоящих кампаний выборов в сенат в истории, заработав кучу денег.

Как доверенное лицо некоторых кандидатов, он посадил их в кабинет, и мог бы влиять на их политические платформы, направляя их к вопросам, «дорогим» его сердцу. Его отец работал на конвейере на автозаводе в Детройте, каждый день надрываясь. Пока американская автомобильная промышленность переносила долгую и мучительную смерть, семья Дерека изо всех сил пыталась поддержать образ жизни рабочего класса, пока он был ребенком. К счастью, теперь его огромная зарплата могла помочь родителям, они жили в красивом уединенном доме в городе Бока-Ратон.

Но он никогда не забывал, как упорно работают американцы и чаще всего ходят по

лезвию бритвы в этом новом тысячелетии. Его желание попасть в Белый дом исходило от желания иметь влияние и направлять политику страны, чтобы решить многие такие важные вопросы. Он и обладал такой способностью, он видел, как это можно осуществить.

Сейчас же он сидел за своим столом, на пороге ожидаемых перемен, к которым стремился вот уже десять лет, и единственное, о чем мог думать — лице, ногах и ложбинке между двумя пышными сиськами.

Он никак не должен был связываться с Лондоном. Она была эскортом, ради Христа. Он не интересовался женщинами, которые зарабатывали на жизнь, обманывая мужчин, говоря им все, что они хотят услышать. *«Да детка. Нравится так малыш. Ты самый лучший малыш»*. Он вздрогнул, вообразив все это. Дерек Эмброуз хотел, чтобы его женщины были мокрыми и готовыми, и честными, когда он их трахал. Пусть называют его даже сукиным сыном, но ему необходимо было знать, что когда он толкался в них, и они кричали от оргазма, это было по-настоящему.

Но все равно, он хотел Лондон Шарп, как мужчина, но не как клиент. Он хотел, чтобы она захотела его. Его совершенно не беспокоило, что она будет что-то имитировать между ними. Но с другой стороны он не мог этого допустить, поэтому сидел сложа руки, полностью оцепенев как спортивное бревно.

— Твое лицо говорит, что «всё вечно шло не так, как надо», — сказал Камаль с порога, всплывая в кабинет без предупреждения.

— Мне нужно, вставить по— видимому моей секретарше, — ответил Дерек, откинувшись на спинку стула.

— Ну, справедливости ради, я принес ей цветы, — Камаль сел в кресло напротив Дерекa и ухмыльнулся.

— Если она позволит каждому, кто приносит ей цветы, без доклада входить ко мне в кабинет, она будет работать на новой станции железнодорожного вокзала, — заворчал Дерек.

— Она популярна, — ответил Камаль. — Хотя слишком молода, на мой вкус.

— Для меня тоже. Но не для моего брата, хотя я слежу за ситуацией.

— В самом деле? Маркус интересуется Рене?

— Он утверждает, что нет, но я-то вижу. Я наблюдал за парнем с детства, как он бегал за каждой юбкой, когда достиг половой зрелости. Все признаки налицо. Я сказал ему, что надеру задницу, если не будет держаться от нее подальше. Мне потребовалось десять лет, чтобы найти отличную секретаршу, я не собираюсь терять ее из-за того, что мой младший брат не может удержать свои штаны.

Камаль хмыкнул, потом задал убийственный вопрос:

— Да? А что насчет тебя? Ты можешь удержать свои штаны от нашей прекрасной мисс Шарп?

Дерек недовольно посмотрел на своего давнего лучшего друга.

— Она *не наша*, и я даже не собираюсь отвечать, — выплюнул он.

Камаль поднял руки вверх в знак всеобщей капитуляции.

— Просто поинтересовался. Я видел, как ты словно вышел на охоту, и я не слепой. Ты наслаждался этой маленькой хитростью совсем чуть-чуть на пресс-конференции.

Дерек вздохнул, чувствуя поражение.

— Ты не видишь ничего, она великолепна, а я мужчина. Вот и все.

Камаль не похоже, чтобы купился на это, но решил сменить тему.

— У меня есть информация, кто пустил слух в прессе.

Дерек наклонился вперед, каждый нерв в его теле напрягся. Именно этого ему и не хватало, чтобы вытянуть свои мозги из штанов, острых ощущений охоты, запаха крови. Как только он узнает, кто посмел подставить его, он разорвет их на миллион мелких кусочков и скормит прессе Белого дома.

— Скажи мне, — попросил он Камалю.

— Тиг договорился со следователями его фирмы, Скотт поговорил с человеком из Капитолия. Двое слышали одно и тоже имя за последнюю неделю.

— И? — ногти Дерека впились в стол.

— Райан Уильямс, руководитель аппарата сенатора Донована.

— Донован, который кричал, что будет баллотироваться на пост президента, но до сих пор не объявил?

— Да, — Камаль перенес свой вес и вытянул длинные ноги. — Уильямс говорил много всякого дерьма о Мелвилле, а также нанял фирму, чтобы найти на него компромат.

— И ты думаешь, что в этом компромате была и Лондон?

— Если они следили за Мелвиллом, то могли бы увидеть, как наша мисс Шарп встречалась с сенатором, верно?

Дерек вздохнул и провел рукой по волосам, поднял глаза к потолку, жалея, что там нет ответов, которые ему были так необходимы. Потолок оставался все таким же пепельно-белым, он снова перевел взгляд на Камалю.

— Если кто-то очень внимательно действительно наблюдал за Мелвиллом, то несомненно мог бы увидеть, как она входит в его номер в отеле.

Камаль кивнул.

— Итак, что будем делать?

Дерек встал и прошелся по своего длинному просторному кабинету, его пятисотдолларовые туфли утопали в пушистом ковре.

— Нам нужно добраться до Уильямса. Что мы имеем на него?

Камаль вытащил сложенную бумажку из внутреннего кармана пиджака, явно предвидя вопрос Дерека.

— Тебе, вероятно, следует взглянуть на это, — он передал бумагу Дереку.

Дерек быстро пробежался взглядом, исподлобья посмотрел на Камалю с дьявольской улыбкой на лице.

— Ну, и ну! Никогда не думал, что от Рождественской вечеринки в Белом доме будет столько пользы.

Камаль хмыкнул.

— Да, обнаружить Уильямса трахающего жену своего босса в душевой кабинке было настоящей удачей.

Дерек наклонился над столом и нажал кнопку интеркома на телефоне.

— Рене. Дostaнь мне всю информацию, какую можешь на Райана Уильямса. Он возглавляет кабинет сенатора Донована.

Он откинулся назад в кресле, чувствуя, что вновь вернулся к жизни впервые за несколько дней.

— Похоже, мы только что получили хорошие вести, — сказал он Камалю.

— Похоже, Донован не будет баллотироваться в президенты, — ответил Камаль.

Мероприятие подразумевало коктейльные наряды, и Дерек был в превосходном темном костюме. Вашингтонские мужчины все были в костюмах, но на памяти Лондон мало на ком так превосходно смотрелся костюм, как на ее новом «бойфренде».

Она стояла в углу огромного зала и наблюдала за ним, совершающего раунд по кругу, пожимая руки мужчинам, целуя женщину в щеку, которая смеялась над его шуткой. Он весь гламурный и очаровательный. И она была удивлена, но она хотела делать вид, что он только ее, хотя знала, что это не так... этого и не могло быть.

Она перевела свое внимание на жену конгрессмена, которая пыталась ее привлечь к помощи детской благотворительной организации.

— Думаю, что вы и мистер Эмброуз будете очень яркими послами этой программы, — сказала объемная миссис Банкер, широко улыбаясь Лондон.

— Спасибо, — ответила Лондон, думая о том, насколько ярким у Дерека был красный галстук и еще кое-что.

Она встряхнулась и попыталась сосредоточиться.

— Если вы дадите мне свою визитку, я обязательно обсужу этот вопрос с Дерекком. Не знаю в каких благотворительных мероприятиях его фирма участвует в этом сезоне, но я обязательно прослежу, чтобы один из нас присутствовал.

Миссис Банкер придвинулась к Лондон, наклонив голову.

— И я должна вам сказать, дорогая, мне так интересно узнать о вашей прежней профессии. Как это происходит со всеми этими..., — женщина остановилась и посмотрела поверх плеча Лондон. — О! Вы греете уши, мистер Эмброуз, — хихикнула она.

Дерек поцеловал Лондон в щеку, его рука обвилась вокруг ее талии. Он проделал это слишком естественно и уверенно. Она заскрежетала зубами, борясь с желанием отодвинуться.

— Какие страшные вещи вы милые дамы говорите обо мне? — он посмотрел на Лондон с такой теплотой и нежностью, словно был актером в прошлой жизни. Она повторяла про себя мантру, *что это всего лишь видимость*, прежде чем ответить ему.

— Ничего, ты самый лучший, дорогой, — ответила она, входя полностью в собственную роль. — Мы обсуждаем предстоящую благотворительную деятельность. У меня имеется много информации, и я могу передать ее тебе завтра в офис.

Дерек усмехнулся и продолжил светскую беседу с миссис Банкер, давая Лондон время перевести дух. Пока только трое заговорили с ней о проституции. Двое были как миссис Банкер, благожелательными сплетницами. Другой был министр, который просто сказал, что Бог одобрит ее новый путь в жизни. Все происходило намного лучше, чем она ожидала, Дерек относился к ней как к королеве. Он видно явно проходил курсы актерского мастерства в университете, потому что она почти поверила, что он действительно был в нее влюблен.

Когда миссис Банкер извинилась, направившись к послу Венесуэлы, Дерек повернулся спиной к комнате и придвинулся к Лондон с задумчивым выражением на лице.

— Ты не сказала мне, что научена быть женой политика.

Она рассмеялась, заметив, как его глаза заискрились, как только его взгляд упал на ее декольте. Дрожь пробежалась у нее по позвоночнику.

— На самом деле, я держалась подальше от политики, насколько это было возможно, — ответила она.

— Ну, ты превосходно все знаешь, что нужно сказать. Я не мог себе даже представить более прекрасную девушку, — его рука поднялась к ее локтю, и он легко проводил по ее

руке, заставляя ее пульс биться быстрее, и она чертовски хорошо знала, что не должна была ему этого позволять.

Кто-то толкнул Дерека в спину, и выпивка мужчины выплеснулась на плечо Дерека и на платье Лондон вниз к ее декольте.

— Черт, — прорычал он, разворачиваясь, чтобы посмотреть, кто толкнул его в спину.

За Дерекон она увидела пьяные глаза мужчины, который смотрел на ее капли, стекающие между грудей, пока она старалась их вытереть. Она сразу же узнала нарушителя спокойствия и внутренне съежилась. Конгрессмен Фредерик Фостер был известной личностью в округе Колумбия, возглавлял фракцию меньшинства в Белом доме.

Он прищурился на Лондон. Его лицо было красным и опухшим, он явно был уже пьян.

— Эмброуз! Извини, не хотел сбить тебя с ног, — невнятно произнес Фостер.

Улыбка Дерека была натянутой, а голос грубым.

— Это на самом деле мое свидание, ты должен извиниться конгрессмен, мне кажется, что платье, которое ты испортил не дешевое.

Лицо Фостера вспыхнуло еще больше, и он плотоядно ухмыльнулся.

— Ну, это имеет смысл, поскольку я хорошо знаю, что она..., — он сделал паузу и посмотрел на нее соответствующим взглядом прежде, чем закончить, — мой виски, возможно, не причинил большого урона платью, только сделало ее саму еще вкуснее.

Тело Лондон застыло, зубы сжались, и она готова была распять Фостера на месте, но прежде чем открыла рот, Дерек молниеносно схватил за рубашку Фостера и зарычал на маленького человека.

— Что, черт возьми, ты только что сказал про *мою девушку*?

Фостер попытался безуспешно оттолкнуть Дерека.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пожалуйста, Эмброуз, — невнятно произнес он, — ты собираешься продолжать этот фарс? Она шлюха. Все, что угодно, но не пытайся нам втолковать, что это настоящее твоё свидание.

Слова едва сорвались из рта ублюдка, как кулак Дерека впечатался в него, и кровь хлынула из носа и губы конгрессмена.

— Дерек! — закричала Лондон, когда он снова схватил пьяного. Глаза Фостера закатились, и Дерек еще раз жестко ударил его, прежде чем отпустить.

Фостер рухнул на руки и колени на пол, Дерек схватился за руку.

— Черт, — прошипел он.

Несколько человек, включая сенатора Мелвилла, появились словно из воздуха, и голова Лондон начала пульсировать от боли, поскольку она поняла, что это самое большое унижение.

— Дерек? — произнес Мелвилл, руководителю своей предвыборной кампании, возвышаясь над ним на две головы.

Член службы безопасности отеля тоже появился рядом.

— Проблемы, сенатор Мелвилл?

Дерек скривился.

— Уже больше нет, но не могли бы вы, пожалуйста, проводить этого..., — он показал ногой на бормочущего Фостера, — отсюда. Он явно перебрал. — Он посмотрел на любопытствующих по сторонам.

— Простите, но моя мама воспитывала меня, что нужно защищать честь дамы, — он

снова дотронулся до руки и поправил манжеты.

Сотрудники службы безопасности подняли Фостера с пола и поволокли на выход, Мелвилл улыбнулся зевакам.

— Не стоит прерывать ваш вечер. Беспокоиться не о чем. Один из гостей слишком много выпил. Оказывается, моя речь не настолько была увлекательной, как я думал.

Толпа усмехнулась и захихикала, и один из помощников Мелвилла стал ненавязчиво направлять их в сторону. Облегчение затопило Лондон, когда она увидела постепенно расходившихся зевак.

— Какого черта, Дерек? — зашипел Мелвилл. — Достойная реабилитация, но они все видели, как ты заваливаешь его. Что на тебя нашло?

Дерек бросил на Мелвилла мрачный взгляд и покачал головой.

— Неважно, просто займись делом. Нужно дожать пару из Чикаго. Они готовы вложиться, и также сказали о бонусном пожертвовании, если ты пройдешь.

Мелвилл перевел взгляд на Лондон, она натянуто улыбнулась в ответ. Она знала, что ее лицо горело и единственное, что хотела, убежать отсюда, как можно скорее.

— Ты скоро уйдешь? — спросил он таким тоном, который подразумевал, что это будет лучше для всех.

— Считай, что нас уже нет, — ответил Дерек.

Рука Дерека болела, как сука. Он знал, как наносить удары в боксерских перчатках, а не голыми костяшками, поскольку тренировался с того момента, как начал играть в футбол в университете.

Он вспомнил взгляд Фостера, как тот косился на Лондон, и ярость снова вскипела в нем. Сволочь заслуживал гораздо большего, чем получил. Если бы Дерек не был на официальном раунде, он не остановился бы, пока Фостера не увезли в машине скорой помощи. Он вспомнил выражение лица Лондон, когда конгрессмен оскорбил ее, и его желудок снова скрутило. Она пыталась скрыть, но была уязвлена, причем болезненно.

Они подошли к машине, она молчала. Не единого слова. Она села на его дорогие кожаные сиденья и отвернулась, глядя в окно.

— Ты в порядке? — спросил он хрипло.

— Я не участвовала в драке в Гранд Эсквайр Банкетном зале, — огрызнулась она. — С чего мне быть не в порядке?

Он провел рукой по волосам и лавировал между машинами, стараясь не тормозить и уклоняться от встречного движения из Джорджтауна.

— Он оскорбил тебя. Некоторые женщины расстроились бы от этого.

Лондон разразилась своим горьким смехом.

— Мне не нравятся твои некоторые женщины, с которыми ты встречался.

Дерек взглянул на ее длинную шею и изящный профиль.

— Нет. Ты не некоторые, — *ты гораздо лучше*, — но это не значит, что он не расстроил тебя.

— Со мной все хорошо. И эту сцену можно было бы избежать, если бы ты только позволил мне это.

Она не могла говорить это серьезно? Кем, черт возьми, она думала он был? Не мог он стоять и молча наблюдать, как оскорбляет женщину в его присутствии какая-то пьяная свинья.

— Я не позволю другим мужчинам оскорблять девушку, независимо от того, какую функцию я выполняю, — ответил он.

Она повернулась к нему с раскрасневшимся лицом, губы дрожали.

— Я не настоящая твоя девушка, Дерек. Ты забыл, что это уловка? Ты даже не знаешь меня. И если думаешь, что я предпочла бы, чтобы ты защитил мою честь, таким варварским способом, нежели, чтобы я спокойно могла *справиться* и сама, то тебе действительно прямо сейчас стоит уяснить некоторые вещи. Если бы ты дрался с каждым мужчиной, который сказал в мой адрес что-то неприличное сегодня вечером, ты бы ничего не сделал, и проблема бы осталась. Я знала, что это произойдет, я была готова к этому, а ты только поспособствовал, чтобы еще больше нежелательного внимания было привлечено ко мне.

Дерек схватился за руль так, что костяшки пальцев заболели. Добравшись до таунхауса Лондон он резко припарковал свой маленький автомобиль на свободном месте.

Повернувшись к ней, он был на взводе.

— Как ты можешь говорить, что мужчина требующий уважать тебя совершил что-то плохое, нежели тот, кто тебя оскорблял в лицо? Независимо от твоей работы, ты заслуживаешь, чтобы к тебе относились с элементарным уважением. Если я вижу, что кто-то на моих глазах оскорблял тебя сегодня вечером, я должен положить этому конец немедленно. Существует единственный способ бороться с такими, как Фостер. Показать им, кто в доме хозяин и отправить в нокаут. Ты слишком хороша для таких людей, как он, Лондон. Ты слишком хороша для всех них.

Ее глаза округлились, рот превратился в немую шокирующую «о». Она смотрела на него с открытым ртом, и он видел ее горло, а потом она с трудом сглотнула.

Она наконец заговорила сухо и тихо.

— Так вот что означали эти кулачные бои? — прошептала она. — Ты захотел спасти меня?

Она усмехнулась, но веселья в ее тоне не было.

— Я никогда бы не подумала, что ты своего рода спасатель, Дерек, — она отрицательно покачала головой. — Как я могла такое упустить?

— О чем ты говоришь? — спросил он, как только она открыла дверь машины. Он остановил ее, схватив за плечо, но она стряхнула его руку, выходя из машины и направляясь к входной двери. Он выскочил из машины и ринулся за ней.

— Лондон! — резко окликнул он, не понимая до конца, паники возникшей и бурлящей внутри, адреналин захлестывал его.

Она набросилась на него, ее прекрасные глаза сверкали влагой, у него внутри что-то оборвалось, и глубоко засела стреляющая боль, он даже не мог понять от чего.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи. Меня не нужно было спасать, я не участвую в фильмах Джулии Робертс. Я сильная, независимая женщина. Я сама выбрала эту работу, и выбрала такой образ жизни, и я позабочусь о своих собственных проблемах, и разделаюсь легко с такими людьми, как Фредерик Фостер так, как посчитаю нужным. Последнее, что мне необходимо — это властный манипулятор с комплексом спасателя, пытавшийся сделать из меня ту, кем я не являюсь. Первые семнадцать лет моей жизни мною манипулировали и говорили, что делать, когда я была той, кем не хочу быть и *никогда* не буду жить так снова.

Полное разочарование заставляло Дерекка с трудом соображать.

— Я не пытался спасти тебя. Тебя нет надобности спасать. Я просто не мог стоять и слушать этого ублюдка, говорившего о тебе подобные слова. Что я должен был сделать?

— Что? — спросила она, повторяя его вопрос.

— Что? — он сжал кулаки, находясь на грани полного потеря контроля. Ни одна женщина так никогда не задевала его за живое, как эта. Она была самой неблагодарной, таинственной женщиной, которую он когда-либо знал.

Она наклонилась вперед и в ее глазах блеснул вызов.

— Почему ты не позволил ему так со мной разговаривать? Он же не сказал неправду. На самом деле, он своего рода намекал, что моя цена баснословна, как ад. Это был настоящий комплимент. Так почему же ты не мог устоять против этого?

Она опустила голову и поджала свои пухлые губы. Его сердце сразу же екнуло, и прежде чем он успел подумать, уже тянулся к ней прижимая ее к своей груди.

— Потому что я все время представляю, как он дотрагивается до тебя, и я не могу смириться с этой мыслью, — прорычал он, жестко опуская на нее свои губы.

Ее вкус напоминал шампанское и сливки. Насыщенный, богатый, декадентский. Его легкие сжались, словно он только что пробежал марафон, она растаяла в его руки, он грабил ее рот, словно вопрос касался его жизни. Его язык прошелся по ее зубам, губам, языку. Она прикусила его нижнюю губу, он зарычал, предупреждая. Он почувствовал ее улыбку, и потерялся о нее, переложив ее руку на его стояк. Необходимость погрузиться в ее мягкую, горячую плоть затуманили все мысли и стерла события произошедшего вечера.

— Господи, — прошептал он, перейдя к ее шелковистой шее, покусывая и облизывая ее элегантный изгиб.

Она вцепилась в лацканы его пиджака и застонала, прижимаясь спиной к входной двери, он превратился в подростка, который пытался трахнуть королеву бала. Он услышал, как ее сумочка упала на тротуар и у него промелькнула мысль, что им понадобится ее сумочка. В ней находились ключи от ее дома, и он очень хотел попасть внутрь, чтобы он мог продолжить начатое.

— Ключи, — пробормотал он, накрывая ладонью ее полную грудь.

— Ах, — выдохнула она, изгибаясь напротив него.

Он проложил дорожку до ее V-образного выреза платья, облизывая край ткани с выпирающей грудью. Скользя рукой по ее бедрам и сжимая их, он скрепя сердцем отстранился от ее сочных губ. Он нагнулся и поднял ее сумочку именно в том момент, когда его телефон завибрировал в кармане. Он отодвинулся, она смотрела на него широко раскрытыми глазами, вцепившись в декольте своего платья. Их глаза встретились, и он почувствовал, что она отдаляется от него. Нет, нет, нет.

Он провел пальцем по ее подбородку и наклонился, шепча ей на ухо. Чертов телефон продолжал жужжать в кармане, но он намеревался игнорировать его... до завтрашнего утра.

— Мне жаль, что я облажался. Разрешите мне все исправить. Почему бы тебе не пригласить к себе своего бойфренда? — прошептал он ей на ухо, она вздрогнула всем телом.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему? — спросил он, упираясь лбом ей в плечо, его член болел, испытывая просто адскую нужду.

Она напряглась и подарила ему нежную улыбку, из вежливости он отошел на шаг назад.

— Я проститутка, Дерек. И теперь я знаю, что с тобой не все в порядке.

Дерек почесал затылок в поисках ответа, даже если он знал ответ, он не хотел его озвучивать.

— Я занимаюсь сексом с мужчинами за деньги. Иногда с такими, как Фостер, —

настаивала она.

Он сжал губы, и его живот тоже сжался от представленной картины.

— Я ненавижу это, — ответил он и разгоряченное тело стало быстро остывать, и он почувствовал холод.

Она совершила маленький поклон головы, губы были поджаты, глаза потемнели и стали непостижимыми.

— Спасибо, что подвез, — ответила она, убрала от него руку и выудила ключ из сумочки. Прежде чем он успел сформулировать ответ, она закрыла перед ним входную дверь, оставив в одиночестве на улице в прохладном ночном воздухе.

— Алло? — хриплый голос Лондон ответил на звонок два дня спустя, и Дерек почувствовал, как его штаны опять напряглись. Черт. Что эта женщина с ним сделает?

— Я уже прощен? — спросил он, устраиваясь поудобнее в кресле и, улыбаясь самому себе от воспоминаний каково это целовать ее потрясающие губы.

— Поскольку мы не встречаемся, не думаю, что это имеет значение, не так ли?

Он вздохнул. Она не собиралась сдаваться ни на дюйм.

— Я бы все-таки предпочел, чтобы ты не злилась на меня каждый раз, когда мы куда-то выходим вместе.

— Прекрасно, — он почувствовал улыбку в ее голосе, и стал подозревать, что она хотела бы контролировать его. — Ты прощен. Но мы соблюдаем определенные границы. Это же все-таки игра. Никто же не смотрит за тобой, когда ты высаживаешь меня у моей двери. Они не знают, поцеловал ты меня или нет.

— Ты хочешь сказать, что больше никаких поцелуев?

— И не бить никого и не спасать меня, — ответила она.

— Господи, по версии журнала «Жизнь альфы», черт побери бои являются основой современного американца. Ты забрала мою основную профессию. И какого черта я теперь должен делать?

Смех Лондон был похож на горячие ириски, скользящие по коже. Темный, богатый и грешный. Он поднял глаза к потолку, пытаясь не акцентировать внимание, как ее смех прошелся через его уши к груди, а затем приземлился прямо в паху.

Она тут же остановилась, прочистила горло, словно вспомнив, что не должна позволять легкости в их отношениях.

— Дерек, — теперь она была спокойной и очень серьезной. Он ненавидел, когда она становилась настолько серьезной. — Наши отношения не настоящие. Ты понимаешь это, не так ли? Ты сказал, что мы сделаем это быстро, переведя на себя все внимание. Сколько еще ждать?

Он был уязвлен, потому что она хотела находиться подальше от него.

— В первую очередь мне нужно отследить откуда появились эти слухи. Мы обеспечиваем прикрытия главной фигуры. Тот, кто слил информацию в прессу старается идти в ногу с нами у нас за спиной на данный момент. Мы хотим их сбить с толку, и сохранить в таком положении, пока не поймает подлеца.

— А вы кровожадные, не так ли? — язвительно заметила она.

— Когда речь заходит о моей карьере, да. Я еще не все осуществил, что хотел. И я не собираюсь начинать сейчас с нуля.

— Все больше оснований, чтобы держаться от меня подальше. Я не хороша для твоего

бизнеса, Дерек, — она сделала паузу. — И ты не хорош для меня.

Он отказывался признать какое удовлетворение последние слова доставили ему.

— Позволь мне самому позаботиться о моем бизнесе, — сказал он пренебрежительно. — Ты должна беспокоиться о том, где бы ты хотела сегодня пообедать, прежде чем идти на прием вместе со мной в Белый дом.

— Прием в Белом доме?

— Да, и мне необходимо, чтобы ты была там со мной. Я бы позвонил раньше, но все произошло в последнюю минуту. Это мой друг Камаль. Он хочет поговорить с президентом о соглашении, которое пытается обсудить в ООН.

— И почему я должна быть там?

— Это прекрасная возможность для наших отношений, чтобы получить молчаливое одобрение от самого высокопоставленного чиновника в партии. Ты в Белом доме, подразумевает, что президент одобряет, хотя конечно понятия не имеет, что она одобряет все, что угодно. Но ни у кого не возникнет даже и сомнения по поводу тебя и Мелвилла после того, как президент пригласила нас в Белый дом, как пару.

— И мы будем встречаться после этого? Я имею в виду, разве пресса не устанет от того, что якобы все подозрения сняты, на этом официальном приеме?

Дерек прекрасно понимал, что как только появляется Белый дом пресс-корпус закрывает эту тему и перестает копать историю дальше. Никто не смеет подумать, что президент Соединенных Штатов позволит женщине из эскорта Мелвилла попасть в Белый дом. Каждый будет абсолютно уверен, что Лондон девушка Дерек, и, причем полностью перевоспитавшаяся.

Но Дерек почувствовал глубокое разочарование от одной только мысли, что у него не окажется больше причин увидеть Лондон. У них только было одно лишь свидание... якобы, свидание, назовите, как угодно. Он хотел большего. Она была очень умна, великолепна и сложна до чертиков. Ему нравился ее вызов. Он не был готов бросить все, ради того, что она еще выставила свои требования.

— Тебе действительно не нравится наш маленький фарс? — он ненавидел то, что произнес это слово и скорее ответ возненавидит еще больше.

Она затихла на мгновение.

— Ничего личного.

— Но ты не хочешь никаких больше драк и поцелуев? — *Вот черт.*

— Я хочу, не переступать границы дозволенного.

— Все тоже самое, — он вздохнул с вожелением. — Хорошо. Никаких поцелуев. Никаких драк. Ничего даже отдаленно напоминающее плохое. Это сделает тебя счастливой?

— Да. Спасибо.

— Отлично. Я заеду за тобой в восемь. Дресс-код официальный.

— Ладно, увидимся, — она говорила неуверенно и чувствовала себя тоже неуверенно.

— Может, ты позволишь себе насладиться вечером хоть немного. Это Белый дом, в конце концов, и некоторые женщины даже были бы рады моему обществу.

— Я не сомневаюсь, — ответила она, прежде чем сбросила звонок, оставив его удивляться, почему она не может насладиться встречей с ним, если за это не платят.

Белый дом был освещен, как новогодняя елка, сверкающие люстры, свечи, накрытые столы, и огонь в гигантском камине в конце зала, пока они шли через него. Дерек сообщил Лондоне, что на прием придет разношерстная публика — лица из Ближнего Востока и дипломаты ООН, члены комитетов Палаты представителей и Сената по иностранным делам, и как ни странно, победители национального конкурса среди молодежных — хор. Она чувствовала, как внизу живота порхали бабочки от волнения, пока он вел ее через толпы людей, направляясь к центру огромного хорошо освещенного помещения.

— Госпожа Президент, — сказал Дерек, когда Джессика Хэмптон подошла к ним с другой стороны, держа под руку подвернувшегося Камалю.

Дерек приподнял бровь на Камалю, который, демонстративно проигнорировал этот жест.

— Дерек, — она улыбнулась и протянула руку. Он пожал ее, затем положил другую руку на спину Лондон и снова прижал ее к себе, выставив на шаг вперед.

— Госпожа Президент, Камаль, я бы хотел представить вам мою девушку, Лондон, мисс Шарп. Лондон, я полагаю, ты встречалась с послом на нашей маленькой пресс-конференции, а это госпожа президент Хэмптон.

Лондон улыбнулась, успокоив свое желание сделать реверанс или еще какие-нибудь глупости в этом роде. Дерек уверил ее, что помимо официального обращения «госпожа президент» не было никакого протокола, которому ей необходимо следовать, но она все же считала, что ей нужно совершить низкий поклон первой женщине — президенту страны.

Но она выбрала пожать ей руку, и не более того.

— Госпожа Президент, — сказала Лондон. — И господин посол, так приятно видеть вас обоих.

Официант прошел мимо с бокалами шампанского и десертами. Дерек подцепил крошечный лаймовый пирог и два бокала шампанского, пока президент разбиралась с помощником, Лондон не могла не подслушать разговор между Дерек и Камалем, которые они вели чуть ли не шепотом.

— Ты хорошо держишься? — спросил Камаль, наклоняясь ближе к уху Дерек.

Дерек не ответил, делая большой глоток шампанского.

— А почему я не должен?

— Ты слишком напряжен в последнее время.

— Я хочу, чтобы это было улажено, — огрызнулся Дерек.

— Мы все сделаем, не волнуйся. Ты должен довериться нам, мы позаботимся о нем.

— Я ненавижу...

— Я знаю, что ты ненавидишь, когда не в состоянии все контролировать. Может это и хорошо для тебя сейчас, — Камаль улыбнулся, а Дерек нахмурился. Лондон попыталась скрыть улыбку. Дерек определенно был фриком по контролю, после нее. Ей могло не нравиться общаться с ним из-за создавшейся ситуации, но она безусловно понимала его.

Президент повернулась к Лондон с улыбкой.

— Простите, я не хотела показаться грубой. Одна вещь существует в этой работе, у меня есть сотрудники, которые все изливают в мои уши, они всегда чего-то хотят. Я иногда думаю, что таким образом они делают свою работу, чтобы не быть уволенными.

Лондон засмеялась и подняла свой бокал в приветствии, прежде чем сделать большой глоток шампанского.

— Надеюсь, пресса не слишком жестка с вами, — сказала президент Хэмптон.

Лондон почувствовала, как ее лицо стало краснеть, но продолжала удерживать застывшее выражение на лице.

— Ничего, я справляюсь.

Президент улыбнулась, ее щеки порозовели под уложенными медно-красными локонами.

— Ну, извините, если они жестки. Пресса работает с теорией извинений, а не разрешений. Они прыгают на все что угодно при малейшем намеке на скандал.

— Это очень любезно с вашей стороны, что вы беспокоитесь об этом. К счастью, Дерек очень хорошо с ними управляется, так что все нормально, — Лондон стала судорожно осматривать комнату, пытаясь перенаправить разговор в другое русло. Когда ее взгляд остановился на пожилom конгрессмене, она поняла, что сорвала джекпот.

— Кто...? — она показала на морщинистого старика в темно-синем кресле, который явно разговаривал с большим папоротником, пока сидел.

Президент рассмеялась.

— Чейз Джепсон. Да, это так. И да, я верю, что он может разговаривать сам с собой, — ее голос упал до шепота. — Но я лишь приглашаю его, потому что он из оппозиции.

— Он..., — Лондон прочистила горло, она боролась, чтобы не рассмеяться. — Он делает такое часто?

Президент вздохнула с радостью.

— Его глава администрации уже сам разрабатывает многие вещи за последние десять лет, но я не думаю, что его кто-то заставит уйти. Они переизберут его еще двадцать два раза, — она оглянулась по сторонам. — Ходят слухи, что его помощник выступает на дебатах, поскольку он не может проснуться и участвовать в дискуссии.

Лондон закрыла рот рукой, президент усмехнулась и пробежалась как бы случайно взглядом по комнате.

— Что здесь происходит в мире, госпожа Президент? Выдаете государственные тайны моей девушке? — Дерек отвернулся от Камалю и взглянул на Лондон.

— Дерек, — ответила президент, ухмыляясь Лондон, взмахнув в сторону двери на балкон. — Я хотела бы поговорить с тобой об этом соглашении, которое посол всем сердцем продвигает.

Она мило улыбнулась Камалю и Лондон, а также Дереку внимательно изучающего своего друга. Посол имел мастерское лицо «покер фейс», ни один мускул не дрогнул.

— Ты побудешь с послом? — спросил он Лондон.

— Конечно.

— Я найду тебя потом.

Лондон наблюдала, как Дерек уходил с президентом Хэмптон, прежде чем повернуться к Камалю.

— Может мы присядем? — спросил он, указывая на соседний диван.

— Да, спасибо, — ответила она, следуя за ним.

— Как давно вы стали послом? — спросила она вежливо.

— Достаточно, чтобы понять, что иранская девушка из хорошей семьи не должна становиться эскортом высшего класса в Вашингтоне. Это не очень хорошая история, чтобы

объяснить все это.

Лондон заморозилась, словно по ее телу прошелся ледяной ветер. Она не ожидала конфронтации, но он явно этого хотел. Камаль смотрел на нее с приятной улыбкой на лице, но глаза были острыми, готовые расчленить любое ее движение.

— Прощу прощения? — спросила она заторможено и затаила дыхание.

— Конечно, ты понимаешь, что мы еще наводим о тебе справки. Неужели ты думаешь, что мы устроили бы весь этот фарс, не понимая, с кем имеем дело?

Она кивнула, радуясь, что здесь ее ответа не требовалось, пока по крайней мере.

Его голос был низким, глаза следили за всеми, кто приходил мимо них.

— Я знаю, что ты росла в Джорджтауне, также знаю, что твоя мать — профессор в университете, у нее достаточно денег, ты единственный ребенок в семье. Но я не знаю, что заставило тебя уйти из симпатичного красивого кирпичного колониального дома с четырьмя спальнями и зимним садом десять лет назад, и в одиночестве в семнадцать лет бродить по улицам. Чего я не знаю так кем был твой отец, и почему ты решила вернуться, словно материализовавшись из воздуха через два года. Но я могу сказать, что я не остановлюсь, пока не узнаю.

Лондон стиснула зубы и попыталась предотвратить накатывающую панику. Она не собиралась выдавать Дереку и его друзьям хоть каплю дополнительной информации о ее прошлом. Следовать по этому пути не предвещало ничего хорошего. Это путь скрывал уродливые секреты и ее прошлую жизнь. Она надеялась, что они будут довольствоваться тем, что узнали, но теперь не была в этом уверена, по крайней мере Камаль точно ей дал это понять. Ее жуткие кошмары претворялись в жизнь, и худшее было то, что она боялась открыть правду своим друзьям, теперь же она была в опасности перед всем миром и... Дерек. Вдруг для нее стало это так важно, чтобы Дерек не узнал.

— Я не вижу, как это затрагивает ваш бизнес, посол, — отрезала она.

Он ответил по-арабски, и Лондон почувствовала боль в груди, которая расцветала и пускала корни, пока он продолжил:

— Я знаю, когда у кого-то есть секреты, мисс Шарп. Я не успокоюсь, пока не раскопаю твои, и если ты будешь не совсем правильно вести себя с мужчиной, которого я считаю своим братом, я ни перед чем не остановлюсь, чтобы уничтожить тебя. Поверь мне, у меня имеются ресурсы, ты даже не можешь себе представить какие. Я не колеблюсь воспользуюсь ими, если это позволит оградить и спасти Дерек от тебя.

Когда он закончил говорить, она сглотнула, чувствуя тошноту. Камаль Масри был очень влиятельным человеком, который имел доступ к темным и опасным вещам. Его угроза была скорее напоминанием, а его неприязнь — никто в здравом уме не будет с ним связываться.

— Лондон? — прорвался голос Дерек. Она подняла глаза вверх, он стоял перед ними, беспокойство отражалось у него на лице.

— Вот и ты. Мы болтали о доме, — растягивая слова сказал Камаль, вставая и протягивая ей свою руку.

Лондон устала на его французские манжеты дорогой рубашки, аккуратно подстриженные ногти, тяжелые золотые часы, болтающееся на его широком запястье. В оцепенении она вложила свою руку, вставая. Он сжал ей пальцы, прежде чем отпустить.

— Ты в порядке? — спросил Дерек. — Ты побледнела.

Она бросила взгляд на Камала, но его лицо было открытым и приветливым, только глаза выдавали их предыдущий разговор. Взгляд острый, недоверчивый, обвиняющий.

— Нет, — ответила она. — Возможно, немного устала от всего. — Она заставила себя слегка улыбнуться.

— Как прошла твоя дискуссия с президентом? — перевел разговор Камаль.

— Хорошо, — ответил Дерек. — Думаю, что у тебя будет некоторый прогресс. Она согласилась встретиться со мной и обсудить все еще раз на этой неделе.

— Отлично, — Камаль хлопнул Дерек по спине. Лондон сделал глубокий вдох, пытаясь снизить частоту своих сердечных сокращений.

Дерек обнял Лондона за плечи и улыбнулся.

— Думаю, что для одного вечера моей девушке на сегодня достаточно дружеских встреч в Белом доме. Я собираюсь отвезти ее домой.

— Ну, спасибо, что пришли, — ответил Камаль. Он взял руку Лондон, пожав ее обеими руками. — Я рад, что мы смогли пообщаться, — сказал он ей сухо.

— Да, — ответила она, услышав жесткость в своем голосе. — Было прекрасно встретиться с вами снова.

— Поговорим завтра, — сказал Дерек Камалю прежде чем уйти с Лондон. Добравшись наконец до двери, она оглянулась назад. Камаль Масри поднял бокал, глаза его горели предупреждением, и она была бы полной дурой, если проигнорирует его.

Лондон была тихой на обратном пути домой. Дерек наблюдал за ней краем глаза. Она была для него загадкой, меняясь от очаровательной и изящной до спокойной и отрешенной. У него чесались пальцы, чтобы прикоснуться к ней, грудь болела, ему хотелось выяснить, что скрывают ее красивые глаза.

— Я никого не побил, — пошутил он наконец, надеясь поднять настроение.

Она слегка улыбнулась.

— Ты вел себя прекрасно. Спасибо.

— Как ты? — спросил он. — Президент не могла перестать расхваливать тебя.

— Она вынуждена так делать. Я видела, как она стала нашим первой женщиной-президентом. Она и посол близки?

— Они всегда были в хороших отношениях, но сейчас, кажется, проводят больше времени вместе. Думаю, это связано с подготовкой по настоящему соглашению.

Она кивнула, и разговор сошел на нет.

Но Дерек не собирался так легко сдаваться.

— Что-то беспокоит тебя? — спросил он, когда они добрались до ее таунхауса, и он начал искать место для парковки.

— Почему ты так решил? — спросила она глухо.

— Ты очень тихая, мне показалось, что у тебя с Камалем был серьезный разговор. Он говорил на арабском?

— Да, — ответила она, как только они остановились у дороги напротив ее темно-красной двери.

Он кивнул, не зная, что сказать.

— Он сказал что-то, что тебя расстроило? Если так, я поговорю с ним об этом. Он может иногда быть уж слишком защищающим, на самом деле он не плохой. Он мой защитник уже давно, и это стало почти его второй натурой.

Она покачала головой, и сказала не так уж и правдоподобно.

— Нет, нет, он просто... ничего такого. Мне приятно было услышать арабский. Моя

мать говорила со мной на персидском. Это было очень давно.

Она выглянула в окно, отодвинувшись от него, и он почувствовал, как увеличивается расстояние между ними. Он ненавидел, когда она так делала.

Она открыла дверцу, и он поспешил к ней, прежде чем она без него пересечет улицу. Он поддерживал ее за спину, они шли по дорожке к входной двери.

Она вынула ключи из сумочки, потом повернулась к нему. Он слишком близко стоял к ней и знал об этом, но не хотел оставлять ее. Он уже пообещал не целоваться, но хотел, чтобы у них были отношения. Ненавидя саму мысль о ее одиночестве и печали в доме, пока он был таким же одиноким и разочарованным в своей собственном.

— Спасибо за возможность посетить Белый дом, — негромко сказала она.

— Спасибо, что пошла со мной, — ответил он, загипнотизированный ее губами, на которые падал мягкий свет от уличного фонаря. Он наклонился ближе и услышал, как она задержала дыхание.

— Дерек, — предупредила она.

Он уперся рукой в дверь рядом с ее головой, глубоко вздохнув ее пряный запах.

— Да? — его голос был хриловатым, глубоким, наполненным желанием.

Она слегка покачала головой, не поднимая на него глаз, смотря в одну точку — на его подбородок.

— Ты обещал, — она почти умоляла.

— Я обещал не целоваться, — он потерся носом по ее шеи, и она тихо ахнула.

Она уперлась ладонями ему в грудь, не отталкивая, а как бы мягко нажимая подушечками пальцев на его мускулистое тело, опаяя его в каждой точке соприкосновения.

Он взял прядь ее густых волос, поглаживая нежно между пальцами.

— Я не обещал отступить. Ты должна знать — я не тот тип, чтобы сделать подобное.

Она вздохнула, то ли от раздражения, то ли от желания. Он не мог не улыбаться при этом звуке.

— Зачем я тебе нужна? У нас нет будущего. Рано или поздно мне придется вернуться к работе, теперь весь мир знает, чем я занимаюсь. Я далека от твоей девушки, которая тебе нужна. Возможно, в тебе говорит азарт завоевания? Тебе нужна одна ночь, чтобы понять существует ли разница с проституткой?

У него екнуло сердце, и он придвинулся еще ближе, прижимаясь бедрами. Он чувствовал, как ее грудь вдавилась в него, ее руки находились в ловушку зажатые их телами, упиревшись в его грудные мышцы через тонкую рубашку под смокингом.

— Ты знаешь, что это не так.

— Я не могу понять, по каким еще причинам ты это делаешь, — все ее тело замерло, она наклонила голову, отказываясь посмотреть ему в глаза.

— Я хочу узнать тебя, — ответил он, словно все было так просто, хотя он знал, что это было далеко не так. — Ты красивая, умная, загадочная, и ты завораживаешь меня. Я хочу увидеть женщину за превосходным фасадом.

Не в состоянии себя контролировать он оставил ряд крошечных поцелуев у нее на шелковистой щеке. Она испустила вздох, еле слышный и полный паники.

— Тебе не понравится то, что вы увидишь, — с грустью прошептала она.

Гнев заставил его отбросить свою кому похоти. Он оттолкнулся, поднял ее подбородок большим и указательным пальцами, она была вынуждена посмотреть ему в глаза.

— Нет. Недооценивай меня, — отрезал он. — Я сам принимаю решения о людях в своей

жизни, и я не покупаюсь на поверхностную хрень обычной морали. Где бы я был, если бы плохо разбирался в людях.

— И что ты понял обо мне? — она тряхнула головой, заставив его отпустить ее. Его пальцы опять дернулись к ней, испытывая необходимость прикоснуться, но страх и гнев, и что-то похожее на тоску промелькнуло в ее глазах, и он опустил руки, смирившись... на данный момент.

— Ты сильная, и не можешь соблюдать нормы общества, но у тебя имеются своим собственными правилами и нормы, свой собственный кодекс, которого ты придерживаешься неукоснительно.

— Ты прав, — ответила она. — И более того, мой кодекс не причиняет вреда другим, иногда я даже помогаю. Я все испорчу тебе, Дерек. Испорчу. Чем раньше ты это поймешь, тем лучше. Сознаюсь, когда ты предложил разыграть это шоу, я не представляла, что так похожа на тебя. Но даже зная об этом сейчас, это ничего не изменит. Мой кодекс говорит мне, что я должна как можно дальше держаться от всего, что не связано с этой сказкой. Это для твоего же блага, гораздо лучше будет для тебя, чем для меня.

Он отвернулся от нее, осматривая улицу мягко освещенную сделанными под старину фонарями. Уперев руки в бока, он вздохнул, чтобы успокоиться, умирив злость, которая завязывалась узлом в животе. Дереку Эмброузу не часто говорили «нет» в бизнесе или в жизни. Он удивился, насколько сильно это его раздражает. Или, возможно, он испытывал боль от ее слов, которую совершенно не хотел испытывать. Не желая думать о том, что любой мужчина с деньгами мог ее заполучить, а он, стоя перед ней с его связями, уважением и искренностью, оказался ей не нужен. Это было оскорбительно, и да, если быть до конца уж честным с самим собой, больно. И этого было более чем достаточно, чтобы заставить его уйти. Сейчас, по крайней мере.

Он сделал шаг вниз по ступеньке, потом развернулся к ней.

— Не беспокойся, — сухо сказал он. — Я оставлю твой кодекс нетронутым. И быстро разберусь с утечкой информации, так что ты сможешь вернуться к твоей жизни.

Он пошел не оглядываясь, но так и не услышал, чтобы открылась входная дверь, и он точно знал, что она смотрела на него, когда он уезжал по улице на машине.

Чтобы как-то прийти в себя, после того как его отвергли (уже во второй раз), Дерек бесцельно ездил по улицам, пока не оказался напротив своего офиса и, наконец, решил направиться в газетный киоск у Капитолия, работающий двадцать четыре часа в сутки, чтобы захватить по дороге раннее издания общегосударственных газет. Часто он задерживался допоздна, и к тому времени, когда собирался уже идти домой наступало четыре часа утра, как раз время поступления новых газет. Он надеялся увидеть фотографию себя и Лондон в Белом доме, возможно, даже прочитать целую страницу об этом событии, которое повысит авторитет его новых отношений. Сегодня, вечером или уже утром, он подъехал почти одновременно с грузовиком.

— Привет, мистер Эмброуз, — крикнул владелец газетного киоска — Орландо, хватая стопку газет, перевязанную шпагатом у водителя грузовика *Post*.

— Орландо. Похоже, я вовремя, — ответил Дерек, потянувшись через стол к стопке.

Орландо махнул водителю, тот захлопнул заднюю дверь грузовика и прыгнул на водительское сиденье, с визгом шин отправляясь дальше по улице.

— Такое впечатление, словно у вас нюх на новые газеты, — сказал Орландо. Он жестом

попросил Дерек положить стопки на маленький прилавок, затем стал раскладывать их.

Дерек достал бумажник и вытащил двадцать долларов.

— И я всегда могу рассчитывать на тебя, чтобы получить газеты, когда они мне необходимы, — сказал он. — Говорят, что отсутствие новостей — это хорошие новости, но по моему опыту, твои новости — это хорошие новости.

Орландо усмехнулся, обрезая шпагат и снимая верхний слой плотной бумаги. Он протянул Дереку газету.

— Только *Post*, или еще какие-нибудь?

— Пойду ва-банк, — ответил Дерек, передавая Орландо наличные. — Дай каждой по одной.

Чернильно-серое небо начало потихоньку светлеть, когда он скользнул в свою машину. Дерек мгновение посидел, осматривая спокойную, тихую улицу, блики света, падающие из окон сверху, люди в квартирах только просыпались, чтобы начать свой новый день. Он любил этот город. Наблюдая за ним в эти часы, когда он был пыльным, броским, ночным, заполненным электрическим освещением — это был его любимый вид Вашингтона, он находился здесь уже более десяти лет и ему еще не надоела эта энергия, гудящая в городе двадцать четыре часа в сутки. Вашингтон был драгоценным камнем, которым он хотел обладать больше всего. Мелвилл в Белом доме был своего рода путем, чтобы заполучить эту драгоценность.

Он бросил газеты на пассажирское сиденье и потянулся за ремнем безопасности, скользнув взглядом по первому заголовку в *Post*.

Дорога в Белый дом вымощена сексом и ложью: поступила новая информация — проститутка занималась сексом с сенатором Джейсоном Мелвиллом.

Дерек прижал свою окровавленную руку к груди, опираясь спиной на стену ванной комнаты в своем кабинете. Он крепко сжал запястье, надеясь остановить кровь из разбитых костяшек и подушечек пальцев. Рядом с ним зияла дыра в гипсокартоне, надсмехаясь над сильной болью, которая пульсировала в руке с каждым ударом его сердца.

— Вот, — произнесла его секретарь с порога, протянув влажное полотенце. — Обмотай руку, а потом я принесу тебе что-нибудь выпить. Мистер Робертс ждет вас.

— Ладно, — он ухмыльнулся, разглядывая свою помятую, запачканную кровью рубашку, и задался вопросом, стоит ли ему ее менять или же можно найти какой-то другой способ, чтобы не истечь кровью в ближайшие пару минут.

Словно читая его мысли, она тихо сказала:

— Все будет в порядке, как только ты промоешь руку. Я приготовила тебе одну из запасных рубашек и новый галстук. Все висит на ручке шкафа.

Она тихо вышла, Дерек же смотрел на проломленную стену несколько секунд, тяжело дыша, пока перед глазами опять не возникли заголовки утренних газет. Естественно он был в ярости, когда увидел эту статью в пять часов утра, потом часы подобрались к шести, а затем и к восьми, а руководство партии продолжало названивать ему, желая узнать, как он смог это допустить, Мелвилл впал в уныние и попросил Дерек подготовит речь об отставке, его первоначальный гнев явно превратился в панику.

Дерек Эмброуз был преданным, неутомимым, беспощадным, имеющий для своей карьеры все самые лучшие качества, в нем никогда никто не сомневался. Возможно, могли ставить под сомнение его политику, методы, в конце концов, решения, но никогда не ставили под сомнение его личный авторитет. Никто никогда не сомневался в его словах. Сегодня это произошло впервые за всю его жизнь, и Дерек не знал, что ему делать.

Раздался стук в дверь.

— Ты выйдешь? — послышался голос Тига, одновременно со стуком по твердой деревянной двери.

Дерек прочистил горло.

— Да. Сию минуту, — он оторвался от стены, чувствуя, как скрутило его желудок, также, как и все тело. Он вернул себе самоконтроль, намочил полотенце, обвернул вокруг руки и открыл дверь, чтобы столкнуться с последствиями.

— Да, — сказал Тиг со своего места, сидя на кожаном диване в кабинете Дерек, поморщив нос от отвращения. — Тебе определенно не помешало бы сменить рубашку, которую тебе оставила Рене.

— Извини, — пробормотал Дерек, подходя к шкафу и начиная расстегивать мятую в кровавых подтеках синюю рубашку. Он переоделся в точно такую же, но серую, тяжело опустился в кресло напротив дивана.

— Ты уверен, что не сломал руку? — спросил Тиг, как бы обманчиво непринужденно.

— Не уверен.

— Мне хотелось бы, чтобы ты показался врачу. Ты никогда не простишь себя, если рука неправильно срастется, и ты не сможешь переключать скорости на коробке передач Spar.

Дерек уступая кивнул.

— Вы что, парни, бросали жребий, кому прийти сюда? — спросил он, откинувшись на

спинку и закрыв глаза, поскольку пульсирующая боль переросла в тупую, но оставалась настойчивой.

— Нет, я сам вызвался, — ответил Тиг, делая глоток кофе и отставляя чашку, прежде чем расслабиться на кожаном диване, положив горизонтально одну ногу на колено другой. — Вопрос стоял — Джефф или я. Камаль настолько зол из-за того, что пресса опять получила информацию, несмотря на все наши усилия, поэтому не способен трезво мыслить, Скотт побаивается тебя, если быть уж до конца честным.

Дерек приоткрыл один глаз и фыркнул с недоверием.

— Чушь собачья. Скорее всего Скотт боится быть замеченным в моем кабинете. Его партия может лишиться всех прав, если он попадется.

— По справедливости говоря, Президент профессионально сохраняет сдержанность в конференц-зале, находящемся всего лишь в радиусе одной мили от твоего здания и запрещает всем из своего персонала, ступать в этот «круг судьбы».

Дерек тихо усмехнулся, порадовавшись тому, что даже среди всего этого хаоса, Тиг смог по-прежнему рассмешить его.

— Я уже подал иск против газеты *Post* и *WNN*, — продолжил он. — Это не ликвидирует слухов, но мы сможем получить доступ к их информации, кто и когда сообщил им эти сведения. Им также придется воздержаться от распространения подобной информации, пока они не встретятся с судьей.

Дерек откашлялся.

— Спасибо. Что это нам дает — день или два?

— Около того. Я связался с судьей, он в отпуске на этой неделе, мы можем записаться к нему только в понедельник. Это дает нам два дня плюс выходные. Это уже намного лучше.

Рене вошла в комнату, ее высокие каблуки утопи в ворсистом ковре. Она поставила поднос на столик перед Дерексом, налила чаю из чайника и протянула ему чашку.

— Проследите, чтобы он выпил, — обратилась она к Тигу. — Стресс может вызвать обезвоживание.

Тиг кивнул и отсалютовал ей рукой.

Она утешительно похлопала Дерекса по плечу и вышла из комнаты. Дерекс вздохнул, аромат чая и снова откинул голову на спинку кресла. Он с удовольствием держал горячую чашку в руках, поскольку три часа назад у него внутри все заморозилось, таким и осталось до сих пор.

Тиг встал и направился к встроенному бару в стене кабинета. Он схватил бутылку виски и вернулся, наливая щедрую порцию в чашку с чаем Дерекса.

— Рене очень заботлива, — сказал он, поставив бутылку на журнальный столик. — Но она не знает, как лучше справиться с кризисом такого масштаба.

Дерекс криво улыбнулся и приподнял чашку, как бы салютуя своему другу, прежде чем сделать большой глоток горячего чая с виски, которое обожгло на мгновение пищевод и опустилось, вызывая тепло, которого ему так не хватало.

— Итак, — сказал Тиг, доставая iPhone из кармана и быстро набирая на клавиатуре. — Ты уже полчаса барахтаешься... или занимаешься самоуничтожением, исходя из существующей ситуации. Пора приступать к работе. Тебе необходимо сократить проигрыш и позволить Мелвиллу снять свою кандидатуру, но если ты хочешь, мы можем продолжать все также же говорить, что история о ней и Мелвилле не соответствует действительности. Я могу начать подготавливать документы — иск за клевету. Ты и Мелвилл можете опираться

на это. Скорее всего он не решится, но это бы зародило некоторые сомнения и, возможно, обелило бы его полностью в глазах общественности. Другой путь — позволить ему признаться в связи с проституткой, ты признаешься во лжи, исключительно чтобы защитить его, и я предоставляю тебе договор с издательством на публикацию книги, рассказывающую эту историю. Я могу договориться об этом с прибыльным издательством, которые выпустило несанкционированную биографию президента Хэмптон в прошлом году. Они любят такого рода политические вещи.

Дерек почувствовал, как у него перехватило дыхание от слов: «снять кандидатуру» и «рассказывающую эту историю».

— Господи, — только и сумел он выдать. — Разве нет третьего варианта?

Если бы Дерек, так хорошо не знал Тига, то мог бы поклясться, что тот улыбнулся, но улыбка исчезла в мгновение ока.

— Хорошо. Какой третий вариант? — друг задумчиво смотрел на него, терпеливо ожидая ответа.

У Дерека не было ответа. С шести пятнадцати сегодняшнего утра он знал только одно — он не только не хотел отказываться от кампании, он также не хотел ставить крест на Лондон. В момент, когда Мелвилл выйдет из гонки за президентское кресло, необходимость встречаться и делать вид, что они пара на общественности, отпадет сама собой. Мелвилл будет двигаться вперед, Дерек также пойдет дальше, Лондон начнет жить своей жизнью... отдельной... но какой? Захочет ли она вернуться к работе? Несомненно, и она будет востребована, поскольку теперь известна всему Вашингтону, как эскорт. Сама идея вызывала тошноту, и несмотря на то, что она отвергла его накануне вечером, он был не готов сдаться. И он был чертовски уверен, совершенно не готов дать ей зеленый свет, чтобы она могла вернуться к проституции.

Ему было необходимо больше времени — больше времени, чтобы представить все произошедшее в другом свете, больше времени, что разобраться в своих чувствах к Лондон, и выяснить способна ли она ответить взаимностью. Дерек Эмброуза нельзя было убрать с поста. Никогда. Это не соответствовало его натуре, и он понятия не имел, что ему следует сейчас делать. Он вознамерился водрузить кандидата в Белый дом, а потом сам того не желая, решил спасти красавицу. Он не был готов отказаться от одной из двух целей, совершенно независимо от того, какие шансы появились у него.

— Я не знаю третьего варианта, но если у меня будет немного времени, я постараюсь все уладить.

Тиг задумчиво наблюдал за ним.

— Поэтому возникает вопрос, сколько тебе нужно времени?

Дерек кивнул.

— Как я уже сказал, поданный иск дает тебе пару дней, — он призадумался на пару секунд. — Если мы сразу же подадим иск за клевету, и не будем конкретно выставлять никаких обвинений, имея в виду лживые статьи, пока ты *на самом деле* не опровергнешь их. Приближенные потребуют объяснения от предвыборной компании, но подозреваю, что мы сможем получить еще два или три дня за счет спекуляций и размышлений, которые дадут иску ход.

Таким образом, между двумя юридическими маневрами у меня есть четыре дня, максимум пять. Это меньше недели, чтобы найти способ остаться в бизнесе (выдвинуть кандидатуру в Белый дом) и сохранить отношения с Лондон. Пресса, закапает его живьем и

сдерет кожу, подразумевая Дерекка во лжи, которую он не раскрыл. Он резко кивнул Тигу.

— Сделай именно так, — ответил он.

— И ты думаешь, что она и Мелвилл согласятся? — спросил Тиг.

Нет, он не был в этом уверен.

— Но я попрошу их так сделать, — ответил Дерек.

— Тогда хорошо, — улыбаясь ответил Тиг, который получал удовлетворение, предъявляя иски. — Давайте приступим. Рене! — проревел он. — Вызывай машину, я еду в суд.

* * *

Все было кончено. Правда всплыла, и Лондон стала свободна. Но почему-то она не чувствовала радости? Почему-то у нее было такое чувство, как будто этот заголовок сокрушил все ее надежды, существования в этом мире? Ее пучок съехал на макушку, пока Лондон просеивала еще один стакан муки в миску, прежде чем начать тщательно перемешивать. У нее не имелось рецепта для торта, но он был ей и не нужен, поскольку она видела десятки раз, как ее мать выпекала ее любимый персидский торт любви за в течение детства. Персидская кухня не включала много сладостей, но холодильник ее матери всегда был заполнен бахлавой, персидской разновидностью пахлавы, и по особым случаям, персидским тортом любви.

Она взбила яичные белки, ее мысли были клубком эмоций, которые проносились с бешеной скоростью. С одной стороны, было облегчением, что ей теперь не придется притворяться, и она сможет вернуться к своей прежней жизни, которую создавала в течение стольких лет. Конечно, она уже не сможет быть точно такой же, как и раньше, но она смогла бы это пережить, самое главное, что она полностью сможет контролировать свою жизнь.

Однако, облегчение вызывала только одна сторона медали, поскольку присутствовал страх. Поскольку выходило, что она уже соврала Джоанне... однажды... и она боялась, что Джо не сможет простить ее на этот раз. Она же упорно настаивала в разговоре с Джо, что Мелвилл не был среди ее клиентов. Теперь Джо знала правду, как и весь остальной мир, и было бы трудно найти объяснение в длинном списке правды и полуправды.

Но облегчение и страх переплетались с сожалением. Да, Лондон была вынуждена признаться самой себе, что сожалеет, что больше у нее не будет повода встречаться с Дерекком Эмброузом. Она отвергла все его ухаживания, поскольку считала это необходимым, но мужчина был настолько сексуальным и потрясающим, что она готова была себе признать, что была уже у него на крючке.

Она вздохнула, перемешивая муку с яичными желтками. В те краткие моменты... держа его за согнутую руку на мероприятии, или в его машине в ночной темноте, когда своей обжигающей кожей он касался ее, она получила представление о совсем другой жизни, жизни, о которой она даже не осмеливалась мечтать в ближайшие десять лет. Ее сердце болело от сожаления, что в дальнейшем такого больше не повторится, и теперь ей не стоит больше притворяться.

Тридцать минут и домашний хумус будет готов, но раздался звонок в дверь. Она

смахнула остатки муки со штанов для йоги и майки, подошла к входной двери. На крыльце стоял мужчина, который и вызывал все ее сожаления.

— Можно войти? — спросил он, его глаза были более голубыми, чем обычно, оттеняемые цветом ярко-голубой футболки. Он был одет, можно сказать, небрежно, она никогда не видела его в таком виде — в потертых джинсах, обтягивающих его во всех нужных местах. Более выпирающих и труднодоступных местах, можно и так сказать. У нее тут же пересохло в горле, пока она окидывала его взглядом сверху-донизу.

Она подняла глаза на его лицо, как только поняла, что во без зазрения совести просто тарасилась на него. Уголок его губ приподнялся с одной стороны в ухмылке, словно он точно прочитал ее мысли.

— Да, конечно, — наконец ответила она, отступив в сторону, пропуская его вперед.

Он улыбнулся, и ее сердце екнуло.

— Вкусно пахнет, — произнес он, заходя в дом.

— Это торт, — ответила она, проводя его в гостиную. — Я могу предложить тебе, но он еще не готов. Может ты хочешь стакан воды или чашку чая?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, но я надеюсь, мы сможем поговорить.

Она села на дальний конец дивана, подальше от него.

— Конечно.

Он наклонился вперед, облокотившись на колени.

— Сожалею, что не смог связаться с тобой сегодня утром, когда появилась эта новость. Утро выдалось просто сумасшедшим, и мне не хватало реально времени, чтобы поговорить с тобой раньше.

— Предполагаю, что на самом деле нам не о чем *реально* говорить, — сказала она. — Все просочилось в прессу, и получается, что мы покончили с нашим маленьким фарсом.

Его глаза сузились, а губы превратились в одну тонкую линию.

— А если я скажу нет?

Она моргнула от удивления.

— Что ты имеешь в виду?

Он прошелся рукой по волосам, нахмурившись.

— Я рассматриваю варианты на ближайшие дни. Я не хочу отказываться от кампании. Я никогда не был в такой жесткой ситуации раньше, но был почти в такой же однажды, и все смог разрулить тогда, уверен, что смогу и сейчас.

Внутри нее снова появились противоречивые чувства, но он продолжил, прежде чем она смогла сформулировать свой ответ:

— Знаю, что ты не испытывала удовольствия от всего этого притворства и обмана..., — он замолчал и вопросительно взглянул на нее.

Ее щеки покраснели, и она опустила взгляд.

— На самом деле было все намного лучше, чем я предполагала. Я не люблю врать, но передышка в работе была несколько щекотливой, я так полагаю.

Его челюсти сжались, прежде чем он продолжил:

— Может, ты не будешь против подождать еще несколько дней? Я не хочу, чтобы что-то просочилось в прессу. Мой адвокат работает в данный момент над несколькими вещами — иск против газет, пытаюсь таким образом выяснить, откуда они получили свою информацию. Большую часть сегодняшнего дня я разговаривал с Мелвиллом, и он наконец-то согласился

подождать несколько дней, прежде чем сделать публичное заявление. Я хотел бы попросить тебя сделать то же самое.

Ее сердце трепетало, и она вспомнила, как говорила мама — *будь осторожна в своих желаниях*. Час назад она размышляла, насколько ей будет не хватать подыгрывать Дереку Эмброузу, а теперь он сидел здесь перед ней и просил подождать еще несколько дней.

— Но если все уже всё знают, что Мелвилл все же был связан со мной, с какой целью мы будем продолжать делать вид, что у нас есть отношения? — спросила она.

Дерек почувствовал себя некомфортно, что с ним почти не бывало, поскольку для этого мужчины комфорт был врожденным качеством, его второй кожей. Он потер затылок и откашлялся.

— Не могу тебе сказать, но хочу пока сохранить наши отношения, мне нужно все до конца выяснить, — он посмотрел на нее искренне и понизив голос произнес: — Всего лишь несколько дней. Пожалуйста.

Она понимала, о чем он ее просил — логики было ноль. Интересно, каков его реальный повод, поддерживать вид их отношений в течение нескольких дней? Она также рассматривала существующую опасность, впервые, как только увидела заголовок, поскольку очень опасалась дополнительного пристального внимания прессы, которая начнет капать глубже, если она продолжит общаться с Дерекком. Лучшим вариантом для нее на данный момент было вернуться к ее прежней жизни, и позволить этой истории идти своим чередом, и она сомневалась, что к ней долгое время будет столь пристальное внимание прессы. Чем скорее Мелвилл официально объявит о снятии своей кандидатуры, тем быстрее СМИ потеряют к нему интерес.

Но сейчас Дерек не позволял Мелвиллу сделать заявление об отставке и просил ее, рассиживаясь здесь без дела, в то время, когда пресса была копытом и хотела получить жареное с большим количеством грязи, и вполне возможно ее грязи. Дерьмом, которое погубило уже однажды ее жизнь, и она поклялась сама себе, что больше такого никогда не повторится.

Но у нее начинало покалывать и болеть в груди, как только она думала, что больше никогда не увидит Дерекка, хотя умом понимала, что с ее стороны было бы несусветной глупостью продолжать быть частью его мира.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему? — спросил он с выражением, напоминающее малыша, у которого отняли любимую конфетку.

— Я не хочу оставаться под пристальным вниманием прессы. Если мы признаемся... Мелвилл и я... папарацци отстанут, и я смогу вернуться к своей жизни.

Он поднялся, его разочарование ощущалась, как теплая волна от радиатора.

— И ты действительно этого хочешь? — спросил он, пройдясь по комнате и останавливаясь перед камином, она молча уставилась в его широкую, накаченную спину. — Ты хочешь вернуться и спать с мужчинами, оставаясь все время в тени, продолжая лгать окружающим тебя людям?

Она вздернула подбородок, пытаясь побороть стыд, прожигающий ее от его слов, и который в течение восьми лет она прятала очень глубоко внутри себя.

— Нет, я хочу вернуться к своей высокооплачиваемой работе, своей личной жизни и иметь выбор, что и с кем делить.

За считанные минуты он прошел через всю комнату и очутился на коленях перед ней, с

обеих сторон обхватив ее за бедра, с мольбой в глазах и бурей яростных эмоций, сменяющихся на лице.

— Хватит, — потребовал он. — Не говори мне, что ты хочешь, чтобы все эти мужчины снова дотрагивались до тебя. Не говори мне, что ты отвергла меня, но позволишь им..., — его голос дрогнул и он сглотнул. — Я прошу всего лишь несколько дней.

Она чувствовала жжение в глазах, и пыталась совладать с натиском чувств, которые готовы были выплеснуться из нее. Чувства, заставляющие совершать и делать такие вещи, после которых обратно дороги нет, чувства, которые вселяли надежду и радость, другими словами, о которых она даже не смела и мечтать.

— Тебе нужно еще несколько дней, чтобы спасти кампанию? Или, чтобы спасти меня? — спросила она напрямик.

Он смотрел на нее, и в его лице читалось отчаяние и еще что-то, что она не совсем могла понять.

— Вас обеих, — наконец ответил он.

* * *

Она сказала ему «нет». Он злился, возмущался и был раздражен. Он ушел, а она продолжала сидеть неподвижно на диване в гостиной, наверное, несколько часов. Она понимала, что совершила правильный поступок, не было никакого смысла продолжать показывать им свои якобы «отношения», но ее решение вызвало озноб, неуверенность и чувство одиночества. Она не понимала, что игра, в которой она притворилась подругой Дерека Эмброуза придавала ее дням смысл, которого раньше не было. Впервые за столь долгое время она ждала кого-то, разговаривала с кем-то на отвлеченные темы, и о ней беспокоились.

И она прогнала его. С одной стороны, это было так просто сделать, с другой — невероятно сложно. Он не мог ее спасти, она не хотела, чтобы ее спасали. И она снова и снова повторяла это про себя, чтобы разрушить сомнения. Но несмотря на то, что она хотела его — его спасения, его общения — не могла им воспользоваться. Сколько она сможет пользоваться им? Часов? Дней? Может, всего лишь несколько недель, и то если очень повезет. Пока пресса не узнает о ее семье, и она окажется прямоком там с чего и начала, но еще больше презираемая, чем сейчас. И несмотря на то, что Дерек, был в состоянии закрыть глаза на ее занятия проституцией, но как только бы дело коснулось ее прошлого, он не смог бы отмахнуться от него, отмахнуться от прошлого ее отца. Черт, она никогда не интересовалась прошлым своего отца, и только десять лет назад она узнала о нем.

И именно это была настоящая причина, почему она сказала ему «нет», он не сможет отмахнуться от прошлого ее отца, а она не сможет вынести его взгляд. Тепло и его ласка сменятся разочарованием и отвращением. Проведенные еще несколько часов, дней или недель с Дерекем Эмброузом, полностью захватят ее, а затем полностью также и уничтожат.

Небо за окном становилось более темным, Лондон, наконец, удалось подняться с дивана и осторожно ступая по месту, где Дерек опускался перед нею на колени, прося ее

быть его девушкой, которой она никогда не сможет быть, и проигнорировав тугой узел боли, сжавшейся в груди, направилась на кухню, вытаскивать сгоревший персидский торт любви из духовки.

* * *

Дерек стоял на балконе квартиры «Силовых игроков» и смотрел на огни города, блестящие в ночи. Он пришел сюда после полного фиаско с Лондон, чувствуя тошноту от ее отказа по поводу его программы, совершенно не думая, каким образом он собирается спасти кампанию, потому что не в состоянии был *перестать* думать о ней. Он выпил уже четыре двойных виски, но все равно выглядел таким же потрепанным, и его грудь все еще болела, как сука.

— Ты расскажешь нам, что случилось? — поинтересовался Камаль, входя на балкон.

— Когда ты пришел? — спросил Дерек, заметив про себя, что его слова вышли немного невнятными.

— Только что. Подумал, что найду тебя здесь.

— Тиг пришел с тобой? — Дерек сделал последний глоток янтарной жидкости из стакана, перед тем как облокотился на перила.

— Нет, — лаконично ответил Камаль. — Кажется за сегодня он и так нанес определенный ущерб, ни в чем себя, не ограничивая в тактике оттянуть время.

Дерек обернулся и ледяным взглядом окинул Камалю, который прислонился к стене, скрестив руки на мощной груди, прорисовывающейся под его дорогой рубашкой.

— Что это значит?

— Это значит, что я не куплюсь на то, что ты делаешь все это делаешь, исключительно чтобы спасти кампанию. Я знаю тебя. Ты реалист. Ты никогда не оставишь кандидата в гонке, когда всем очевидно, что ему следует уйти.

— У меня никогда не было кандидата, который готов был снять свою кандидатуру, — сорвался Дерек.

— И что? Ты не можешь пойти на верное поражение, потому что это выглядит так ужасно? Так сильно хочешь продолжить кампанию с этим кандидатом, чья карьера уже лежит в руинах и походу этот холодный труп начинает гнить? Или ты не хочешь отпускать эту женщину?

— Я положил восемнадцать месяцев на подготовку этой кампании, — сказал Дерек, прямо не отвечая на вопрос Камалю.

— И теперь ты собираешься потратить еще восемнадцать, добывая мертвую лошадь, ради женщины, которую ты вряд ли знаешь, женщины-проститутки, Дерек. Она пойдет на все, в том числе продаст свое чертово тело, чтобы подзаработать. Она не руководствуется принципами или идеологией партии. Она сделает все, чтобы получить свой следующий доллар, и я не уверен, что она не заработала кое-какие деньги, не настучав на Мелвилла прессе.

— Остановись, — голос Дерека прорезал влажный воздух, как нож мягкую плоть. — Что случилось с идеями по поводу Райана Уильямса? Ведь скорее всего он виноват. Ты что

не можешь достать о нем никакой достойной информации? Поэтому собираешься переложить вину на кого-то другого, потому что не можешь выяснить так это или нет? Могу тебя заверить, что это не она. Это вполне может быть Уильямс, и ты зря тратишь свое драгоценное время, гоняясь не за тем человеком.

— Я обрабатываю вопрос по поводу Уильямса. Я не идиот. Я всегда этим занимался и чертовски хорош в этом. У меня есть о нем информация, просто нет ничего определенного, пока. Но меня беспокоит гораздо больше тот факт, что у меня нет информации о ней. У нее пробел в биографии целых два года, там пусто, и что-то не так с этой картинкой.

— Поэтому она виновата, потому что ты не знаешь ничего о ней?

— Ты тоже, — в ответ прошипел Камаль.

— Ты что не видишь, что вся эта ситуация навредила ей столько же или даже больше, чем мне? Она находится под прицелом всей нации и войдет в американскую историю как пресловутая проститутка. У нее никогда больше не будет нормальной жизни, не считая привыкла ли она к этому или нет.

— Я не верю в это, потому что она жила столько времени во лжи, и все это лишь доказывает, что она опытная лгунья. Она обвела тебя вокруг пальца, мой друг. Я ей не доверяю, не доверяю потому что мы много о ней не знаем, и чем дольше ты общаешься с ней, тем больше риск, что ты будешь больше разрушен, чем уже есть.

Дерек скрипнул зубами, сдерживая желание врезать по озабоченному лицу своего друга.

— Все мои действия направлены, чтобы сохранить кампанию.

— Остановись, — Камаль смотрел на него, выглядя более или менее забавным, взлохмаченные волосы, спадающие на один глаз, превращали его из сдержанного международного дипломата в смуглого пирата, готового похитить невинных людей и пытаться их на берегу. — Однозначно, из-за того, что ты предполагаешь, что эта кампания может быть сохранена на данный момент, является доказательством того, насколько далеко ты зашел. У тебя есть всего лишь один путь — Мелвилл должен снять свою кандидатуру. Но вместо того, чтобы последовать по этому пути, ты сошел с дороги и решил двинуться по бездорожью. И все из-за того, что ты позволяешь другой части своего тела, нежели мозгу, управлять собой.

— Иди к черту! — ответил Дерек, оттолкнув своего друга и войдя внутрь. — Я повторяю — это своего рода не причина вешать на меня Лондон. Речь идет о спасении кампании, на которую мы потратили полтора месяца усиленной подготовки. Хочу ли я с ней переспать? Да. Но это не имеет ничего общего со всем этим. Я в состоянии отделить секс от бизнес-решений.

Камаль шел следом, прикрыв за собой дверь, и бормоча проклятия, поскольку совершенно не был убежден словами Дерек, и это было не удивительно, поскольку сам Дерек тоже не верил своим словам.

Дерек направился к бару, чтобы по новой наполнить свой стакан, входная дверь с грохотом открылась, и Джефф ворвавшись появился на пороге, одетые в полную экипировку и за ним вошли такие же солдаты, в полной боевой готовности.

— Господи, тебе следует отвечать на свой гребанный телефон, — прорычал он.

— Прости, сегодня был дерьмовый день, — ответил Дерек.

— Он стал еще дерьмовее, — сказал Джефф, скрестив руки на груди, спецназовцы вошли в помещение и заняли позицию у дверей. — В Мелвилла стреляли.

Дерек кричал в свой телефон, открывая дверь в реанимацию. Джефф шел с одну сторону от него, военная гвардия — по другую, Камаль следовал за ними.

— Меня не волнует, что ты должен сделать, Маркус, — приказывал Дерек. — Ты должен попасть сюда первым. Пресса взбеситься от новости, и мне нужен кто-то, кому смогу доверить и предоставить правильную информацию.

Джефф и двое других мужчин отталкивали людей в сторону, пока Дерек пробирался через переполненную комнату, не замечая ничего вокруг себя, его внимание исключительно было приковано к ресепшен, находящемся перед ними.

— Мне нужно идти, — произнес он в трубку. — Ты должен быть здесь. Сейчас же.

— Мы здесь по поводу сенатора Мелвилла, — сказал Джефф, как только они достигли ресепшен.

Пока Джефф, общаясь с медсестрами, пытался получить информацию о местоположении Мелвилла, Камаль положил руку на плечо Дереку.

— Просто дыши. Они доставили его сюда в считанные минуты, и это был всего лишь один выстрел. Держу пари, с ним все хорошо.

— У него двое маленьких детей, — сказал Дерек и на лбу появились морщины, стрельнув ответным взглядом в Камалю. — Несмотря ни на что, я не желаю этого никому.

— Знаю, — Камаль вздохнул. — Я знаю.

— Все в порядке, — Джефф подошел к нему. — Они не могут сообщить его местонахождение, но готовы отвести нас в приемную, где находится его семья. — Всей процессией они направились в конец соседнего коридора, где их поджидал лифт. — И Дерек? Тебе следует знать, что с его женой все в порядке, но в тот момент она находилась рядом с ним.

Дерек и Камаль взглянули друг на друга, прежде чем посмотреть на Джеффа.

— Это не останется без наказанным, — негромко произнес Дерек.

— У меня есть люди, которые смогут решить это вопрос, — ответил Джефф, хотя его лицо при этом оставалось бесстрастным. — Не волнуйся. Мы найдем того, кто это сделал, и он больше никогда не сделает ничего подобного.

* * *

Как только Дерек вошел в небольшой зал ожидания, находящийся рядом с реанимацией, он остановился, чтобы оценить представшую картину. Жена сенатора Мелвилла, красивая блондинка Анжела, стояла с напряженной спиной, пока ее отец, известный адвокат, Уинстон Вандермеер быстро ей что-то говорил. Миссис Вандермеер сидела в сторонке, притворяясь читающей журнал, все время поглядывая на дочь с мужем.

— Анжела, — тихо произнес Дерек, сделав несколько шагов к группе. Анджела повернулась и страдальчески улыбнулась Дереку, пока он подходил к ней, поцеловав в щеку. Он взял ее за руку, сказав все банальности, требующиеся в таких обстоятельствах, после этого протянул руку ее отцу. — Уинстон. Рад видеть вас, хотя жаль, что при таких

обстоятельствах.

Вандермеер проигнорировал руку Дерека и хмуро посмотрел на него.

— Учитывая ваши выходы за последние несколько недель, я не могу сказать вам то же самое.

Дерек отдернул руку, напоминая себе быть корректным с человеком в возрасте, сейчас был напряженный момент для всех.

— Я понимаю, какой это стресс для Анжелы и семьи, — дипломатично ответил Дерек.

— Я всегда предполагал, что вы один из немногих настоящих мужиков, оставшихся в политике, Эмброуз, — его лицо покраснелось и руки дрожали, когда он говорил Дереку. — Но после секс-скандала, в который был вовлечен Джейсон, понимаю, что недооценивал вас.

— Папа, пожалуйста, — произнесла Анжела, положив руку отцу на плечо. — Сейчас не время и не место.

Вандермеер посмотрел на нее таким взглядом, как будто только сейчас вспомнил, что она была здесь. Он резко кивнул, развернулся на каблуках и быстро прошел в дальний угол комнаты, достал телефон и начал нажимать на кнопки.

— Сожалею, — сказала Анжела. — Он просто очень волнуется за нас... Джейсона и меня.

— Конечно, как и я. Мне очень жаль, что ты оказалась там, когда все произошло. И с облегчением могу сказать, рад, что ты не пострадала.

Она быстро кивнула, и он понял, что она пытается побороть слезы, готовые пролиться.

— Итак какие новости? Как его состояние?

— Он в операционной, — ответила она.

— Чем я могу тебе помочь? Дети в порядке?

— Да, все хорошо, дома с няней.

— Позволь я обеспечу охрану дома? — спросил Дерек, доставая телефон из кармана.

— Спасибо, но отец уже позаботился об этом.

— Хорошо. Я прослежу, чтобы кто-то все время дежурил здесь, снаружи у двери Джейсона, а другой — постоянно оставался с тобой.

— Спасибо.

Он оглядел комнату, почувствовав, как проходит враждебность Уинстона Вандермеера.

— Пока я постараюсь раздобыть новую информацию из операционной.

— Это было бы превосходно, спасибо.

Дерек кивнул и пошел к двери.

— Дерек? — окликнула его Анжела.

Он взглянул на нее и перед ним уже исчезла опечаленная хрупкая женщина, ожидающая новостей о критическом состоянии своего мужа. Ее место заняла женщина со сталью в глазах и опасной улыбкой, но ее взгляд пропал в мгновение ока, и Дерек не был уверен, действительно ли он его видел.

— Ты был очень добр, взяв на себя его шлюху, — сказала она.

Дерек замер, не один мускул не дрогнул у него на лице, ожидая продолжения.

— Не волнуйся, я никому не расскажу. Он думает, что я ни о чем не догадывалась. Но жена всегда чувствует, когда муж идет налево. Он приходил домой, и от него пахло ею. От этого я чувствовала себя полностью некудышной. Я восхищаюсь твоей самоотверженностью. Ты явно не в восторге от своего решения, поскольку даже и не касался ее. В следующий раз тебе стоит рассмотреть вопрос — стоит ли покрывать такого мужчину, который этого даже

не заслуживает.

Она отвернулась от него и направилась к своей матери, сев рядом с ней. Единственное, что оставалось Дереку — это молча покинуть комнату, понимая, что скорее всего, это действительно самый худший день в его жизни.

* * *

Руки Лондон дрожали, когда она включила на крыльце свет и наклонилась к глазку, чтобы в четыре часа утра увидеть с противоположной стороны двери Дерек, она почему-то даже не удивилась, когда заметила его ссутулившуюся фигуру.

— Что случилось? — спросила она, жестом приглашая его войти. Рубашка была расстегнута на горле, спереди болтался развязанный галстук, волосы стояли торчком, словно по ним проводили рукой в десяти разных направлениях, глаза выглядели такими усталыми, что это почти разбивало ей сердце.

— Прости, — пробормотал он, переминаясь с ноги на ногу на пороге. — Я не..., — он замолчал. — Я не знаю, куда мне податься.

Все печали и растерянность Лондон, с которыми она вела сражение в течение дня и собиралась отправить в постель, растворились, достаточно ей было только взглянуть на «изнасилованную» версию Дерек. Усталость так и чувствовалась в каждой его клетке, и сочувствие Лондон, которое она так сильно старалась скрыть своей эффективной, гламурной внешностью, прорвалось наружу.

— Заходи, — прошептала она, взяв его за руку и ведя за собой, как маленького ребенка, вверх по лестнице. — Давай вымоем тебя, и потом ты мне расскажешь, что случилось.

Лондон включила душ в ванной комнате и повернулась к Дереку, который сгорбился над столешницей. Она встала перед ним, расстегивая его рубашку, скользя пальцами по его коже, пока снимала ее с плеч. Он вздохнул, как только ее пальцы дотронулись до его горячей кожи, и вызвали дрожь, положив голову ей на плечо и растворяясь в каждом ее движении и жесте. Она положила руку ему на грудь, и жесткие волоски покалывали ее чувствительную кожу на ладони. Другую руку инстинктивно запустив ему в волосы, как бы утешая, воркуя на ухо слова успокоения.

Он наконец поднял голову, вглядываясь в ее красивые глаза, и боль в его глазах вызвала ее собственную боль у нее в груди.

— Все будет хорошо, — сказала она ему, хотя была не уверена, что это правда. — Я оставлю одежду на кровати. Возьмешь то, что тебе понадобится. — Она нежно чмокнула его в губы и выскользнула из ванной комнаты.

* * *

Спустя двадцать минут Дерек вошел на кухню, одетый в белый хлопчатобумажный халат, который она прихватила из спа-путешествия с Джоанной.

— Хорошо, что этот размер подходит всем, — она явно язвила, всматриваясь в открытую загорелую грудь, которая была видна в развороте махрового халата.

— Да, сегодня мои вещи прошли через многое. Мне ненавистна сама мысль, надевать их, — Дерек слегка улыбнулся, и она увидела, что он немного пришел в себя.

— Хочешь чаю? — спросила она, включая электрический чайник.

— Звучит неплохо, — ответил он. — Кофеин не удержит меня, чтобы заснуть.

Она готовила чай, стараясь не обращать внимание на его взгляд, пристально следивший за каждым ее движением, раздевающий. Чайник закипел, и она повернулась, уставившись на Дерека, сидящего за кухонным островком.

— Спасибо, — ответил он совершенно серьезно, чуть не заставив ее заплакать.

— Пожалуйста.

Он глубоко вздохнул, заливая кипятком пакетик в своей чашке. — Прости, что я разбудил тебя и вторгся в твой дом.

— Не извиняйся, я не могла заснуть, — она попыталась улыбнуться.

Но он смотрел на нее печальными глазами и молчал.

— Ты расскажешь мне, что произошло? — спросила она.

Он напрягся, и она сразу же пожалела, что спросила.

Поставив локти на столешницу, он посмотрел на нее сурово и решительно сжав губы, прежде чем сказать:

— Была предпринята попытка покушения, — резко произнес он. — Кто-то стрелял в Мелвилла.

— Боже мой, — с трудом выдохнула она, прикрывая руками рот в испуге.

— Он жив, но находится в тяжелом состоянии. Он сел в свою машину с женой.

Лондон с шумом выдохнула, у нее сжалось горло, словно начался спазм.

— Насколько я понял — стреляли с третьего этажа из соседнего здания. Это была спланированная акция, стрелял профессионал. Снайпер.

— Кто? — прошептала она. — Кто это мог быть?

Дерек вздохнул и поднялся со стула, обходя кухонный островок и направляясь к ней. Он обнял ее за талию, проводя своим широкими ладонями вдоль поясицы, его тепло проникало глубоко ей под кожу, а также в душу. Она почувствовала, что он гладил ее не столько для себя, сколько для нее, но в этот момент ее не волновали эти мысли, она старалась смаковать это ощущение, совершив позднее для себя настоящее открытие, когда останется одна, и должна будет сделать все, чтобы каким-то образом отделаться от него.

— Кто-то хочет наказать Мелвилла. Возможно тот, кто возомнил себя имеющим моральное право осуществить суд над ним. Или же, поскольку он еще не сделал свое заявление об отставки, не хочет, чтобы он стал президентом, — тихо произнес Дерек. — Но я найду их, и сделаю так, что они получат по заслугам.

Он относился именно к тем мужчинам, которые заставляли женщину чувствовать себя в безопасности. Даже в своем вымотанном состоянии, Лондон не сомневалась, что он все равно выполнит свое обещание. Находясь в его сильных объятиях, и прижавшись к его большому сильному телу, Лондон почувствовала не только его мощную харизму и власть денег. Он напоминал ей мужчину, власть для которого была его второй натурой. Дерек был властным, уверенным в себе, и мог запросто сразиться даже с драконом за право обладания

женщиной. Ее сердце опять кольнуло, понимая, что она не та женщина, которая ему нужна.

Он отстранился, глядя на нее с такой жадой, что это даже испугало ее.

— Я не хочу, чтобы ты пугалась, поэтому нанял частную охрану. Они будут здесь через несколько часов, и останутся с тобой на двадцать четыре часа на семь дней в неделю.

— Со мной? Зачем? Я не имею к этому никакого отношения, и черт побери, так же не являюсь членом семьи Мелвилла.

Он взял ее за руку и подвел к дивану, усадив, сел рядом, обхватил ее руки и с напряжением заглянул ей в глаза. Он не отпускал ее руки, и она почувствовала, сама того не осознавая, что сжимает его пальцы в ответ.

— Пока мы не выясним, кто это сделал, связано ли это с кампанией или с Мелвиллом, который был всего лишь публичной возможной целью, твоя жизнь тоже может подвергаться опасности. А если это какой-то религиозный фанатик?

Сердце Лондона стучало с бешеной скоростью, и она посмотрела в окно, на закрытые шторы, задаваясь вопросом — а вдруг там кто-нибудь скрывается?

— Я не хочу рисковать. В настоящее время — безопасность, причем круглосуточная. И это не подлежит обсуждению.

Он предвидел ее несогласие, она нахмурилась ловля себя на тревожной мысли — насколько хорошо он ее чувствует. Никто не знал ее настоящую, с тех пор, как она ушла из дома, когда ей исполнилось семнадцать, и она не была готова к тому, что происходило сейчас.

— Я не согласна с этим, — твердо сказала она.

— Это необходимо.

Он мимолетно прикоснулся к ее ладони.

— Это будет убивать меня, если я не смогу сохранить твою безопасность. Для меня это важно сейчас.

Ее сердце совершило кувырок, как акробат в воздухе, и она ласково посмотрела на него. У него быстро сменялись эмоции, взъерошенные влажные волосы, опускающиеся на шею, слегка дотрагивались до его подбородка. Она понимала, что нельзя к нему испытывать тех чувств, для них двоих не было места в этом мире, но она желала его, причем желала с такой силой, которая заслоняла все остальное — ее самосохранение, страхи и ее человеческое достоинство.

— Ты не можешь этого сделать, — в последний раз запротестовала она.

— Это мой кандидат, который втянул тебя в это. У меня есть обязательства, Лондон. Ты ведь понимаешь, что у меня повышенная ответственность? — он улыбнулся ей своей коронной улыбкой, и она растаяла, превратившись в лужицу жидкого солнечного света, а мозг наполнился похотью и дымкой желания, девичьего поклонения.

Словно он прочитал ее мысли, отразившиеся на лице, улыбка превратилась в волчью, он наклонился вперед, оставляя поцелуй на ее губах и шепча:

— Ты выставила меня недавно.

Да. И она устала от этого. Устала убегать от мира, а особенно убегать от него. Если бы только он так чертовски не настаивал. Она выпрямила спину и положила палец ему на губы, прежде чем он снова смог ее поцеловать.

— Я не могу. Я не могу этого сделать. Ты же знаешь.

Он отрицательно покачал головой, прядь волос упала на лоб, делая его вид еще темнее и опаснее.

— Почему? Потому что думаешь, что у нас нет будущего? Или потому, что не позволяешь ему быть? Я сказал тебе, меня не интересует прошлое, и не беспокоит будущее. Я вижу перед собой удивительную женщину, которую хочу узнать — каждый дюйм, который смогу. Прошое — мертво и уже прошло. Будущим же мы можем управлять. Я занимаюсь будущим кандидатов много лет подряд, и могу справиться с нашим, если ты позволишь мне.

Она почувствовала, как баритон его голоса убаюкивает, словно теплый кокон удовольствия, и она уже не была уверена, что сможет бороться с ним.

— Я никогда не сталкивался с проблемой, которую бы не смог разрешить, Лондон. Я могу покорить будущее, ты просто должна позволить мне, — он оставил еще один поцелуй на ее губах, она ощутила покалывание его щетины у рта, запах корицы от чая, услышала прерывающийся его вздох, растворяясь в нем.

Он продвигался вперед медленнее, чем в машине, покусывая ее нежную губу, проходясь языком по ее губам, поглаживая вверх-вниз пальцем по ее руке, бормоча про ее шелковистую кожу. Ее сердце с каждым ударом все ускорялось и ускорялось, как и в прошлый раз, когда его кожа находилась напротив ее, она возбудилась, словно он дотрагивался до ее затаенных, самых чувствительных частей тела.

Битва между столь сильным желанием и таким же сильным страхом, подталкивала ее в пропасть, из которой она была уверена не сможет уже выкарабкаться. Она схватила его за руки, боясь, ухнуться с головой в эту пропасть, понимая, что он же и подталкивал ее туда, но при этом был тем единственным, кто удерживал ее в воздухе.

Его губы путешествовали вниз по ее щеке, потом по шее, вдоль ключицы. Он прошелся по изгибу языком, скользя по трепещущей жилке на шеи. В тишине его стон, словно прогрохотал, как гром, и она притянула его ближе к себе, инстинктивно, обхватив за шею, зарываясь ногтями в спину толстого махрового халата.

Его губы следовали за руками, пока он раскрывал маленькие кнопки ее шелковой пижамы, обнажая ее груди. Она подалась вперед к его ласкам, смакуя ощущения от его шершавой, горячей руки на своей нежной коже. Она желала, рвалась к нему на встречу, и вдруг у нее сработала сигнализация. В голое раздался звоночек предупреждения, страх захватил ее в свои когти и сжал ей грудь. Она ахнула, поскольку на нее накатила настоящая паника, она *почувствовала* ее. Боже, она почувствовала. И с ней пришла отрезвляющая мысль, что она не может себе этого позволить, она не может себе позволить разбиться на миллион маленьких осколков, которые никто и никогда не сможет склеить снова.

* * *

В ту же секунду, как только ее желание сменилось страхом, Дерек понял, несмотря на то, что был зажат в тиски страсти, он отстранился на долю секунды, чтобы взглянуть ей в глаза, она не могла дышать.

— Лондон? Милая, что случилось? — спросил он, как только ее рука метнулась к горлу.

Она продолжала учащенно дышать, ее большие глаза смотрели на него с отчаянием. Он стал осматривать ее лицо и шею, пытаясь найти ушиб или что-нибудь еще, чтобы понять, что

происходит. Затем он увидел, как побелело ее лицо. Господи Иисусе, что он сделал с ней?

— У тебя что-то болит? — спросил он, удерживая ее за плечи, чтобы она смотрела ему в глаза.

Она с трудом покачала головой, затем кивнула, готовая заплакать. Ее дыхание стало более спокойным, появился легкий румянец, и она опустила голову вниз, не в силах справиться со своим унижением. Он вдруг осознал, что это чисто эмоциональное. У нее начался приступ паники от его действий. Его сердце сжалось внутри, и он приподняв, посадил ее к себе на колени.

— О, Боже, что я с тобой сделал? — прогудел он, прижимая ее к себе, она попустила голову ему на грудь.

Он гладил ее по волосам точно также, как час назад проделывала она с ним, и окутывал ее своими объятиями.

— Все хорошо, — тихо произнес он. — Как бы то ни было, обещаю никогда не буду делать этого снова.

Рыдания прорвались наружу из самых глубин ее души, звук был наполнен такой болью, которую он никогда не чувствовал. Ее боль была настолько сильной и оголенной, что ему захотелось вскочить на ноги и раздавить незримого врага, даже если этот враг был он сам.

Постепенно ее дыхание наконец-то успокаивалось, и она расслабилась в его объятиях, он стал напевать ей песню, которую им пела мать, когда они болели или снился плохой сон. Песня была очень давнишней, такой как мир, но по сей день она успокаивала его, и на его iPod было загружено не меньше пяти различных вариаций.

— Ты мое солнышко? — спросила она слабым голосом, приподняв голову, чтобы взглянуть на него.

Он кивнул.

— Мама пела ее нам — брату и мне. Прости, я плохо пою, у нее получалось намного лучше.

Она слабо улыбнулась, и у него быстро пронеслась мысль, что он мог бы поставить целью своей жизни — заставить ее улыбнуться в полной мере, и он также подумал, что ее улыбка никогда не достигает глаз. Это было еще одним предупреждением для него, многого он не знал об этой женщине. Например, что украдо ее улыбку навсегда. Или о том, что способно разбить сердце и разрушить его карьеру. И все же, он вернулся, несмотря ни на что. Вернулся в ее дом, остался с ней, переживая ее боль, как свою, ее безопасность и задаваясь вопросом — впустит ли она когда-нибудь его в свою жизнь? Он замечал предупредительные сигналы, исходящие от нее (он не дурак), но просто не обращал на них никакого внимания.

— Мне нравится. Мне нравится, когда ты поешь, — она вздохнула и ближе прижалась к нему. Он поглубже уселся на диван, ее мягкое тело, словно теплое одеяло, накрывало его ноющие и напряженные мышцы.

Он медленно провел рукой вверх-вниз по шелковому рукаву ее пижамы, по-прежнему открытой и обнажающей большую часть груди, но сейчас был не тот момент, чтобы пялиться на ее грудь, поэтому он отвел глаза.

— Не хочешь сказать мне, что произошло? — спросил он наконец.

Она прочистила горло.

— Об этом тяжело говорить, — прошептала она.

— Важные вещи всегда не легко.

Она стала поправлять манжет его халата, и он позволил ей передвигать его руку, пока она занималась этим.

— Я запаниковала.

— Да, я это видел, — он сжал немного руку и увернулся от нее, как бы поддразнивая.

— Я никогда не..., — она громко сглотнула. — Я не..., — снова затихла.

— Не торопись, — мягко сказал он. — Я никуда не уйду. — И он имел ввиду то, что говорил. Многие проблемы ждали своего решения за ее дверью, но они могли подождать. Уже приближался рассвет, его кандидат находился в больнице, пресса обсасывала связь Мелвилла с проституткой, а его друзья, наверное, искали его задаваясь вопросом жив он или нет, но все это не имело значения, пока эта женщина обвинялась вокруг него, и ее сердце было наполнено такой болью, что он ощущал ее через поры своей кожи. Он будет сидеть здесь с ней столько, сколько потребует, чтобы убить ее дракона.

— Как только я начала работать..., — впервые он услышал презрение в ее голосе, когда она заговорила о своей профессии. — Я не... с кем. Ну, имею ввиду, кроме клиентов. Но я и не была ни с кем, кроме клиентов.

Он кивнул.

— Никаких парней, никаких отношений? — это казалось странным, но выданная ею информация заставила что-то внутри него подпрыгнуть, наверное, от радости, чтобы увидеть все остальную картину.

Ее голос был похож на наждачную бумага, когда она решила ответить:

— Верно, — она снова замолчала. — Когда я работаю, я совершаю кое-какие вещи, суть которых слишком рано поняла. Я вроде отключаюсь, при этом продолжаю говорить, продолжаю делать все, что необходимо, но внутри... Внутри меня что-то выключается, словно я поворачиваю ручку выключателя, и таким образом, не чувствую ничего, что не хочу чувствовать. Это часть меня... настоящей меня... которая на самом деле находится не там, чтобы совершать все эти вещи.

Он замер, каждая клетка его существа горела в агонии. Он никогда не думал об этом, ни минуты. Он видел ее жесткую, непробиваемую внешность, и воспринимал ее как само собой разумеющееся, думая, что внутри она точно такая же. Полный контроль, как сталь, накрытая шелком, он думал, что это на самом деле была настоящая она. Но в какой-то момент прозрения, он понял, что это всего лишь фасад, а настоящая она — мягкая, чувствительная, скрывающаяся под холодной жесткостью наружностью. Ни одна женщина не может делать то, что она делала и не чувствовать. Ни один человек не может быть использован другими так и не страдать.

— Господи, — он крепче сжал ее. — Я ненавижу то, что ты живешь такой жизнью.

Она шмыгнула носом.

— Все в порядке. Вернее, все было в порядке, до сих пор.

— Пока я не напомнил своими действиями их... клиентов? — спросил он, его опять стало тошнить от одной только мысли, что он может быть немного похож на тех мужчин.

— Нет, — она с яростью покачала головой. — Ты не понимаешь. Выключатель выключен, когда я работаю... я совершенно не думаю, что делаю и поэтому ничего не чувствую к этим мужчинам. Я ничего не чувствую. Ничего в физическом плане. Это всего лишь фейк, который касается всего, что я делаю и говорю. Всего. Я ничего не испытывала к мужчинам годами, Дерек.

Его мысли метались, как сумасшедшие, пытаясь наверстать то, что он пропустил... А он

явно что-то пропустил. Это красивое, сексуальное существо, проводившее множество часов с мужчинами и даря им чувственные удовольствия, была фактически лишена чувств в своей собственной жизни?

— Ты хочешь сказать, что ни один за все это время не доставил тебе оргазма? — спросил он поражаясь.

Она резво кивнула головой, удерживая свой взгляд опущенным, чтобы он не мог видеть ее лица.

Он оцепенел, прислушиваясь только к ее дыханию, и как тикали большие напольные часы в другой комнате, его собственное сердце колотилось и ухало.

— У тебя никого не было все это время? Кто бы заставил тебя... почувствовать?

— Нет, я просто так хотела. Так, я могла выжить, удерживая все под контролем.

Его следующий вопрос заставил их обоих задержать дыхание на пару секунд:

— И со мной тоже? — надежда, которая омывала его была настолько сильной, что он изо всех сил старался не закричать во все горло.

— Я очень многое и сильно чувствую, — прошептала она. — И очень этого боюсь.

* * *

Здесь, в своем собственном доме, она сказала это. Она рассказала ему то, что никогда не говорила ни одному человека за восемь долгих лет. Конечно, она общалась с несколькими девушками в эскорт-услугах, но в большей степени они говорили о работе, она никогда никому не признавалась, что предпринимала, чтобы пройти через этот секс. Она просто научилась бороться с реалиями, чтобы заработать деньги. И конечно же никогда ни одной живой душе она не признавалась, что больше не в состоянии испытывать оргазм. И все бы оставалось по-прежнему, если бы не вмешался совершенно другой мужчина.

Дело в том, что за столько лет она так и не продвинулась дальше поцелуя на ночь у входной двери. У нее были очень приятные мужчины, которые очень хорошо и уважительно к ней относились, были очень любезны, но она не чувствовала к ним ничего, и точно не хотела, однозначно, чтобы они прикасались к ней после работы. После их ощупываний и тисканий, самое последнее, о чем она думала, это их прикосновения во внеурочное время.

Но с Дерекком, она хотела, чтобы он дотронулся. И это было свирепое, совершенно неуправляемое желание, которое очень сильно ее пугало, она даже раскрылась ему. И теперь он все узнал. Грязную унижительную правду, насколько она морально увечная. Он долго не шевелился и не говорил ни слова в ответ. На самом деле, ей казалось, что он совсем не дышит, видно так был потрясен.

— Прости, — она попыталась встать с его колен. — Я не должна...

— Стоп, — приказал он, притянув ее назад к себе. — Не смей больше убегать от того, что происходит между нами.

Она сжала кулаки, с горечью ожидая, что он скажет дальше.

Он поцеловал ее в висок и заправил прядь за ухо.

— Я так..., — он замолчал, и она поняла, что если он выразит сожаление, она никогда не сможет двигаться дальше, — благодарен, что ты чувствуешь хотя бы часть того, что

чувствую я.

Она выдохнула со свистом, и почувствовала, что слезы стали щипать ей глаза.

— Я хочу помочь тебе, — тихо произнес он, глядя ей в глаза. — Ты заслуживаешь всех ощущений и эмоций, которые может тебе предложить заботливый мужчина. Ты яркая, красивая женщина, Лондон. Ты всего этого заслуживаешь.

Она покачала головой, понимая, что он говорил о вещах, которых она фактически не знала. Она не разрешала себе испытывать эмоции все эти годы, не позволяла своим чувствам взять вверх над ней, тогда бы она не смогла выжить. Но постоянно успокаивала себя тем, что это временно. И Дерек тоже был временным, пока весь мир не узнает чья она дочь, и он не уйдет от нее, а она вернется к работе, вернется к тому месту, где чувства могут сломать тебя, и она останется совсем одна.

— Шшш, — он приложил палец к ее губам, затем медленно провел им взад-вперед, пристально разглядывая ее губы. — Нет, отпусти свой контроль. — Он обхватил ее щеку теплой ладонью. — Мы медленно будем продвигаться вперед, сосредоточившись на одном ощущении за раз. Одно чувство за раз. Я терпеливый, Лондон, и слишком решительный, как никто другой. Я могу сделать все, что угодно, чтобы ты смогла ощутить самые красивые эмоции. Позволь мне показать их тебе. Дай мне шанс.

Она смотрела в его голубые, словно хрустальные глаза, раньше ей казалось, что они были ледяными. Сейчас же его глаза были ясными, и через них можно было очень глубоко заглянуть ему в душу. Они были полны страсти и огня и были совсем не ледяными. В нем вообще не было ничего холодного или отстраненного. Его глаза напоминали глаза волка... свирепого охотника в этом мире, но при этом преданного защитника домашнего очага. Он защитит ее, она поняла это по его взгляду, но он не сможет защитить ее от себя. И именно в этот момент, от его теплого прикосновения, от его голоса, она не могла заставить себя сказать ему «нет». Агония прессы, ее прошлое и ее будущее, для него существовало тысяча способов, чтобы он перестал ее ненавидеть... она очень хотела, чтобы так все и произошло.

— Я постараюсь, — ответила она. — Это очень трудно, но я хочу испытать. И я хочу испытать эти эмоции... с тобой.

Поскольку Дерек оставил ее уже на рассвете, и они оба измучены от потрясений предыдущего дня и признаний в течение ночи, Лондон решила не выходить из дому. Она понимала, что ей все равно придется выйти, но она не хотела. У нее постоянно прокручивались одни и те же мысли, создавая еще большую неразбериху в голове — как она оказалась в такой ситуации? Она поклялась сама себе, что ее никогда никто не разоблачит, поклялась, что никогда не подпустит к себе мужчину в свою тщательно выстроенную защиту, она поклялась, что только она сама будет контролировать свою жизнь, как только ушла из материнского дома. И вот она нарушила все.

Теперь все знали, что она была проституткой, Дерек целенаправленно пробивал свой путь сквозь ее твердую защиту, а она даже не могла выйти из своего дома из-за прессы, разворачивающейся кампании и страха, что ее маленький грязный секрет, похороненный глубоко, взорвет все ее неизменную жизнь. Итак, как же она оказалась в такой ситуации? Как бы ей не хотелось возложить вину на обстоятельства — ужасная сцена с Мелвиллом, тягостный момент с Дерекком, намерения прессы докопаться до сути — она знала, что все это не то.

Она оказалась в такой ситуации, потому что у нее возникли чувства к Дерекку Эмброузу. Просто и ясно. И она не могла сопротивляться ему и собиралась совершить еще большую глупость — продолжить с ним сотрудничать. Давая ему возможность еще глубже проникнуть в ее защиту, переплетя крепко свои судьбы. Она была уверена, что все это кончится плохо. Либо он разобьет ей сердце, утомившись новизной встреч с проституткой, либо она окончательно разрушит его карьеру, когда он узнает правду о ее отце. Тем не менее, понимая все, она не могла заставить себя держаться от него подальше. У нее имелись деньги, она могла спокойно уехать из города, отправиться в отпуск и не возвращаться, пока все не закончится.

Но она не могла себе это представить и позволить, оставить Дерекка одного разбираться с этим бардаком, важной частью, которого стала она. Ей хотелось, чтобы он не пострадал и вышел сухим из воды, и в первую очередь, чтобы не пострадала его карьера, его кампания и отношения к ней. Она пыталась вести уже заранее проигранный бой сама с собой, поскольку не смогла оставить его.

Телефон завибрировал у нее в руке, она нажала «игнорировать», уставившись на свой двор за домом. Это был уже пятый звонок от Джоанны, помимо тех семи смс-ок.

Телефон пропищал, сообщив еще об одной.

«Пожалуйста, позвони мне. Я жду».

Лондон не могла не удивляться, что Джо отправляла ей какие-то смски поддержки. Все эти годы она представляла, что может произойти, если ее жизнь станет достоянием общественности, но она даже не могла вообразить и половину той боли, которую испытывала. Хуже боли было только то, что она не отвечала на звонки Джоанны, а также выражение лица Джо, когда признается, что соврала ей очередной раз.

Потому что для Лондон ее подруга была не только той, с кем она обедала и сплетничала по дружбе. Для Лондон Джоанна была ее семьей, которой у нее не было. И никто лучше, чем она сама не знали, что чувствовал член семьи, испытывая разочарование. Только теперь она поняла, что скрывая свою большую часть жизни, она делала то же самое, что делала ее мать,

с Джоанной и другими близкими ей людьми. Ирония ситуации была почти невыносимой.

Она уставилась на экран своего телефона, на котором мигал значок снова пришедшего сообщения. Как такое случилось? Как она смогла сделать тоже самое, точно такую же вещь, способную испортить и разрушить все отношения — скрывая, кто она есть на самом деле? Ее мать скрывала столь важную часть их общего прошлого от Лондон все эти годы. Зайдя так далеко, придумав историю, чтобы успокоить свою впечатлительную дочь об отце. Лондон была полностью опустошена, обнаружив этот обман. Теперь она находилась в такой же ситуации, понимая, что все, кого она любит — друзья, которые приняли ее и поддерживали все это время, ее фонд, в котором она трудилась все эти годы, никогда не простят ее.

Она больше не дочь Фаррах Амид, и нет смысла отвечать на звонки, потому что, в конце концов, Джоанна больше не будет ее подругой.

Последующий день Дерек провел на телефоне, сначала разговаривая с одним печатным изданием, потом с другим. Когда одна катастрофа надвигалась вслед за другой, он понимал, что ему необходимо найти более дружелюбное СМИ, и изложить пресс-релиз произошедших событий. В течение всего дня он говорил одно и тоже — стрелявший в сенатора обязательно будет найден, кампания продолжается и не собирается реагировать на последнее обвинение Мелвилла в связях с проституткой, поскольку все уже было ранее сказано.

Он разослал этот пресс-релиз, давал отдельные интервью, появился на канале WNN в середине дня, предоставляя европейцам эксклюзив от Британской службы новостей, и, наконец, закончил на шоу Lexi Cornice, защищая кампанию выдвижения сенатора на пост президента, пытаясь разрулить возникшую ситуацию, поясняя о каком секс-скандале идет речь, когда сенатор США был ранен, находясь рядом со своей прекрасной женой, среди бела дня. Ни один из его пиарских ходов не мог похвастаться отсутствием семейных ценностей, которые могли претерпеть изменения, но по крайней мере он закончил свой день в информационном агентстве новостей, которое в дальнейшем уж точно не собиралось «поджаривать» его на публике.

Во время своего медиа-шторма ему удавалось поддерживать связь с женой Мелвилла, и получать известие об улучшающемся состоянии здоровья сенатора. Пуля прошла рядом с сердцем, задела легкое и вышла, раздробив лопатку. К счастью, операция прошла успешно.

Он нажал «отправить» последней пресс-релиз этого дня для прессы о состоянии здоровья Мелвилла, затем опустился в кресло, пройдясь ладонями по лицу и появившейся щетине, которая стала появляться с шести часов утра, когда он уехал от Лондон, пообещав вернуться вечером.

— Рене! — крикнул он через закрытые двери.

Он услышал легкие приближающиеся шаги, она просунула голову через приоткрытую дверь.

— Вы меня звали? — приподняв брови, спросила она.

— Прости, я слишком устал даже, чтобы нажать на селектор.

Она нахмурилась, и он мог поклясться, она на секунду расстроилась.

— Мне жаль, что вам пришлось пройти через все это. Как вы думаете, самое худшее уже позади?

Он развернулся в ее сторону, удерживая взгляд на своем столе, пытаясь разобраться в хаосе информации и ощущений за день.

— Не могу представить, что может быть еще хуже, но боюсь взглянуть, если скажу, что

хуже быть уже не может.

Рене слегка улыбнулась и вошла в комнату, остановившись перед его столом, скрестив руки.

— Ну, по любому, вам стоит поесть и выспаться. Как бы мне отправить вас домой?

В ответ он слегка улыбнулся.

— А ты готова тоже самое сделать с собой? Я задержусь на несколько минут, но хочу, чтобы ты отправилась домой. Охранник проводит тебя до машины. Со мной все будет в порядке, я задержусь лишь на десять минут. Все здание закрыто. Тебе необходимо хорошо выспаться и не появляться здесь до восьми утра. Чтобы ни случилось, сможет подождать.

— Обещайте, что вы тоже уйдете?

— Слово скаута, — ответил он, показав пальцами знак V.

— Это из *«Живи долго и процветай»*, — усмехнулась она.

Он с замешательством посмотрел на свои пальцы.

— Что?

Рене закатила глаза.

— Вы слишком круты, чтобы знать такое. Это из *«Звездный путь»*. Не берите в голову, я поняла. Увидимся утром, и я точно пойму выпалились вы или нет, поэтому не берите работу на дом.

— Есть, мэм, — на этот раз он поднял руку в салюте.

Сорок минут спустя Дерек вышел из автомобиля, которым управлял охранник из службы безопасности, на улице у особняка Лондон, и еле пошел к парадному входу, рядом с которым в тени дежурил другой охранник. Он был рад, что она позволила ему вернуться сегодня вечером к ней, после их ночной дискуссии. Несмотря на то, что большинство сегодняшней нервотрепки, черт возьми, непосредственно было связано к Лондон, она оставалась по-прежнему единственным человеком, которого он хотел видеть.

У него не имелось четкого плана, сколько это продлится и будут ли у них отношения, но он даже не сомневался в одном — он хотел быть рядом с ней, хотел защитить ее и ласкать, если она ему это позволит. Он каждый день сражался с потребностью, запрыгнуть в машину и поехать к Лондон, чтобы просто взглянуть ей в лицо, услышать ее голос, почувствовать ее запах.

Он был совершенно одержим ею, хотя еще даже не занимался с ней сексом.

— Добрый вечер, мистер Эмброуз, — вежливо произнес большой верзила у двери.

— Привет. Оуэн, правильно?

— Да, сэр.

— Были какие-то проблемы? Пресса нашла ее?

— Нет, сэр. Похоже, нам повезло. Видимо, дом числится под другим именем, и они не смогли найти ее адрес. Поскольку она сегодня не выходила из дома, а ваш водитель ехал осторожно, чтобы не было хвоста, стоит ждать.

Дерек резко кивнул.

— Думаю, нам стоит наслаждаться, пока есть такая возможность, и как минимум она получит передышку, прежде чем опять начнутся проблемы, — он замолчал, всматриваясь в автомобиль, на котором приехал, припаркованный на обочине через дорогу. — Я останусь здесь на ночь, от вас здесь может остаться один, водитель мне понадобится лишь завтра утром.

Оуэн кивнул, нажимая на наушник, давая указания своему коллеге в машине.

— У нас все под контролем, мистер Эмброуз, — пояснил он, стукнув один раз в дверь, затем повернул ручку, предлагая Дереку войти.

Дерек вошел в холл Лондон, опустив сумку на пол, позволяя глазам привыкнуть к тусклому освещению.

Он сглотнул желание крикнуть: «Дорогая, я дома», вместо этого позвал ее.

— Лондон? — он пошел в глубь, завернул за угол в гостиную, в которой был накрыт небольшой обеденный стол на двоих, зажженные свечи, бросали отблеск на сверкающий хрусталь.

— Привет, — произнесла Лондон, выходя из кухни с большим блюдом. Она слегка улыбнулась, ставя его на стол. — Я подумала, что ты проголодался после такого долгого дня.

Он почувствовал прилив теплоты и сопричастности с ней. Она была одета в узкие джинсы и свободный свитер, ее длинные волосы распущены и покоились на плечах. Темные глаза светились теплотой, как пламя свечи, и где-то в глубине своего сознания, он поймал себя на мысли, что хотел бы возвращаться к этим глазам, этой улыбке, в этот дом каждую ночь все оставшуюся часть жизни, и ему никогда это не надоест.

— Я чувствовал, что в тебе есть что-то такое, что мне очень нравится, — он погладил ее щеку, это был еле заметный жест, но он надеялся, что он даст ей подсказку, в каком направлении может продвигаться их ночь.

— Садись, уже все готово.

Он снял пиджак и повесил его на спинку стула, ослабил галстук, глубоко вздохнул и сел. Лондон ушла на кухню и вернулась с двумя тарелками.

— Я не знаю, какого виду еду ты предпочитаешь...

— Все, что отличается от бумажного пакета, — пошутил он.

— Хорошо. Я приготовила тебе традиционный персидский ужин — кореш, который топится в красной куркуме с мясом с большим количеством овощей и наан. Ты, наверное, пробовал наан в Индийском ресторане.

Дерек посмотрел голодными глазами на блюда.

— Давай, положи мне, я уже готов к добавке, — сказал он.

Она засмеялась и стала накладывать рис с рагу на его тарелку.

Тридцать минут спустя Дерек проглотил последнюю ложку кореш и допил вино, откинувшись в кресле.

— Это было одно из лучших блюд за многие месяцы. Где ты научилась так готовить?

Она отвела взгляд, прежде чем ответить:

— Мама любила готовить. Она и научила меня.

Он знал, все, что касается ее семьи — больная для нее тема, но он готов был помочь ей, обрести совершенно новые чувства и ощущения на всех уровнях в ее новой жизни, просто нужно было слегка ее подтолкнуть.

— Она ведь профессор? Лингвистики?

— Да. Я слышала об этом.

— И ты скучаешь по ней, — он произнес это, как признанный факт, поскольку, когда она заговаривала о матери, он видел, как менялось выражение ее лица.

— Иногда, — тихо ответила она. — Но потом я вспоминаю, что она сделала и перестаю о ней скучать. — Она кинула на него взгляд, наполненный вызовом, и он сменил тему:

— В благодарность за прекрасную еду, я могу вымыть посуду и приготовить нам коктейли?

Она встала и улыбнулась.

— Будь, как дома. Я буду в гостинной.

Как только Дерек закончил мыть посуду, подхватил поднос с коктейлями и взбитыми сливками, которые нашел в холодильнике, и пошел в гостиную, где она пролистывала журнал.

— Хорошо, уже поздно, пойдем я отведу тебя наверх.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Не смотри на меня так, — предупредил он. — Сегодня был один из худших дней в моей жизни, и единственное, что меня спасало — мысль, что вечером я буду с тобой. Я говорил тебе, что мы будем работать над твоими зажимами. Я буду учителем, а ты ученицей, и занятия начинаются, как только твоя попка начнет подниматься вверх по лестнице.

Лондон открыла рот, и походила на рыбу, очутившуюся на суше. Дерек рассмеялся и потянул ее за руку, чтобы поднять с дивана.

Он обхватил ее за талию, удерживая поднос в другой руке, коснулся губами ее шеи, затем продвинулся к уху и нежно прикусил мочку.

— Давай, красавица, позволь мне доставить тебе кое-какие удовольствия, которые окажутся не такими уж плохими.

Она охнула, выгибаясь, ближе прижимаясь к нему. Он развернул ее кругом и шлепнул по заднице.

— Пошевеливайся. Сейчас же.

Она оглянулась на него через плечо, ухмыльнулась, прежде чем поспешить вверх по лестнице. Он последовал за ней посмеиваясь.

Лондон рухнула на кровать, пружиня, Дерек последовал за ней, нависнув, упираясь на руки, беря ее в плен своим телом. Его глаза сияли, пока он смотрел на нее, и она чувствовала, как ускоряется ее пульс от его горящего взгляда.

Он нежно поцеловал ее в губы, прежде чем отстраниться.

— Нет ничего, с чем бы ты не справилась. Тебе понравится, но если ты почувствуешь, что все продвигается слишком быстро, просто скажи мне, хорошо?

Она кивнула, желая, чтобы он коснулся ее, хотя ей было страшно, но также было и возбуждающе.

Он нежно подул ей на шею и щеки, облизал мочку уха, которую прикусил ранее. Она почувствовала, как все ее тело расплавилось, а сердце стало покалывать и быстро стучать.

— Но перво-наперво, — пробормотал он, поднимаясь с кровати, и она почувствовала обдавший ее поток холодного воздуха, ей показалось, что она чего-то лишилась, став обделенной. Он отошел в угол комнаты, где стояла его сумка, которую он принес в начале вечера, порывшись, достал повязку для глаз.

Ее глаза расширились от удивления.

— Мистер Эмброуз, я бы никогда подумала.

— Спокойно, — ухмыляясь, сказал он. — Это для твоего обучения. — Он сделал несколько шагов обратно к кровати. — Начнем с верха.

Она молча наблюдала за выражением его лица, когда он медленно снял с нее свитер, оставив только кружевной розовый бюстгальтер.

Глаза Дерекы стали голодными.

— Розовый, — пробормотал он. — Идеально. — Он протянул ей повязку. — Надень ее.

Она взяла повязку, но Дерек стал расстегивать свою рубашку, и она замешкалась, чтобы получше разглядеть, непроизвольно открыв рот, как только он оголил накаченные мышцы торса и рук, покрытые тонкими золотистыми волосками.

— Надень повязку, красавица, — прогремел он.

Она надула губы, фыркнув, но натянула повязку на глаза.

— Теперь ложись, передай мне контроль над всем и позволь мне произвести с тобой самые потрясающие вещи.

Лондон лежала неподвижно, изнемогая от ожидания дальнейших его действий. Она услышала шорох, а потом Дерек стал расстегивать ее джинсы. Она напряглась.

— Шшш. Я хочу, чтобы тебе было более комфортно, ничего не будет, если ты не захочешь, обещаю.

Она расслабилась, он медленно стянул с нее джинсы вниз по ногам, оставив в бюстгальтере и трусиках.

— Господи, ты — великолепна, — промурлыкал он, проведя руками вверх-вниз по ее ногам, его прикосновения были еле ощутимыми и такими нежными, он остановился у ее бедра. Он снова и снова проводил по ногам руками, и она чувствовала тысячу крошечных покалываний, танцующих на коже, ее дыхание сбилось.

— Ты чувствуешь? — зашептал он ей на ухо. — Электричество, которое между нами.

Она вздохнула, растворяясь в его прикосновениях, а потом вдруг все закончилось. Она стала елозить на постели, пытаясь дотронуться до него. Потом услышала странный звук, и по комнате разнесся запах ванили. Что-то холодное вылилось ей на живот, и ее разгоряченная кожа, ощутила холод. Взбитые сливки. Он собирался слизывать взбитые сливки с нее, и это было настолько возбуждающе, что она едва не сорвалась с кровати.

— Дерек, — зашипела она.

— Шшш, — произнес он. — Расслабься, ни о чем не думай. Я приготовил себе десерт, тебе лишь следует лежать и наслаждаться. — Он хмыкнул, и она не смогла удержаться от улыбки в ответ, представляя, как он может выглядеть с голой грудью, рельефными мышцами, со спущенными брюками, и липкой от сладкого женщиной, лежащей под ним.

Он ловко расстегнул спереди застежку на лифчике, потом опять раздался звук выдавливаемых сливок, и она почувствовала, как холодные взбитые сливки окружают ее соски. Его язык последовал за ними, медленно облизывая вокруг, приближаясь к ним, но все равно не дотрагиваясь. Ее грудь ныла, почти болела, пока его язык ласкал ее кожу. Ей уже казалось, что она умирает от желания, но его губы сомкнулись на одном соске, посасывая. Удовольствие, смешанное с еле заметной болью, нахлынуло на нее, ее внутренние мышцы между ног сжались от наслаждения.

— О, Боже, — простонала она, приподнимая бедра. Он прошелся рукой по ее телу, обхватив за талию, другой ухватившись за грудь, продолжая сосать и захватывать ртом сосок. Ей необходимо было прикоснуться к нему, и она запустила пальцы в его шелковистые волосы, другой рукой вцепилась ему в спину, стараясь подтянуть его поближе к себе.

Но он не подчинился, все ее попытки оказались тщетными, он неторопливо перешел на другую грудь, уделяя ей такое же внимание, как и первой. Когда он, наконец, закончил с ее вторым соском, она ощутила, как он переместился, опустившись на колени и придавив своим телом ее бедра. Его новое положение оказывало давление именно в том месте, где ей больше всего хотелось, и она вздохнула с облегчением, пытаясь поближе прижаться к нему,

извиваясь.

— Ммм, — застонал он. — Мы еще не закончили, красавица. — Она почувствовала его щетину у себя на щеке, он оставлял крошечные поцелуи на ее подбородке, обхватив ее руками и удерживая неподвижно. Затем его губы нашли ее, и он просунул язык, пока его промежность двигалась на ней, надавливая на ее клитор, потираясь о ткань ее трусиков. Она захотела раздвинуть ноги, почувствовать его внутри себя, потом его грудь задела ее слишком чувствительные соски, и это было равносильно удару тока, прошедшему по всему ее телу.

Словно кто-то взял и вылил стакан воды на оголенный провод, ее просто ударило, причем слишком сильно. Она поняла, что уже близка к оргазму, который был оргазмом всего, достаточно будет от него лишь одного прикосновения, поцелуя и она зависнет в полете. Но она не могла этого сделать. Не могла разрешить себе. Ее сердце заколотилось, она стала задыхаться. Черт. Нет. Не сейчас.

В этот момент Дерек отодвинулся, пророкотав ей на ухо.

— Все хорошо. Все нормально. Мы остановимся. Не бойся. Я здесь рядом с тобой, и не буду давить на тебя. Просто дыши.

Она сорвала повязку, секунду мигала от приглушенного света лампы на тумбочке. Дерек нависал над, удерживая себя на руках, достаточно близко, но не касаясь ее, в его глазах отражалось беспокойство и сочувствие.

— Прости, — прорыдала она, отворачивая голову в сторону от унижения. Она не относилась к плаксам, поскольку не была особенно подвержена эмоциональным всплескам, но она расстроилась и была смущена, и ощутила жуткую тоску, что из-за страха у нее никогда не будет продолжения.

Он повернул ее лицо к себе, опустил рядом на кровать. Заставляя ее смотреть ему в глаза, прошелся по щеке пальцем.

— Не извиняйся. Ты фантастическая, прекрасная, и мне нравится быть с тобой. Это не произойдет в одночасье. У тебя много лет впереди, чтобы преодолеть этот комплекс. Я знаю, мы можем его исправить. Ты также можешь научиться доверять мне. Если хочешь?

Она прижалась к его руке и поцеловала в ладонь, он лег рядом с ней.

— Да. Я хочу преодолеть это больше всего.

— Тогда у нас все получится, тебе не стоит беспокоиться.

Она сделала глубокий вдох и взглянула в его красивые глаза. Как ей повезло найти такого мужчину, как он? Она понимала, что совершенно не заслуживала его, но могла только надеяться, что он не пожалеет об этом.

— Я так..., — ее голос затих, не зная, как сказать словами.

— Возбудилась? — спросил он, ухмыляясь.

— Боже, да, это тоже, — она пошевелила ногами, и поняла, что все, что находилось ниже талии, до сих пор требовало внимания.

Он пробежался пальцами по ее телу, на мгновение остановившись, чтобы покружить вокруг ее пупка.

— Ты можешь удовлетворить себя сама? — тихо спросил он.

Она сглотнула.

— Ты имеешь в виду...?

— Ты сама себя?

Она кивнула, чувствуя, как вспыхнули ее щеки. Для него было удивительным, что она стеснялась так открыто говорить о сексе, учитывая ее последние восемь лет жизнь.

— Тогда сделай это, — сказал он, его голос был низким от желания. — Прямо сейчас.

Она скатилась на бок и молча посмотрела на него. Они дышали в унисон, она чувствовала себя единым с этим мужчиной, такого ей никогда не доводилось испытывать. Их дыхание вместе, как и сердцебиение, энергия желания, кружилась вокруг них, закручиваясь внутри ее кокона, в котором она существовала.

Она наклонилась вперед и в легком, как бабочка, поцелуе дотронулась до его губ.

— Ты тоже, — прошептала она. Он кивнул, взяв ее руку и медленно переместил к резинке ее трусиков. Она проникла пальцами под резинку, дотронувшись до гладко выбритой промежности. Она подняла глаза и увидела, как он расстегивал брюки, потянув вниз вместе с боксерами, обнажая свой член. Он был гладким, набухшим, с поблескивающими капельками на головке. Ее пульс участился, и она застонала, поглаживая набухший клитор, кружа вокруг него одним пальцем.

— Посмотри, — выдохнул он. — Посмотри, что ты делаешь со мной.

Она не могла отвести взгляд, когда он стал растирать большим пальцем влагу вокруг головки, начиная двигать рукой вверх-вниз, соблюдая определенный ритм, подвластный только ему, несмотря на то, что его дыхание стало учащенным, ритм оставался прежним.

Лондон надела на клитор, закружила и нажала опять, потом запустила пальцы внутрь, коснувшись точки G, распределяя влагу по складам, вернувшись назад к клитору. Интенсивность желания, пылающая внизу живота, стала еще больше, она зажмурилась, ожидая волны экстаза.

— Смотри на нас, — резко приказал Дерек, и ее глаза распахнулись, и она снова посмотрела на него, встретившись с ним глазами, потом перевела взгляд вниз, его рука двигалась быстро, тело напряглось, мышцы взбугрились, даже выражение лица было напряженным.

Она прижала руку к своей промежности, сильнее надавливая на клитор.

— О, Боже, — воскликнула она.

— Кончи для меня, красавица, — прорычал он. Ее глаза закрылись, и волны удовольствия стали прокатываться у нее по телу. Мышцы сжимались, снова и снова, она задыхалась. В какой-то момент она услышала голос Дерека вперемежку со своим, когда закричала, а он зарычал в ответ, ее имя слетело у него с губ, как проклятие или благословение.

Оргазм медленно отпускал, она убрала руку, вернув трусики на место, почувствовав что-то горячее у себя на бедре, взглянула на Дерека, который выпустил заключительную струю, прежде чем отпустить свой член со стоном удовольствия. Все его тело обмякло, и он рухнул на спину в изнеможении на кровать.

— Я принесу что-нибудь вытереть тебя. Просто дай мне минутку. Не уверен, что в состоянии двигаться прямо сейчас.

Она хихикнула легкомысленно. Дерек перекатился к ней и поцеловал ее в губы.

— Это была самая чертовски горячая вещь, которую я когда-либо видел за свою жизнь, — сказал он тихо. — Как ты себя чувствуешь?

Она застенчиво улыбнулась, но бабочки закружили у нее в груди от его слов и ощущения его губ.

— Определенно хорошо, — призналась она, удивленно примолкнув, потому что это было правдой. Ей показалась, что огромная тяжесть свалилась с ее души. Появилась необыкновенная легкость, а она даже не заметила, как это произошло.

Он поднялся с кровати и направился в ванную, вернувшись с влажным полотенцем, нежно вытер ее бедро, а потом свой член, вернув полотенцу назад в ванную. Затем он снял брюки, оставшись в боксерах и подхватил ее на руки, она рассмеялась, пытаясь сопротивляться.

— Молчи, женщина, — проревел он, откинув одеяло, опуская ее на прохладные, гладкие простыни, лег рядом.

Он развернул ее к себе спиной, обхватил за талию, положив ладонь на грудь, уткнулся носом в ее шею, вдохнул глубоко носом запах ее волос.

— Ммм. А теперь давай спать, — пробормотал он. — У нас завтра будет долгий день.

Лондон улыбалась в темноте, окруженная его огромным телом, но улыбка не покидала ее губ, это была самая счастливая улыбка за все годы. Только в одно такое мгновение, она разрешила себе понежиться в тепле и ощущение заботы. Она проигнорировала все свои опасения, таящиеся в темных уголках ее головы, оставаясь совершенно глухой к нашептываемым предупреждениям. В эту единственную ночь Лондон Шарп позволила себе быть счастливой, и это было намного лучше, чем мечты, которые у нее когда-либо были, проваливаясь в сон, в объятиях мужчины, в которого она быстро влюблялась.

Было почти семь, когда Дерек проснулся на следующее утро. Обычно он просыпался до шести, но даже он был вынужден признать, что последние несколько дней были слишком уж напряженными. Несколько минут он просто наблюдал за спящей Лондон, ее лицо и волосы освещались слабыми лучами солнца, пробивающегося сквозь щели в занавесках.

Господи, он даже не мог предположить, что можно было ожидать от его небольшого эксперимента накануне вечером, но вынужден был признать, что все прошло гораздо лучше, чем даже в его самых смелых фантазиях. Он не был психологом, но у него имелось чутье, которое говорило ему, что если он сможет осторожно вклиниться и привести в норму ее физические ощущения, то за этим последуют и остальные. И он должен был признать, что хотел он всего. Он хотел трахать ее до бесчувствия, хотел, чтобы был ей не безразличен. Он никогда даже не мог предположить, что такая хрупкая, красивая женщина, способна вывернуть его сердце и разум наизнанку, и теперь единственное, что для него имело значение, как заставить ее хотеть его так же сильно, как он.

Он спокойно переоделся в тренировочную одежду, которые привез с собой накануне вечером, и на цыпочках спустился вниз. Выйдя на улицу, он познакомился с охранниками, которые приехали на смену и будут сопровождать его на протяжении всего дня. Дом Лондон был по-прежнему, Слава тебе Господи, свободен от прессы, но охранники сообщили, что его особняк в Джорджтауне пресса чуть ли не осаждала, ожидая его возвращения вчера ночью.

— Мы удерживаем их в пятидесяти футах от границ владений, но они не собираются его покидать, мистер Эмброуз, — произнес охранник, сменивший Оуэна.

— Хорошо, — ответил Дерек. — Я предпочел бы, чтобы они находились там, чем здесь, беспокоя мисс Шарп. Я позже сегодня появлюсь у дома, чтобы поддерживать их интерес. Я хочу удерживать их как можно дольше подальше отсюда.

— Да, сэр.

— Вы готовы пробежаться? — спросил Дерек.

— С нетерпением жду этого, сэр. Позволь мне попросить Чарли, чтобы сменил меня у дома. Чарли встал у двери дома Лондон, Дерек с другим охранником отправился на небольшую пробежку по Гамильтон-Парку. Дерек поставил наушники и набрал номер Камалы, прежде чем вставить телефон в ремень на поясе.

— Новости о Мелвилле? — без обиняков спросил Камаль.

— Он уже садится и ест, судя по смс-ки, которую сегодня утром отправила Анджела. Я заеду к нему сегодня.

— Хорошо. Ты сможешь составить еще один пресс-релиз, как только встретишься с ним?

Ноги Дерек стучали по бетонной мостовой, свернув за угол на Харлоу Стрит.

— Да, я хочу, чтобы все знали, что он в порядке, и особенно тот, кто это сделал, понял, что ему не удалось нарушить наши планы.

— И у меня есть кое-какие новости по поводу этого, — сказал Камаль, совершенно серьезно.

— Правда? Полиция не смогла сказать мне ничего нового, когда я в последний раз разговаривал с ними. А что ты слышал?

Камаль был известен не только своими легальными контактами. Сын известного

египетского бизнесмена, он был знаком с широким кругом людей, включая и членов египетского криминального мира.

— Создается впечатление, что кто-то на прошлой неделе посетил офис Мелвилла и интересовался графиком выступлений сенатора. Естественно ему сообщили только публичные выступления сенатора Мелвилла, но сотрудница сказала, что мужчина интересовался больше волонтерством. Она пошла за документами, чтобы зачитать график, а когда вернулась, он ходил по залу заседаний, где висит огромная карта на стене, на которой отображены все выступления сенатора с датами и временем.

— И там он смог увидеть, во сколько Мелвилл покидает конференц-зал в Carpenter's Hall Union, где в него и стреляли и в какое время, — тихо выругался Дерек. — Что за сотрудница была?

— Дениз, — ответил Камаль.

— Она вспомнила, как выглядел тот парень?

— Да, у нас имеет хорошее его описание, и что самое интересно оно совпадает с Райаном Уильямсом, советником Сената, который завел расследование на Мелвилла.

Дерек глубоко вздохнул и сжал кулаки, напоминая себе, что напрягая каждый мускул, пока он бежал, не поможет его расслаблению.

— Ты должно быть шутишь.

— Есть кое-что еще, — сказал Камаль.

— Ладно, выкладывай уже все.

— Похоже, что наш парень Уильямс забавлялся не только с женой своего босса. Восемнадцать месяцев назад у него была связь с женой Ника Паттерсона.

Дерек едва не споткнулся, был так потрясен. Паттерсон был одним из его самых больших конкурентов в политическом консалтинге. Хороший парень, они периодически встречались на фуршетах, обсуждали некоторые вопросы, связанные с аутсайдерами в политике, прежде чем принимать новых клиентов.

— Я понятия не имел, что у Ника и его жены были проблемы. Зачем она связалась с таким мудаком, как Уильямс?

— Не знаю, но у нас есть данные, что Уильямса и Ника дважды видели вместе за последние несколько недель, Дерек.

Нет. Это не имело никакого смысла. Ник Паттерсон был хорошим парнем. Не таким успешным как Дерек, но он знал свое дело. Профессионал и преданный семьянин. Не может быть, чтобы он стал участвовать в разрушении карьеры и кампании Дерек. Не говоря уже о покушении.

— Откуда ты, черт побери, получаешь свою инфу, Камаль? Я не верю ни на секунду, что Ник вовлек себя в подобную ситуацию. Он хороший парень. Слишком порядочный, я бы даже сказал. И если то, что ты слышал о Уильямсе и жене Ника правда, думаю, что они два самых последних человека на земле, встретившиеся друг с другом, если только Ник не поджидал его в подворотне с кастетом.

Охранник Дерек жестом указал держаться левее, когда Дерек повернул за угол, подальше от главной трассы, стремительно заполняющейся машинами ранним утром.

Дерек кивнул, пытаясь увеличить темп, поскольку он замедлился, разговаривая с Камалем.

— Я не собираюсь сообщать тебе свои каналы, — резко произнес Камаль. — Я предоставил тебе эту информацию, пообещав своим источникам полную анонимность. Но

это солидный источник, Дерек. Возможно, Ник встречался с Уильямсом и это совершенно никак не было связано с кампанией Мелвилла? Конечно, такое возможно. Возможно, у Уильямса был разговор с Ником по поводу предстоящего выдвижение Донована на президентский пост. Может быть, они обсуждали произошедшее с его женой, хотя более цивилизованным способом, нежели ты сказал. Но почему встреча состоялась не в офисе? Мы этого не знаем, но должны выяснить. Хотя это и касается персоны, которую ты очень ценишь и уважаешь.

Дерек понимал, что его друг прав. Он понимал, что его собственная карьера напрямую связана с Мелвиллом, дальнейшая жизнь Лондон тоже висит на волоске, ничего не оставалось делать, как проверить любого подозреваемого. Но бл*дь, он с сожалением подумал, что Ник мог заниматься чем-то подобным.

— Хорошо, — ответил он. — Делай все, что нужно.

— Я скажу Джеффу. Позвони мне, если появятся новости о состоянии Мелвилла.

— Будет сделано, — ответил Дерек. — И Камаль? Пока ты будешь изучать деятельность Паттерсона, проверь по поводу жены Ника. Мне все-таки кажется, что она не относится к тому типу, готовому обманывать своего мужа. Что-то здесь не так. Это может быть не мое дело, но я хотел бы узнать намного больше об этом.

Они завершили разговор, и Дерек повернул к особняку Лондон, вдруг почувствовав страстное желание увидеть ее, и по этому поводу в голове у него не было ни одной благородной мысли, а только единственная — возможно ему стоило начать утро по-другому, а вовсе не с пробежки.

Лондон проснулась от покалывания на коже, сердце бешено колотилось, и перед глазами вертелись перемешанные образы с запахами и звуками. Она вспомнила, как язык Дерек скользя по ее коже, его глубокий, хриплый голос, нашептывающий на ухо, его блестящая от семени головка члена, которая медленно скрывалась в большом кулаке. У нее запульсировало между ног, она сладко потянулась, поворачиваясь на другой бок, рядом никого не было.

Черт. Она хотела бы повторения прошлой ночи. И возможно, если только такое возможно, смогла бы окончательно расслабиться, позволив Дереку взять ее там, где вчера были ее собственные пальцы.

Она села, оглядываясь по сторонам и задаваясь вопросом, где он может быть. Удивляясь. У нее никогда не было такого мужчины, готово пережить такое количество неприятностей из-за женщины, и еще помочь ей лишиться страхов. Он готов был отказаться от секса из-за ее комплекса, и ее это несказанно удивляло, и она испытывала к нему теплоту и нежность.

Она скользнула взглядом по его одежде, наброшенной на кресло в углу, и его большой сумке, все еще стоящей на полу, значит он не ушел на работу. Возможно, он был внизу, делал кофе? Этот мужчина любил кофе.

Спустя пять минут, причесав волосы и почистив зубы, Лондон побрела вниз, накинув шелковое кимоно, спускаясь по лестнице, ей в нос ударил запах кофе и готовящейся еды, никогда прежде с ней такого не происходило — мужчина готовил на ее кухне.

Она повернула за угол и замерла. Он стоял с голым торсом, в спортивных шортах, свободно свисающих на его узких бедрах, спутанные волосы прикрывали лицо. В одной руке он держал лопатку, в другой — чашку кофе, и вокруг него распространялся запах бекона, так

пах самый лучший бекон в мире...или, скорее всего, она была просто голодна. Лондон вздохнула, не веря своим глазам, что такое могло происходить на ее собственной кухне. Ей казалось, что она ненароком попала в чужую жизнь.

Почувствовав, словно шестым чувством, Дерек посмотрел на нее через плечо, глаза тут же вспыхнули голодом, как только он прошелся взглядом по ее лицу и медленно опустился по телу.

— Доброе утро, — проговорил он, осторожно снимая сковороду с плиты и отставляя в сторону. Он сделал несколько шагов к ней, обнял ее за бедра, резко притянул к себе.

— Ты сегодня выглядишь просто неповторимо, — пробормотал он, опустившись на ее губы.

Как только она почувствовала его крепкое накаченное тело, упирающееся в нее, вся загорелась. Она застонала ему в рот, он запустил язык внутрь, его твердый член упирался ей в живот.

Он обхватил ее за попку и сжал, еще ближе притягивая ее к себе. Затем он немного присел, облизывая ее шею и прижимаясь своей эрекцией в самое идеальное местечко между ее ног.

— Черт, женщина, — прорычал он. — Мне не следовало сегодня утром вылезать из постели.

— Господи, нет, — выдохнула она. — Что заставило тебя уйти?

Он усмехнулся, медленно покусывая ее нижнюю губу и оставляя опять нежный поцелуй, прежде чем отпустить.

— К сожалению, я не могу сегодня прогулять. У нас неприятности, которые стоит разрулить, и кандидат в больнице.

Желание у Лондон тут же стало сходить на нет, Дерек вернулся к плите, и она вспомнила о катастрофическом состоянии своей жизни.

Словно почуяв изменения настроения, Дерек подошел к ней с тарелкой яичницы с беконом, и осторожно стал подталкивать ее к столу.

— Садись, — приказал он с улыбкой. — Поешь немного, я попытался соответствовать твоему уровню с завтраком, ты должна сказать мне, что тебе потребуется сегодня, чтобы охрана позаботилась об этом.

Сорок пять минут спустя, Лондон довольная и сытая, просматривала новый пресс-релиз Дерека, сидя на диване в гостиной с чашкой кофе, слушая, как он раздавал поручения сотрудникам службы безопасности, где ей нужно быть в течение дня.

Она сначала напряглась от его контроля над ее жизнью, пока Дерек раздавал указания по поводу ее передвижений на предстоящий день, но потом поняла, что в этот момент это было просто необходимо. Если она рискнет выйти во внешний мир, на нее сразу же набросится пресса, алчущая до сенсаций, авантюристы и хулиганы. Каждый хотел получить кусок от самой отъявленной проститутки, типа Хейди Фляйс, и это не было бы столь мило. Она понимала, что в одиночку с таким полчищем у нее нет сил бороться.

— Извините меня! — послышался знакомый голос из холла. — Мне плевать, что ты из секретной службы, я должна увидеть ее сию же минуту, если ты не желаешь получить неприятности!

Лондон соскочила с дивана, услышав в ответ голос Дерека.

— Все хорошо, Майкл, я... Привет, я Дерек Эмброуз, парень Лондон, я могу вам чем-тс

помочь?

— Я уж точно знаю, *кто* ты, — огрызнулась Джоанна. — Что *ты* делаешь у Лондон — это совсем другой вопрос. Я же, ее *лучшая* подруга, и сию минуту должна с ней встретиться, или я позвоню в полицию и скажу, что ты удерживаешь ее против ее воли.

Дерек усмехнулся, Лондон тоже не могла не улыбнуться про себя, ее сердце забилося в два раза быстрее.

— Не надо вызывать полицию, — ответил Дерек. — Она здесь, и вы можете ее увидеть.

Каблуки Джоанна настойчиво стучали по деревянному полу, когда она ворвалась в гостиную, Дерек следовал за ней, с задумчивым выражением, на лице.

— Лондон, Слава Богу, ты жива, — закричала Джо, заключив ее в крепкие объятия. Лондон поверх плеча Джо кинула взгляд на Дерека, который довольно улыбался, глядя на них.

— Все в порядке? — спросил он.

Лондон кивнула в ответ, и он вернулся к охране, выйдя на улицу и прикрыв за собой дверь.

Джоанна отстранилась от Лондон, обняв ее за плечи и внимательно разглядывая.

— С тобой все в порядке? — мягко спросила она.

Лондон улыбнулась театральности Джо.

— Да, он беспокоиться обо мне, поэтому поставил охрану, которая может сдерживать других, и охранять мой дом, — хотя на самом деле она была затворницей от природы, но в данный момент ей стоило сказать об этом Джоанне.

Они присели, и Джо повернулась к ней, на ее милом идеальном лице читалось неприкрытое беспокойство.

— Почему ты не отвечаешь на мои звонки?

Лондон вздохнула, чувствуя вину.

— А зачем ты звонила?

Джоанна покачала головой, хватая Лондон за руку.

— Когда ты наконец поймешь? Я люблю тебя. Ты мне как сестра, которой у меня никогда не было, ты моя семья, а я твоя. Совершенно неважно, что ты там делаешь, я тебя не оставлю.

Из глаз Лондон потекли слезы, но она сдержалась, чтобы не разрыдаться.

— Но я ведь лгала тебе... опять. И я проститутка...

— Я знаю, ты уже говорила.

Лондон всхлипнула.

— Но теперь ты знаешь, что я проститутка, которая занималась сексом с женатым политиком, а ты хотела за него голосовать. Я видела фотографии его жены. У него маленькие дети, Джо. Я никогда не интересовалась личной жизнью своих клиентов. Мы никогда не... я никогда...

— Шшш, — шикнула Джо. — Чем ты занималась вчера или позавчера, не имеет значения, почти так же, как то, чем ты займешься завтра. Я злюсь? Черт, да. Ты солгала мне. После того, как раскрыла, что была проституткой, после того, как рассказала, как ты очутилась здесь и почему все пошла на это. Ты все-таки солгала мне опять. И это ранит. Я чувствую, что ты не доверяешь мне, даже после всех лет нашей дружбы, после того, как я узнала, что ты скрывала свою личность, я все равно простила тебя. Ты же по-прежнему не доверяешь мне.

— Мне очень жаль, Джо. Я доверяю тебе. Мне кажется, что столько лет скрываясь и пряча свою настоящую личность, обманывая, я просто не умею делать ничего другого. Я не знаю, как по-другому себя вести. Я мошенница.

— Прекрати, — увещевала Джо. — Ты не мошенница, ты всего лишь солгала. Но сейчас у тебя тяжелое положение, из которого не так уж и легко выбраться. Нужно оставить твою двойную жизнь позади и позволь мне помочь тебе с этим, показав реальную жизнь, Лондон. Она здесь и сейчас, просто нужно немного поощрения.

Лондон крепко обняла Джо.

— То, что ты простила меня, это самая обнадеживающая вещь в мире для меня. И мне так жаль, что тебе пришлось узнать такое о Мелвилле.

Джо торжественно кивнула, поджав губы.

— Он оказался не совсем тем парнем, как я думала.

— Мне очень жаль, Джо, — говоря это Лондон имела в виду гораздо большее, чем ошибка Мелвилла. Если бы она могла повернуть время вспять, чтобы рассказать тогда подруге о кандидате в президенты, которым она так восхищалась.

— А ты и Дерек? Я не понимаю. Ты сказала, что пошла на свидание к нему, а сейчас говоришь, что виделась с Мелвиллом. Дерек оказался всего лишь приманкой для прессы? Он выглядел сейчас чертовски горячо, словно провел здесь ночь.

— Все сложно.

— Он тоже был твоим клиентом? — Джо немного побледнела, спрашивая об этом.

— Нет! — у Лондон тут же скрутило живот от одной только мысли, что Дерек мог ей платить за секс. — Он никогда не будет им. Он очень хороший человек, Джо.

Джоанна, наконец, улыбнулась и воскликнула:

— Поэтому вы оба создаете видимость?

— Он... другой.... Я никогда не встречала такого мужчины раньше.

Лицо Джоанны озарилось в огромной улыбке.

— Он тебе нравится! — с восторгом закричала она. — Ты действительно встречаешься с ним. Ах, Лондон, я так счастлива!

Лондон закатила глаза.

— Не думай планировать свадьбу. Это временно. Мы начали встречаться, чтобы отвести подозрение от Мелвилла, когда началась вся эта шумиха. Но сейчас мы застряли в наших отношениях из-за покушения. Дерек говорит, что не безопасно сейчас публично предпринимать какие-либо действия, тем более все это связано с его кампанией.

Джо ухмыльнулась.

— Какая удобная отмазка.

— Опять же, не строй никаких нелепых планов.

Джоанна встала и медленно подошла к камину, проводя пальцами по мраморной полке, сказав:

— Очевидно же, что он любит тебя. Я видела, как он смотрел на тебя, и он на самом деле считает себя твоим парнем.

Она в пол-оборота повернулась к Лондон, с совершенно серьезным выражением лица.

— Он богатый и обладает властью, Лондон. Если ты будешь с ним, он сможет помочь тебе уйти с... твоей работы. Может быть, он поможет оплатить твоё обучение или начать бизнес. Есть достаточно сфер, в которых ты будешь хороша, тебе просто нужно выяснить, чем бы ты хотела заинтересоваться.

Лондон выпрямилась, представив свое будущее, которое Джо описала. Ее подруга хотела искренне помочь, но не знала о ее существующей договоренности с Дерексом.

— Я понимаю, как это выглядит со стороны, но все не так просто.

— Почему? — спросила Джо, упрямо вздернув подбородок. — Почему ты не можешь начать что-то новое, когда все закончится? Я могла бы тебе помочь, я разговаривала с Брайаном на эту тему. Ты не должна жить жизнью, как будто впереди больше ничего нет.

Сначала Лондон, как всегда хотела ошетиниться на ее слова, и с негодованием сказать Джоанне, что это ее жизнь и ее она не касается. Но она понимала, что Джо имела в виду, и слова Джо были основаны на неполной информации. Существовала ситуация, которая никуда не денется, но об этом Джо не знала.

— Я благодарна тебе за заботу. Ты с Брайаном самые добрые люди в мире, и я очень люблю вас обоих, — она вздохнула, пытаясь снять напряжение с шеи и груди. — Я подумаю об этом. Обещаю. — Это был самый легкий способ успокоить Джо на данный момент. Джо не следует знать, что как только кампания Дерекса будет очищена от слухов, она вернется к своей, той нормальной жизни.

Джо улыбнулась, бросившись обнимать Лондон, сидевшую на диване.

— Это я уже слышала два дня назад. Теперь я надеюсь, ты не заставишь меня узнавать еще что-то из прессы. Больше никаких секретов, хорошо?

Лондон кивнула, поднимаясь.

— Я люблю тебя, — ответила она, стараясь не давать никаких обещаний или обязательств. Притворство давалось ей легко, она потратила почти десять лет своей жизни, оттачивая это мастерство.

Лондон следовало более внимательно проверять звонки. Она не знала номер, не имя, и она была в самой гуще поднятого ажиотажа СМИ, и это должно было заставить ее поступать более осмотрительно. Анонимный номер неизвестного абонента. Но прежде чем ее разум стал логически мыслить, призвав ее к осторожности, она ответила на звонок:

— Алло?

На долю секунды воцарилась тишина на другом конце провода, затем Лондон услышала крохотный вздох. Всего лишь один крошечный вдох, который она узнала, и голос, заставивший ее вывернуться на изнанку, как родное старое пальто.

— Лондон, пожалуйста, не вешай трубку, — густой голос Фаррах Амид.

Лондон стиснула зубы, в глазах появились колючие слезы. У нее сдавило дыхание, перед глазами все поплыло, и она прислонилась к стене, у которой стояла.

— Как ты узнала этот номер? И что ты хочешь? — ее собственный голос был едва громче шепота.

Она услышала, как с трудом сглотнула Фаррах, и хотя она никогда не видела, чтобы ее мама плакала, но Лондон поняла, что так она попыталась сдержать рыдания.

— Мне необходимо было выяснить, что с тобой все хорошо, — ответила Фаррах. — Я видела новости неделю назад, и через одного из репортеров смогла найти твой номер. Мне необходимо было услышать тебя, и понять, что с тобой все в порядке.

Лондон подошла к окну. Пресса обнаружила ее местонахождение этим утром, и каждый раз, когда она выглядывала в окно, газетчиков становилось все больше и больше, словно стервятники, поджидающие дичь. Затем она перевела взгляд на газету, лежащую на столе, с кричащими заголовками о покушении на Мелвилла.

— Со мной будет все в порядке, если все оставят меня в покое, — ответила она, — но не думаю, что такое произойдет в ближайшее время.

Повисла напряженная пауза, обе молчали, боясь вздохнуть, Лондон и женщина, родившая ее, впервые за десять лет, обмолвились словами. Если бы боль стала осязаемой и смогла бы отразиться в пространстве, то это был бы точно такой момент, Лондон чувствовала каждой клеточкой своей кожи, разрывающую печаль, сожаление и тоску.

— Это правда? — спросила Фаррах. — То, что пишут в газетах.

У Лондон тут же сжался желудок, и она зажмурилась, разозлившись от боли, пронзившей ее грудь.

— Что именно? Что я проститутка? Да. Что Джейсон Мелвилл был одним из моих клиентов? Да. Что я встречаюсь с Дерекком Эмброуз? Это сложно.

— Хабиби, — произнесла мать, используя арабское ласковое слово, так она называла Лондон, когда та была маленькой.

Лондон больше не могла сопротивляться. Слезы потекли по лицу, и она закусила губу, стараясь не издать ни звука, но глубоко у нее в груди клокотал крик, давил на ребра, пытаясь вырваться на волю, освободившись после десяти долгих, тяжелых лет.

— У меня болит за тебя сердце, — продолжила Фаррах. — Пожалуйста, позволь мне помочь тебе, хоть как-то. Позволь мне забрать от тебя эту ношу. Чтобы ни случилось в прошлом, мы сможем это выяснить позже. Теперь, позволь мне помочь тебе. Я могу дать деньги, я могу нанять адвокатов, я могу избавить тебя от всего этого. Мы можем поехать

отдохнуть куда-нибудь. Все, что ты хочешь.

Лондон почувствовала себя выжатой и голой ... стены из бетона, которые она отлила вокруг своего сердца, стали давать трещины и рушиться. Это было ужасно, и все же она хотела, чтобы так произошло, она жаждала этого очень давно, как наркотик.

— Не думаю, мама, — она с трудом проглотила комок в горле. — Я не могу. Сейчас нет.

Мать опять вздохнула одним из крошечных вдохов, и дрожащим голосом произнесла:

— Хорошо. Я понимаю. Я не хочу на тебя давить. Ни в коем случае. Я никогда не заставлю тебя сделать то, что ты не хочешь. Но могу ли я еще позвонить тебе? Может через несколько дней? Просто поинтересоваться, как ты. Ответишь ли ты на мой звонок? Прошу тебя, — отчаяние прорывалось из слов, Фаррах резко, со страданием вздохнула на другом конце линии.

Ее слова полностью разбили самоконтроль Лондон, больше вынести она уже не могла. Она разрыдалась, слезы лились ручьями, лоя ртом воздух, Лондон ответила:

— Да, — и решительно кивнула головой, хотя ее никто не видел. — Да. Звони. Я возьму трубку. Я должна сейчас идти. — Ей нужно завершить разговор до того, как он окончательно прикончит ее.

— Хорошо, Хабиби. Я скоро позвоню тебе. Пожалуйста, береги себя, моя доченька.

Лондон подавила очередной всхлип и отключилась, упав на пол в слезах от боли, которая росла и копилась десятилетие. И где-то глубоко у себя внутри, она задалась вопросом, как она позволила этому всему случиться?

Разрешение навестить Мелвилла пришлось на пять вечера, и Дерек запихнул подальше свое раздражение от того, что ему еще на два часа придется отодвинуть встречу с Лондон. Стоя в лифте больницы, он раздумывал над тем, что похоже сенатор не пользуется такой популярностью, как предполагалось. Да, в вечерних выпусках новостей, а также в дневных и утренних давался полный отчет о его здоровье. Но перед больницей было полное затишье относительно средств массовой информации, только двое репортеров стояли у входа, и, скорее всего, ни один из них даже не обратил внимания на Дерек.

Остановившись перед палатой Мелвилла, Дерек показал свое удостоверение агентам службы безопасности, охраняющим дверь. Министерство национальной безопасности учредило охрану Мелвиллу сразу после покушения на его жизнь. Агенты одобрительно кивнули, и Дерек взглянул в окошко в двери, Мелвилл сидел в постели, переключая пульт телевизора.

— Тук-тук, — произнес Дерек, заглядывая за дверь. — Ты готов принять посетителя?

— Дерек. Конечно же, заходи, — произнес Мелвилл.

Дерек подошел к кровати и пожал ему руку.

— Ты сегодня выглядишь гораздо лучше. Как себя чувствуешь?

— Лучше. Не могу сказать, что на все сто процентов, но лучше. Пододвигай кресло и давай поговорим о дальнейших планах.

Дерек кивнул, быстро пододвинув кресло к кровати Мелвилла, который выключил звук на телевизоре.

— Врачи говорят через неделю меня смогут выписать.

— Это замечательно. Сколько займет восстановление?

— Они сказали, что я могу работать дома по три или четыре часа в день в течение пары недель. Потом они пересмотрят свое решение, если все будет хорошо, и я смогу вернуться на

полный рабочий день уже в офис.

— Отлично. Это все выполнимо. Ты хочешь поговорить о своем графике встреч, или же мы сможем запланировать что-то другое? — спросил Дерек, чувствуя, как его голова снова начала судорожно работать впервые, после выстрела в Мелвилла.

Мелвилл немного сдвинулся в кровати, морщась от боли.

— Дерек, думаю, нам стоит говорить более открыто, чем прежде.

— Хорошо. Ты переосмыслишь свое расписание в офисе? Это будет вполне понятно по известным причинам, я по-прежнему думаю, что мы сможем победить.

Мелвилл тяжело вздохнул.

— Я ценю это. Тебе следует знать, что я с большим уважением отношусь к твоим инстинктам и твоим талантам. Я бы не пошел на такой риск, если бы ты не вдохновлял меня.

Дерек понимал, на что шел, несмотря на то, что кровь бросилась ему в голову, а адреналин зашкаливал.

— Но...

Мелвилл с трудом посмотрел ему в глаза. Оба мужчины знали, что нужно сказать, и ни один не хотел этого делать.

— Я разговаривал с моим другом, который работает в избирательной компании. Он провел по поводу меня быстрое и тайное исследование, и было обнаружено, что покушение на самом деле охватило многие интернет ресурсы, затмив негативный образ, связанный с сексуальным скандалом. Я извинился перед Анджелой, и она теперь на моей стороне, и я согласен с ней пройти консультацию у сексопатолога, чтобы не допустить предыдущего, и я могу продолжить эту кампанию, хотя до покушения не думал, что смогу.

Дерек открыл рот, чтобы согласиться с ним, но Мелвилл поднял руку, заставляя его замолчать.

— Но я думаю, что твоя связь с Лондоном наносит больше вреда, чем пользы, — Дерек готов был огрызнуться в ответ, но Мелвилл опять остановил его, поднятой рукой. — Подожди. Я понимаю, что эта связь возникла всего лишь из-за меня. — Он откашлялся. — С моей стороны, это было слишком опрометчиво, и я понимаю, что ни один из нас не оказался бы в таком положении, если бы я мог удержать свои штаны на месте. Но дело в том, что конкретно сейчас, я не в состоянии что-либо изменить.

— Так ты готов вместо меня взять на себя вину, которая представляет из себя груды мусора? — проскрипел Дерек со своего места.

— Нет. Я надеюсь, что ты это сделал исключительно, чтобы защитить меня, и надеюсь ты не имел никаких проблем, по поводу раскрытия ее личности. Такова жизнь, Дерек. Отрекись от нее, скажи всем, как тебе жаль, что ты врал насчет нее, покрывая меня, и посади меня в Белый дом.

Дерек посмотрел на мужчину, которого он пророчил в президенты Соединенных Штатов и зажмурился. Он не дышал целую минуту, прежде чем его легкие, наконец, начали нормально функционировать.

— А что произойдет тогда с ней? — спокойно спросил он.

Мелвилл пожал плечами.

— Я думаю, что она вернется к своей обычной жизни. Я не совсем понял твой вопрос.

— Мы выпотрошили ее жизнь на всеобщее обозрение. Я понимаю, ты не знал этого, но у нее была двойная жизнь. Она честный налогоплательщик, кроме того волонтер. У нее имеются друзья, которые даже не предполагали кем она была на самом деле — эскортом все

эти годы. Теперь об этом знают все. Мы раскрыли всю ее двойную жизнь, и она не может никуда пойти, чтобы люди не узнавали ее, плюс еще полиция до сих пор не поймала стрелявшего в тебя, ее положение, прямо скажем, не безопасно.

Мелвилл почувствовал себя немного неудобно.

— Я сожалею, но не уверен, что ее связь с нами, как-то нам помогает. Я имею в виду, конечно, мы можем предоставить ей охрану, пока полиция не найдет стрелявшего, но помимо всего этого? Ты больше не можешь показываться с ней... Господи Иисусе, это означает, Дерек, у них есть фотографии, что ты выходил из ее дома в семь часов утра.

Дерек поднялся, принявшись расхаживать.

— Если я буду находится рядом, она будет под моим крылом. Я могу усилить охрану вокруг нее, выходить куда-то и по-прежнему убеждать общественность, что она больше не работает в эскорте.

Мелвилл покачал головой.

— Я восхищаюсь твоим благородством, поверь мне, я знаю, что она великолепна...

Дерек сжал кулак и прищурился.

— ...но ты не *поднимешь* ее вверх. Она *утянет* тебя вниз. И когда ты будешь тонуть, ты потянешь за собой и всю кампанию, ведь правда же? Настало твое время, сократить потери. Ты сможешь спасти свою карьеру и кампанию, если только убережешь ее от себя навсегда.

— Нет.

— Брось, перестань быть таким чертовски благородным. На самом деле, она же не по-настоящему твоя подруга? Ты что, трахнул ее что ли? Я не могу тебя винить, но если серьезно, то есть очень много других женщин... женщин, которые не разрушат наши карьеры... для тебя, с которыми ты можешь потрахаться, плюс тебе это не будет стоить ни цента. Я познакомлю тебя с некоторыми. У Анджелы есть много одиноких подруг, которые настроены намного дружелюбно.

Дерек похолодел с головы до ног, холод сжал даже его сердце. Он подошел к кровати Мелвилла и наклонился, остановившись в нескольких дюймах от лица сенатора. Его голос звучал спокойно и убийственно, и он увидел страх в глазах Мелвилла.

— Тебе не стоит беспокоиться о моем увольнении, Джейсон. Можешь считать это моей отставкой. Я буду ждать полное свое выходное пособие, которое мне причитается, в течение следующих тридцати дней в соответствии с условиями договора.

— Дерьмо. Дерек, давай...

Дерек уже был на полпути к двери. Он остановился и глянул через плечо на Мелвилла.

— Она очень дорогая, но я ей никогда не платил. Не приходилось. И ты не найдешь другого мужчину в стране, кто может сказать то же самое. Это очень эксклюзивный клуб.

— Черт побери, не делай этого, Дерек! — орал в след Мелвилл, но Дерек вышел из палаты.

Пока он добрался до лифта, достал свой телефон и набрал быстрый набор номера, сказав:

— Привет. Можешь собрать всех? Нам нужно встретиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Камаль грохнул кулаком по деревянным панелям стены в штаб-квартире. Стена сотряслась, и Дерек подумал, хорошо, что по стене, потому что после такого удара, он явно бы не выжил.

— Ты в своем уме? — заорал Камаль.

— Глубоко выдохни, — спокойно увещевал Тиг.

Слова предназначались для Камалья, но Дерек последовал совету друга, и пару раз глубоко выдохнул, прежде чем ответить:

— Нет, но я не буду козлом отпущения. Я позволил Мелвиллу диктовать свои условия, и потерял всякое доверие. Все знают, что вы не нанимали меня, чтобы бы я выполнял роль на побегушках, так? Я *консультант*, а не наемный работник. Никто не может мне сказать, какова должна быть стратегия, я говорю какая она должна быть, и в конечном итоге, я решаю, как действовать. Или я уйду. Что и произошло сегодня.

Скотт уперся бедром в бильярдный стол, приняв непринужденную позу, и случайно сдвинул красный шар, который стукнулся о желтый, направив его прямым в лузу. Он смотрелся со стороны так, словно модель, сошедшая со страниц мужского журнала, его светлые волосы были в беспорядке, подтянутое стройное телосложение, показывающее совершенство фигуры, под дорогой рубашкой и дизайнерским галстуком.

— Очевидно, Дерек прав, Камаль. Он большой мальчик, и если он решил, что Мелвилл направлял его к ранее проигранному решению, то мы должны уважать это.

— Спасибо, — Дерек резко кивнул Скотту, прежде чем перевести взгляд на Камалья. Он ненавидел бороться со своим лучшим другом, но если Камаль не получит полный контроль над происходящим, как избалованный богатый ребенок египетского бизнесмена, ничем хорошим это не закончится.

Камаль тыкнул пальцем в Дерека.

— Ты рискнул поднять свой авторитет? Ты сказал всему миру, что встречаешься с проституткой, а теперь, получается, что ты солгал всему американскому народу, и отказываешься от кандидата, которому якобы верил и доверял, именно в тот момент, когда он раненый лежит в больнице после покушения. И почему ты думаешь, что таким образом, защищаешь и поднимаешь свой авторитет? Спрашиваю еще раз, ты окончательно потерял свои затраханые мозги?

Тиг, развалившийся на диване, положив руки на спинку, с беспокойством взглянул на Дерека.

— Когда он так ставит...

— Заткнись, — прорычал Дерек. Он знал, что Камаль мог аргументировать все что угодно, и у него сжался живот, когда Камаль все разложил по полочкам, и был прав. Но сердце говорило, что он готов повторить все сначала. Он готов принять любой удар, терпеть любые оскорбления, бросить любую работу, если это будет способно защитить Лондон. Этот факт напугал его. И заставил двигаться вперед.

Он покачал головой, внезапно почувствовав себя измученным и усталым. Он хотел очутиться в кровати и желательно с Лондоном.

— Да, ты прав, когда так говоришь. Но я не смогу сделать то, что он хотел. И не думаю, что это правильно с моей стороны, для меня, и уж точно не для Лондон. Если посмотреть с другой стороны — если я позволяю клиенту диктовать мне условия, я просто в следующем десятилетии только и буду, что бороться с такого типа проблемами. Мой успех зависит от кандидата, который верит в меня, как в эксперта. Я веду, он следуют и выполняет, все просто.

Камаль прислонился к стене, скрестив руки на груди, нахмурившись, с вызывающим выражением лица.

Тиг встал и подошел к бильярдному столу, где лежал его пиджак, он надел идеально скроенную вещь.

— Я согласен. Я работаю в подобном бизнесе, Камаль, и ты не можешь позволить клиентам устанавливать свои правила и всех подряд сажать за решетку. Что сделано, то сделано, и нет смысла плакать над пролитым молоком. Пресса не долговечна, все забывается. Как только они растреляют новость, что Дерек больше не участвует в предвыборной кампании, пошумят несколько дней, а затем пойдут дальше. Ты..., — он указал на Дерек, — получишь последствия всего этого через три месяца. Я думаю, ты в курсе. Думаю, ты также понимаешь, что у тебя не будет больших списков из ожидающих в очереди клиентов. Тебе придется постараться и убедить партию, что тебе снова можно доверять, на это может потребоваться какое-то время.

Скотт хмыкнул в знак согласия, а Дерек кивнул. Несмотря на то, что это было достаточно болезненно, он понимал, что Тиг прав. Это была цена, которую ему стоило заплатить, и он был готов.

— Я свяжусь с адвокатом Мелвилла, чтобы проверить будут ли выполнены условия контракта. Я уже связался с ним, настаивая на совместном пресс-релизе, поэтому они не смогут высказать только свою точку зрения, выгодную для себя. Если я должен обратиться в суд для судебного запрета их контактов с прессой, пока мы не обговорим все подробности, то я сделаю это.

— Спасибо, — ответил Дерек Тигу. — Но прежде чем ты уйдешь, я хочу кое-что сказать.

— Тебе не кажется, что в этом месяце ты уже многое сказал? — спросил Скотт, ухмыляясь.

Камаль усмехнулся из своего угла, где он продолжал насуплено стоять.

— Да, — ответил Дерек. — Но это важно для всех нас. Это предмет гордости, а также кое-какая страховка на будущее. — Он начал ходить по комнате. — У нас остался вопрос, кто слил всю информацию в прессу, и у нас появилась очень странная информация про Уильямса. Я не хочу, чтобы такое продолжалось. И кроме того, в Мелвилла стреляли. Если это как-то связано с кампанией, нам в любом случае стоит это знать. Полиция должна узнать. Я не хочу, чтобы какой-то маленький ублюдок, разгуливал по столице, думая, что он избежал наказания и заставил меня подать в отставку, или еще хуже, попытался убить сенатора Соединенных Штатов.

Камаль оттолкнулся от стены и двинулся к бару, налив себе щедрую рюмку водки.

— Наконец, я слышу здравый смысл, — выпив сказал он.

— Ах, запах мести, — пошутил Тиг. — Ничто не способно разбудить твоего внутреннего Гази, как запах крови врага, да? (*Гази (араб. غازی) — название вольных воинов-добровольцев, защитников веры, правды и справедливости. Понятие встречается в мусульманских источниках с X—XI вв.*)

— Мой внутренний Гази готов испить немного твоей крови, если ты не будешь осторожен в своих высказываниях, — зарычал Камаль, поворачиваясь к Дереку. — У нас слишком много нитей ведет к Уильямсу. Думаю, мы сможем точно раскопать, что произошло, чтобы не аукнулось это нам позже. — Он помолчал. — И я также думаю, что мы должны снова прощупать Лондон.

Скотт и Тиг застонали одновременно, Дерек просто слетел с катушек.

— Черт возьми! Мы это уже проходили. Она не представляет для нас угрозы, и она не

продавала Мелвилла. Я предложил ей деньги, она отказалась. Мы не будем тратить время, гоняясь за призраками.

Камаль нахмурился, но промолчал.

— Итак, Уильямс, — продолжил Дерек, похрустывая шеей из стороны в сторону.

— Я могу приставить к нему одного из своих стажеров? — предложил Скотт. — Я скажу ему, что это часть внутренней игры, и он будет следовать за Уильямсом несколько дней, посмотрим, куда он ходит и с кем встречается.

Дерек кивнул, соглашаясь последить за Уильямсом нескольких дней, чтобы выявить связь между Ником Паттерсоном и Уильямсом.

— Отлично. А я схожу прямиком к Нику, посмотрю ему в глаза и спрошу какие у него дела с Уильямсом. Нет смысла топтаться на месте, тем более, что у меня вдруг появилось много свободного времени.

Тиг открыл дверь, повернувшись к остальным.

— Как обычно расходимся по одному, именно благодаря Дереку имея большое количество дополнительной работы, — он подмигнул. — Теперь, я знаю какие вы все, засранцы, но у меня свидание, и она гораздо интереснее, чем вы.

Дерек усмехнулся, и в его голове возник образ Лондон, распластавшейся голой на кровати.

— Заседание закончено, — рявкнул он, прежде чем направиться к двери в след за Тигом.

— Мне припарковаться здесь, мэм? — спросил охранник у Лондон, сидевшей на заднем сиденье автомобиля, подъезжая к ее дому.

— Да. Но я пока не буду выходить, я... эээ... просто посижу здесь несколько минут.

— Как вам угодно, мэм. Не торопитесь. Я выйду и разомну ноги.

Лондон молча поблагодарила его, охранник оказался сообразительным, поэтому вышел и прислонился к дверце машины.

Она смотрела через дорогу на двухэтажный таунхаус, на витиеватый кованный забор, окружающий двор и широкое парадное крыльцо. Такая же металлическая ограда окаймляла французский балкон на втором этаже. Лондон смотрела на французские двери, выходящие на балкон и вспомнила, как стояла там вечерами, наблюдая за людьми, выгуливающих собак, детьми, играющими на тротуаре, приходящими и уходящими служащими в современный торговый центр по соседству. Эта улочка с жилыми домами была узкой, связанная с двумя главными дорогами, поэтому по ней часто бродило много пешеходов.

Листья клена во дворе покраснели и опадали на траву. Лондон почти чувствовала запах тыквенного хлеба, который мать пекла осенью, добавляя традиционные приправы, а также кардамон — отголосок ее ближневосточных корней, проявляющихся в выпечке. Она ощущала запах специй, наполняющих дом, когда Лондон возвращалась из школы, а ее мать оставляла на столе еще теплый хлеб, всегда проверяя вернулась ли Лондон из школы, даже когда Фаррах должна была быть в университете.

Стеклянные двери открылись, и блик света передвинулся на крыльце. Лондон задержала дыхание, наклонившись к окну автомобиля, почувствовав, как узы потянули ее в сторону кирпичного дома.

Фаррах вышла за дверь, потянувшись к почтовому ящику, повешенному у крыльца. В ее темных волосах появилась небольшая седина, которой не было десять лет назад. Но они по-прежнему были густыми и блестящими, с локонами, закрывающими лицо, собранные заколкой на затылке.

Лондон смотрела на мать тоскливыми, голодными глазами. Она осматривала каждый дюйм женщины, которая семнадцать лет посвящала свою жизнь дочери. Лицо Фаррах оставалось все еще красивым, почти без морщин, но вокруг рта залегли складки, сообщающие, что она очень долго уже не улыбалась, и чувство вины пронзило грудь Лондон, вызвав такую острую боль, что ей пришлось перевести дыхание и протереть запотевшее пятно на окне.

На Фаррах были одеты свободные струящиеся шелковые брюки, видно для университета, тонкий трикотажный свитер, обтягивающий ее фигуру, которая очень нравилась Лондон. На шее был повязан яркий шарф буйство цвета — розового, фиолетового, бирюзового и черного, довершая целостность утонченного, уникального стиля Фаррах. Лондон поднесла руку ко рту, пытаясь сдержать рыдания, вырывающиеся наружу, когда вспомнила, что этот шарф она подарила маме на день рождения, который они праздновали в последний раз вместе, тогда Лондон еще училась в средней школе.

Фаррах стояла одной ногой на верхней ступеньке, а другой на ступеньке ниже, просматривая почту. Лондон не поняла, что рукой вжалась в холодное стекло автомобиля, и все ее тело передвинулось на дюйм ближе к двери, узы стянули ей грудь, притягивая к дому.

— Мама, — прошептала Лондон. — Почему так все произошло?

Как будто Фаррах почувствовала присутствие дочери, ее голова метнулась вверх, и она прищурившись посмотрела на машину на противоположной стороне улицы, устремив взгляд в окно, к которому прижалась Лондон. Лондон отпрянула, но затем вспомнила, что стекла машины тонированные, и Фаррах не мог увидеть ее внутри. Она заметила охранника, боком стоявшим у машины, положив руку на крышу и одновременно закрывая Лондон на заднем сиденье. У него в руке был сотовый телефон, и со стороны выглядел так, будто был одним из тысячи наемных водителей, поджидающих клиента. Его действия явно убедили Фаррах, потому что она опустила взгляд на корреспонденцию, вернувшись в дом через пару минут.

Как только она ушла, охранник открыл водительскую дверь и скользнул за руль.

— Мистер Эмброуз ждет вас, мэм. Готовы ли вы ехать?

Лондон не могла произнести ни слова, ее сердце превратилось в осколки, пронзающее своим острием грудную клетку и царапаясь друг об друга. Боль была внутренней, она с трудом кивнула, поскольку даже не могла двигаться, но для охранника этого было вполне достаточно, он завел двигатель и вырулил на дорогу. Они уезжали от дома, который когда-то был самым безопасным местом для Лондон, и она вдруг подумала, может пришло время вернуться домой.

Лондон удивилась, обнаружив, что охранник остановился с задней стороны особняка Дерек в Джорджтауне, а не у ее собственного дома.

— Где мы? — спросила она, до конца не решив стоит ли раздражаться или не стоит переживать.

— У дома мистера Эмброуза.

Прежде чем она смогла осмыслить услышанное, Дерек уже открывал дверцу машины, протягивая ей руку.

Она вышла и посмотрела на него, приподняв одну бровь, скрестив руки на груди.

Он ухмыльнулся и наклонился, прошептав ей на ухо:

— Не дуйся, это один из твоих уроков. Ты не можешь всегда все контролировать, красавица. Сейчас твой дом атакует слишком много репортеров, и нам не стоит туда ехать.

— Было бы вежливо сказать мне об этом. А что если мне нужно что-то взять у себя из дома или у меня есть планы?

— Например, какие? — спросил он, взяв ее за руку и направляясь в сторону открытого гаража у задней части дома.

— Это к делу не относится, — огрызнулась она. Она знала, что он прав, но ей не нравилось, что он принимал за нее решения.

Дерек провел ее мимо своего Porsche, а также раритетных мотоциклов, поблескивающих хромом с черными кожаными сиденьями и кофром.

— Ты что, член какой-то банды? — пошутила Лондон, указывая на мотоциклы.

— Собственно говоря..., — начал Дерек, но замолчал, и вдруг Лондон отчетливо вспомнила его друзей на пресс-конференции, которую он тогда устроил, объявив своим друзьям, что встречается с ней. Она открыла рот и снова закрыла, не совсем уверенная, что именно хотела спросить или сказать.

— Я расскажу тебе в другой раз, — произнес Дерек, открывая дверь в дом и входя в безупречно и, очевидно, неиспользуемую кухню.

Как только за ними закрылась дверь, Дерек заключил ее в объятия для поцелуя. Лондон чувствовала, как раздражение таяло под его горячим, напористом штурмом.

Его губы прижались к ней, одной рукой он обхватил ее за талию, второй — с силой сжал ее бедра. Он пригнулся, чтобы его эрегированный член заскользил по низу ее живота, продолжая ее целовать.

Ее мысли закружились от головокружительной смеси звуков, ощущений и чувств. Жар, неистовое желание, его цитрусовый запах одеколона. Он посадил ее на прохладную гранитную столешницу, вклинившись между ее ногами, чтобы его член был как раз напротив ее промежности.

Он на секунду отстранился.

— У меня был худший день за всю мою жизнь, и я не хочу выводить тебя из зоны комфорта, но я так сильно нуждаюсь в тебе, что мне кажется, будто разрываюсь пополам.

Она погладила его по щеке, чувствуя вечернюю щетину.

— У меня был тоже ужасный день. И мне больно, — она положила его ладонь на область сердца. — Вот здесь. Но когда я с тобой, боль проходит. Я хочу быть здесь рядом с тобой.

Он наклонил голову, прикрыв глаза в знак капитуляции.

— Не позволяй мне причинить тебе боль.

— Ты никогда этого не сделаешь, — ответила она спокойно.

— Я не хочу, чтобы ты загораживалась от меня... как от других, — он с трудом сглотнул, мысли Дерек тут же вернулись к ее клиентам.

— Нет, — ответила она, приложив палец к его губам. — Я не могу не чувствовать, когда с тобой. Когда ты прикасаешься ко мне, словно огонь проходит у меня по телу. Но меня это пугает, потому что я чувствую слишком много всего, и не могу это контролировать, и я не привыкла к таким вещам. Ты никогда, никогда не будешь похож на других мужчин, Дерек. Они даже не мужчины для меня, просто машины, а я была механиком, который управлял их игрой. Ты — плоть, кровь и тепло. Ты имеешь в себе все мужские черты и заставляешь меня чувствовать так, как я никогда не чувствовала раньше. Намного раньше..., — она изогнула губы, и произнесла с хриплым вздохом. — До всего этого.

Он проскользнул рукой под ее блузку, лаская кожу, словно перышко, легкими прикосновениями, пока его губы страстно целовали ее с совместным танцем языков, поглощая, насыщаясь друг другом. Он лизал, сосал ее язык, пока она вконец не запыхалась, а его пальцы исследовали ее кожу, изучая и запоминая.

Наконец, он отстранился и через голову стянул с нее блузку, расстегнув бюстгальтер и спустив его вниз. Его глаза загорелись, как только он увидел ее обнаженную грудь, и она поймала себя на мысли, что независимо сколько мужчин с вождением смотрели на нее за все эти годы, на нее никто никогда не смотрел так, как Дерек.

Словно прочитав ее мысли, он сказал:

— Я хочу тебя *всю*, — она посмотрела на него, до конца не понимая, что он имеет в виду. — Поэтому ты так со мной себя *чувствуешь*... потому что я хочу тебя *всю*. Не только тело. Я хочу твой ум... твои мысли, твои мечты. Я хочу твою душу... твои страхи и проблемы. Я хочу тебя *всю*, Лондон Шарп. И ты чувствуешь, насколько сильно я хочу каждую клеточку тебя.

И в этот момент Лондон сдалась. Он был мечтой, о которую она никогда не осмеливалась мечтать, фантазией, которую она даже не могла себе представить. Он был

будущем, от которого она отказалась в семнадцать лет, и надеждой, которую она запрятала в тайный ящик, скрыв даже от собственных глаз. И теперь, когда ее сердце нарушало все правила, по которым она жила последнее десятилетие, ее душа с надеждой вспорхнула к прутьям клетки, хотя разум твердил, что это невозможно. Он не был возможным, это не было возможно, потому что Лондон прятала под замком самое темное в самой глубине того же секретного ящика, удерживая этот ящик закрытым, иначе этот секрет способен разрушить даже такого мужчину, как Дерек.

Но у нее не было сил отвернуться от него. Ей была невыносима сама мысль снова остаться одной, и не попробовать испытывать этой бури чувств. Она хотела каждую его частичку, и хотя знала, что никогда не будет с ним вместе, она отчаянно хотела притвориться, что будет, хотя бы на чуть-чуть. Она затолкала свои опасения подальше, утрамбовав сопротивляющейся совестью, и отдалась чувствам — бабочкам, порхающим внизу живота, теплу, образовавшему у нее между ног и даже ноющей боли в сосках.

— Я хочу заняться с тобой любовью, — выдохнула она. — Я постараюсь не бояться. Я хочу все почувствовать и познать.

Его дыхание стало горячим, прерывистым, он запустил пальцы ей в волосы и оттянул ее голову назад, чтобы прямо взглянуть в ее глаза.

— Ты уверена, что готова?

— Нет, но ты мне необходим по любому.

— Я буду делать все медленно. Если ты захочешь, чтобы я остановился, ты тут же мне скажешь. Как и в прошлый раз.

— Нет, — она не хотела останавливаться. Она слишком сильно хотела его, и у них было слишком мало времени, предназначенного для них двоих. Он мог исчезнуть в любой момент по разным причинам, она не желала перечислять их всех, но если она потеряет его, прежде чем отдаст ему каждую частичку себя, она никогда себе этого не простит, и это разрушит ее окончательно. — Ты не должен сдерживаться. Я хочу быть с тобой без сомнений. Я хочу заняться с тобой сексом.

Он вздохнул, чуть ли не всхлипнув, и отстранился от нее, даже нахмурился, отойдя от нее на шаг.

— Что ты просишь, чтобы я сделал?

Она глубоко вздохнула.

— Трахай меня, чтобы я не делала и не говорила тебе.

Он тут же оказался рядом с ней, жар исходил от его тела.

— Однозначно, нет, — он взял ее подбородок в ладони и приблизил свое лицо, их разделяло всего лишь несколько дюймов. — Я никогда не совершу такого. Я никакой-нибудь чертов насильник, Лондон.

Ее лицо покраснело, она почувствовала стыд и опустила глаза.

— Вот почему я прошу, чтобы ты трахал меня сильнее. Ты никогда не сделаешь мне больно, но если ты не заставишь меня пройти до конца, не уверена, смогу ли вообще когда-нибудь заниматься сексом.

— Нет, — снова сказал он, глаза смотрели более мягко на нее, гнев сменился на сожаление. — Меня совершенно не беспокоит, сможешь ли ты сегодня дойти до конца. Это совершенно не важно. Мы будем делать только то, чтобы тебе было комфортно, не более. Я слишком ценю тебя, чтобы причинять боль тебе, твоему уму, твоему сердцу и твоему телу.

У нее стали пощипывать глаза от слез разочарования. Как ему объяснить, чтобы он

понял? Возможно это ее единственный шанс, и она хотела бы разделить его с ним. Рано или поздно все закончится, и она будет сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь, если не испытает с ним этих реальных чувств.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Пожалуйста, помоги мне, Дерек. Я так сильно хочу заняться с тобой сексом, что у меня все уже ломит. Не думаю, что эта боль пройдет, пока я не отдам ее тебе, так заberi ее у меня.

Он вздохнул, нежно смахнув прядь с ее лица.

— Тогда компромисс...

Она тут же согласно кивнула.

— Стоп-слово. Я не остановлюсь, пока ты не скажешь стоп-слово.

Она выдохнула с облегчением.

— Да. Да, идеально. Спасибо, — она наклонилась и нежно поцеловала его в губы, ее сердце взлетело к горлу, а тело трепетало от ожидания.

Дерек испытывал шок, в голове творилась полная сумятица. Заставить ее? Нет, черт побери. Он никогда не прикоснется к женщине, которая будет умолять его совершить над ней насилие. Даже будучи подростком, он всегда внимательно наблюдал за девушкой, терпела ли она его или нет, он всегда хотел иметь в ее лице активного участника. Его совершенно не интересовало — *совершать насилие* над женщиной, он хотел *совместно* заниматься сексом. Ничто его не возбуждала больше всего, нежели партнерша, испытывающая такое же возбуждение. Когда она с придыханием стонала, проводила руками по его коже, посасывала его язык и извивалась под ним, и все это благодаря ему — его усилиям. Мужчины же, которым было совершенно насрать на желания женщин, заслуживали, по его мнению, быть повешенными за яйца на ближайшем дереве.

Но какого черта он должен делать с женщиной, которая умоляет его не обращать внимание на ее потребности, потому что безумно его хочет? Он разрывался между — боязнью обидеть ее и лишиться чего-то важного, или же идти напролом и не обращать ни на что внимание.

— Гранат, — сказала она тихо.

Он моргнул, глядя на нее. Стоп-слово. Они все же собирались сделать это, и он должен как-то форсировать события, раз она сказала «гранат».

— Точно? — спросил он, и у него промелькнула еле заметная улыбка, несмотря на серьезность данного момента.

— Это мой любимый фрукт, но не слово, которое обычно говорит во время таких действий.

Он усмехнулся и покачал головой.

— Значит гранат, — он коснулся костяшками пальцев ее мягкой атласной щеки. — Пожалуйста, не стесняйся воспользоваться им. Скорее есть какие-то другие пути, чтобы решить эту проблему. Может нам стоит немного порыться в интер...

Она тут же наклонилась вперед, прижавшись к нему грудью, и обвила ногами его бедра, вдавившись в его эрекцию.

— Я хочу это, — прошептала она. — Хватит болтать, трахни меня.

Дерек был выдающейся персоной среди высшей элиты, но он все-таки был мужчиной, и когда полуголая сексуальная как ад женщина прильнула к нему всем своим телом и

попросила ее трахнуть, он почувствовал себя обязанным выполнить ее желание. Он поднял ее со столешницы, легко поцеловав в губы. Его минималистский декор дома не составил большого труда перенести восхитительную женщину в гостиную, где он уложил ее на ковер дизайнера Флокати перед камином и опустился перед ней на колени, срывая с себя рубашку и галстук, и стягивая с нее леггинсы вместе с трусиками.

Она лежала под ним как фуршет, ее кожа отливала золотом в тусклом свете, который лился из прилегающей кухни. Ее грудь была набухшей, полной, соски темноватые, талия узкая и идеально округлые бедра, переходящие в длинные, стройные ноги.

— Боже, твои ноги, — произнес он, проводя руками вдоль ее бедра.

— Что? — выдохнула она, извиваясь от его щекочущих прикосновений.

— Первое, что я увидел — это твои ноги. Они были самыми красивыми ногами, которые я видел...а я мужчина, и могу оценить достойную вещь. — Он наклонился и поцеловал внутреннюю сторону ее бедра.

— Но я также мужчина и ценю грудь..., — он лизнул вокруг соска, потом взял его в рот, пососал мгновение, прежде чем выпустить и передвинуться к другому, проделав тоже самое.

У нее участилось дыхание, но он точно знал от возбуждения, а не от паники. Он наклонился и прошептал в ее припухшие губы.

— Когда ты повернулась спиной, я увидел твою задницу.

Его голос звучал хрипло от желания, и она открыла глаза, чтобы взглянуть на него, облизав губы.

— Сейчас я думаю стал ценителем и задницы.

Она хихикнула и приподняла голову, чтобы мимолетно поцеловать его в губы. Он потерся щекой о ее, и она задрожала, опустив руки ему на задницу.

— Теперь я буду лизать красивую киску, — прошептал он. — И я прослежу, чтобы ты наслаждалась каждым движением моего языка, становясь все более мокрой.

Она застонала, она хотела получить его всего.

Он взял ее ноги за щиколотки, поставив ступнями на пол, раздвигая их шире. Боже, она была такой мокрой, что его член тут же запульсировал от пердвкушения. У него бешено колотилось сердце, одной рукой он обхватил бедро, второй — раскрыл ее складки, чтобы вылизать ее сочный центр. На вкус она была терпкой и сладкой, и он лизнул, дотрагиваясь кончиком языка до клитора.

Ее дыхание стало быстрым и резким, и он почувствовал, как мышцы ее ног напряглись.

Подняв голову, он проворчал:

— Все хорошо, красавица? Или ты хочешь, чтобы я остановился?

— Нет... не... останавливайся... пожалуйста, — с трудом выдохнула она. Ее лицо и подбородок были напряжены, и он понял, что она изо всех сил сдерживается, но он предоставил ей право голоса и вернулся к делу. И это была самая любимая часть его работы. Он сосал ее клитор, лизнул промежность сверху-вниз, поочередно скользя языком и пальцами внутрь. Он дотронулся и помассировал ее задний проход, и заметил, как ее бедра стали двигаться в одном ритме с ним.

Большим пальцем надавив на клитор, два его пальца находились внутри нее, он покусывал и тут же лизал самую бархатистую кожу в мире в начале ее бедер, и вдруг она внезапно села. Он тут же поднялся к ней, его рука все еще оставалась у нее между ног. Она задышалась, зрачки расширились, жилка под нежной кожей ее шеи быстро дергалась. Он попытался убрать руку, чтобы она успокоилась. Но она остановила его, опустив свою руку на

его, по-прежнему находящуюся у нее между ног, с трудом она выдохнула «нет», прежде чем все ее тело замерло на долю секунды, потом она откинула голову назад, желая получить освобождение и пульсируя под его пальцами.

Пальцы Дерека оставались внутри нее, мягкая, опухшая плоть сжималась вокруг них, его член вырос до таких размеров, испытывая непреодолимое желание войти в нее. Но рыдания Лондон вывели его из тумана похоти, и он сел на задницу, притянув ее к себе на колени, она рухнула на него своим великолепным шелковистым телом.

— Шшш, шшш, шшш, — говорил он, чувствую жгучие слезы боли на глазах за ее страдания. — Не плачь, красавица. Не плачь. Я не буду больше давить на тебя. Прости меня. Я не должен был соглашаться. Все будет хорошо.

Ее голова покачивалась вверх-вниз на его груди, дыхание как у маленького ребенка, плачущего взахлеб, она даже начала икать.

У него болело сердце, глядя на нее. Ему было так хреново, намного хуже, нежели, когда он играл в футбол против колледжа Дартмута, хуже, чем когда он узнал, что роман Мелвилла подвергся гласности. Эта боль была гораздо глубже, даже не в сердце, она затрагивала его душу, и он подумал, что в этот раз эта боль на самом деле хотела его убить.

Она, наконец, наклонила голову, и хотя ее лицо было мокрым от слез и покраснелось, и она продолжала еще икать, улыбнулась, широкой улыбкой, реально широкой улыбкой.

— Я знала, что это будет потрясающе. Я сделала это, я прошла. И я все еще здесь. Мир не рухнул, ты не встал и убежал от меня и мне так хорошо. Ты тоже себя так чувствуешь?

— С тобой все хорошо? — он посмотрел на нее в недоумении.

— Лучше, чем хорошо, — сказала она хрипло, но уже не плача. — Я была в ужасе, но я не остановилась, я не позволила своему страху меня победить. *Ты* не дал ему победить меня.

Он разглядывал ее лицо, чувствуя поднимающееся облегчение внутри себя.

— Ты счастлива?

Она обвила руками его за шею и поцеловала, потом опять поцеловала и опять.

— Да. Это слезы радости, слезы благодарности. Спасибо, спасибо.

Он наконец-то окончательно расслабился, все его тело расслабилось и ему стало даже жарко. Посмеиваясь, он приподнял ее лицо.

— Притормози, красавица. Позволь мне переварить услышанное и все навестать, — он провел пальцем по ее губам, и она улыбнулась в ответ. — Теперь ты чувствуешь себя лучше? Ты в порядке?

— Намного лучше, — прошептала она, глядя на него нежным взглядом.

Он наклонился к ее губам, и поцеловал, с мыслью, что он смог что-то совершить для этой женщины, и зная, что теперь страх никогда не вернется к ней. Он отдавал ей это добровольно, и он доверял ей, пытаясь ее обезопасить любыми средствами. Он верил, что она и он могли бы сделать многое вместе, как и в то, что они могли бы быть вместе. И он собирался получить теперь удовольствие от, черт побери, занятий сексом, наслаждаясь и показывания ей все, что она пропустила.

Сердце Лондон выбивало дробь, поцелуи Дерека росли в геометрической прогрессии, становясь все более страстными. Но на этот раз эта дробь была связана с волнением, возбуждением и предвкушением. Она была далека от триумфа победить свою панику. Она чувствовала обычные признаки, надвигающейся паники — дрожь, уханье сердца,

затрудненное дыхание, головокружение и затуманенную голову — но в какой-то момент она подумала о Дерекe, насколько он был нежен с ней, когда она была напугана, пытаясь защитить ее, даже от нее самой, как он был терпелив в самых обычных вещах — занятием сексом с женщиной, которое ее волновало больше всего.

И думая о нем и чувствуя то, что он проделывал с ее телом, чувства взяли верх над паникой, и она, наконец, перестала заикливаться на своих негативных ощущениях. Он заставил ее почувствовать — его прикосновения, поцелуи, теплоту его взгляда — ее страх превратился в прах, и удовольствие омыло ее, словно цунами, оставив новый пейзаж, в центре которого возвышался Дерек, а биение ее сердца было единственным звуком, имевшее значение.

Сейчас она чувствовала возрастающее возбуждение, боль от потребности, но не страх, она поняла, что была готова к чему-то новому. И она решила, что пришло время показать Дереку, как он изменил ее.

— На тебе все еще слишком много одежды, — прошептала она, облизывая его шею и по инерции упираясь ладонью в его мускулистую грудь.

— Я могу это исправить, — застонал он, сжимая ее задницу и притягивая ближе к себе.

Она вырвалась и привстала на колени, ухватившись руками за пряжку ремня. Он тоже поднялся на колени, предоставив ей большой обзор, она расстегнула пряжку, опуская его брюки вместе с трусами вниз.

— Я знаю кое-что очень интересное, что могла бы сделать с этим, — улыбнулась она ему.

Он облизнулся, поблескивая взглядом.

— Я весь твой. И мне даже не нужно стоп-слово, — прорычал он.

— Сначаланими брюки.

Он выполнил ее указание, достал презерватив из бумажника, положил его себе на живот, и лег спиной на ковер.

— Теперь что, босс?

Ее сердце воспарило, как только она поняла, что он готов подыграть ей. Сейчас все было по-другому, чем тот контроль, которым она руководствовалась, обслуживая клиентов. Тот контроль создавал иллюзию, что клиенты все контролируют и при этом являются потрясающими секс-машинами, которым она не способна сопротивляться. Сейчас же все выглядело совсем иначе, она, черт побери, отлично знала, что всем управляет Дерек на самом деле. Но он уступил ей командование, поскольку сильно переживал за нее и хотел, чтобы она была счастлива, хотя и продолжал управлять ее телом и сердцем. Этот момент было возбуждающим и сладостным одновременно, вообще то смертельная комбинация.

Она посмотрела на него задумчиво, потом сказала:

— Думаю, мне хотелось бы, чтобы ты лежал вон там, — она указала на ковер, рядом с одним из столиков, расположенных у камина. Он усмехнулся, но передвинулся туда, к столику, сложив руки на безумно соблазнительном прессе, приготовился ждать.

Она схватила его запястья и перевязала их ремнем, закрепив вокруг одной из ножек стола.

— Не больно? — спросила она, опуская взор на его стоящий член, с набухшей головкой и поблескивающей семенной жидкостью.

— Нисколько, — ответил он хрипловатым голосом. — Почему бы тебе не помочь мне с этим?

Она пробормотала:

— С удовольствием, — и уселась ему на ноги, широко расставив ноги, кончиком языка описывая и исследуя все эти потрясающие мышцы, которые словно создал дьявол. Она прошлась по его соскам, вызвав ряд его стонов, ей доставили они удовольствие. Потом она пробежалась пальчиками по его брюшному прессу, заметив их опять на язык, пойдясь по каждой впадинке и каждому бугорку, двигаясь прямым к раю. Она опять погладила ладонями его накаченные мускулы груди, бицепсы, она готова была ласкать его бесконечно, просто исследуя пальцами все его тело.

Достигнув дорожки волос, прямым ведущей к паху, она прошлась губами по каждой частичке его кожи, соприкасаясь своей грудью с его бедрами, опустив руки ему на грудь.

— Черт, — выдохнул он и дернулся вместе со столиком, от чего ваза упала на пол.

— Веди себя хорошо, — пожурела она его.

— Куплю новую, — проскрипел он, ее язык наконец-то достиг его члена и стал лизать, как леденец.

Одной рукой она ухватила его напрягшийся, толстый член и взяла его в рот, потом покружила языком по головке, чувствуя вкус соли и чего-то темного, насыщенного — Дерека.

— Бл*дь, я хочу дотронуться до тебя, — прохрипел он, приподняв свои бедра к ее рту.

— Нет еще, — ответила она, словно школьный учитель, разговаривающий с учениками, хотя на самом деле она очень сильно жаждала его прикосновений.

Она вобрала его глубоко в рот, и он чуть тут же не кончил, лежа на полу. Она не могла скрыть, но улыбка озарила ее лица, как только он застонал от мук. Существовала единственная вещь, которую Лондон знала в совершенстве — минет, и она продолжала доказывать свое мастерство, установив своеобразный ритм ртом, продолжая рукой двигать вверх-вниз по мокрому, горячему члену, он еле сдерживался, поскольку был совсем близок к оргазму.

Она схватила его за яйца, и вдруг послышался грохот стола, который удерживал его в плену. Его руки тут же захватили ее волосы, и он потянул ее к себе. Несмотря на то, что его запястья были по-прежнему стянуты вместе, казалось, это ему совершенно не мешало притянуть ее к себе на грудь и накрыть ее губы своими, он с трудом дышал. Она застонала, как только его язык вторгся ей в рот, пожирая ее.

В мгновение ока он перевернул ее на спину, вклинившись коленом между ее ног, легко наклонившись над ней, посмеиваясь, и беря в рот ее сосок.

— Извини, — пробормотал он, посасывая и лизнув его, — лучше руководить мне.

— О, да, — она беззастенчиво приподнялась всем телом к его губам. — Твое руководство для меня намного лучше.

Он оставлял поцелуи на ее гладком животе, затем присел на корточки и освободил руки из ремня, развязав и отбросив его в сторону. Не отводя от нее потемневшего взгляда, он потянулся к ковру у камина и взял презерватив, разорвав его зубами, надев на всю длину и проведя рукой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он низким голосом.

— Намного лучше, чем хорошо, — ответила она, ловя себя на мысли, что он самый красивый мужчина, которого она когда-либо видела.

Он медленно опустился между ее ног и затем плавно скользнул внутрь. Она тихо лежала под ним, желая почувствовать все до мельчайших подробностей, все ощущения каждой своей

клеточкой. Именно этого она не ощущала в течение многих лет, она даже не могла вспомнить, когда в последний раз вообще испытывала нечто подобное. С клиентами все было по-другому, она отключалась, издавая стоны, словно по команде, заставляя их поверить, что она тоже возбуждена, хотя в этот момент в уме просматривала список продуктов, которые следовало купить или вспоминала, какие встречи запланированы у нее за ланчем в течение недели. Если бы она хотя бы на минуту расслабилась и утратила свой контроль, она не смогла бы выдержать этого, она не смогла столько времени оставаться в этом бизнесе. Посыгательство на реальность, что она всего лишь сосуд, а не человек, случайно оказавшийся в этом месте, было самой маленькой проблемой, которую она была способна переварить с мужчиной. Она столько времени сдерживала себя, но сейчас была свободна.

Наконец-то она оказалась свободной.

Свободной, она столько мечтала быть с Дерекком, несмотря ни на что, и хотела испытать, пережить с ним этот каждый момент, вместе с ним, а не в одиночку.

— Ты со мной? — прошептал он ей на ухо, прежде чем нежно поцеловать в щеку.

— Да. Я с тобой, здесь.

— Хорошо. Запомни нас — Дерек и Лондон.

— Так хорошо, — она ахнула, как только он вошел еще глубже в нее.

— Просто потрясающе, — ответил он, начиная двигаться быстрее, по-прежнему не сводя с нее глаз. Она же была просто не в состоянии отвести свой взгляд от него. Его голубые глаза удерживали ее своей преданностью и теплотой, у нее готово было выпрыгнуть сердце из груди от его взгляда.

Он засунул руку ей под колени, их бедра двигались в едином ритме. Он чуть-чуть приподнял ее ноги, и положение изменилось, позволяя ему погружаться глубже, давление в ее центре нарастало.

— Ты заставляешь меня чувствовать так, будто я умерла и отправилась на небеса, — произнесла она, не отрывая от него взгляда.

Она прикрыла глаза и стала возбуждать клитор.

— Я уже близко, — прошептала Лондон.

Он наклонил голову, легко, словно перышко пройдясь по ее телу губами, она взорвалась. Он последовал за ней, перед глазами возник фейерверк из звезд, пока она продолжала сжиматься вокруг его члена и высасывать все до последней капли, он прохрипел ее имя, она почувствовала его горячее дыхание на у себя на шее, все его огромное мускулистое тело напряглось и дернулось от экстаза.

Последние волны сотрясали их тела, соединяя их вместе, Дерек рухнул на нее, прижавшись губами к ее шее, схватившись за ее волосы. Ее сердце колотилось как бешенное, создавая жар и тяжесть в груди, и у нее вдруг промелькнула мысль, что если сегодня ночью она умрет, то не будет сожалеть об этом, потому что наконец-то испытала что-то потрясающее в своей жизни.

Дерек ощущал себя подростком, только что открывшем для себя секс. Он постоянно думал о Лондон... о сексе с Лондон. Он три раза занимался с ней сексом, прежде чем они рухнули перед камином и проспали несколько часов. Он проснулся около четырех часов ночи с затекшей шеей из-за того, что спал на полу, поднял ее на руки и отнес к себе в постель, заставив ее еще раз выкрикнуть ее имя.

Сейчас было девять часов утра, за последние годы он никогда не просыпал, и понял, что Рене будет интересно узнать, где, черт возьми, он находится, но ему было наплевать, он хотел снова оказаться внутри Лондон.

— Ты смотришь на меня, — пробормотала она, не открывая глаз.

Он уткнулся носом ей в щеку и заурчал.

— И у тебя в голове крутятся очень грязные мысли, мистер Эмброуз.

— Откуда ты знаешь? — его рука скользнула под простыни, и он дотронулся до потрясающего изгиба нижней части ее груди.

Она застонала и стала извиваться.

— Думаю первая подсказка была, когда что-то большое уперлось мне в бедро.

Он хмыкнул.

— Ну не так же явно, хм?

Звук телефонного звонка прервал ее.

— Черт, — пробормотал он, глубоко вздохнув пряный запах ее волос. — Я больше всего боялся именно этого.

Она перевернулась и первая схватила его телефон с прикроватной тумбочки, передавая ему.

— Пойду сварю кофе, — прошептала она, выбираясь из постели и накидывая на плечи одну из его валяющихся рубашек. Он наблюдал, как она выходила за дверь, продолжая держать в руке трезвонивший телефон и глупо улыбаясь ей в след. Стоило ему наконец-то взглянуть на экран, его улыбка тут же растаяла, как шоколад в жаркий летний солнечный день.

— Хотел бы сказать «Доброе утро», но понимаю, что оно не совсем доброе, раз ты звонишь.

— Учитывая, что ты вчера спустил свое карьеру в унитаз, не говоря уже о президентской кампании, на которую было потрачено восемнадцать месяцев, мне трудно поверить, что для тебя это утро будет добрым, несмотря ни на что.

Дерек поднялся с постели и направился к шкафу, достал толстовку и домашние штаны, удерживая трубку между ухом и плечом.

— Если ты позвонил, чтобы посетовать по поводу моего выбора, то можем распрощаться прямо сейчас.

Камаль глубоко вздохнул на другом конце провода.

— Нет, хотя тебе и следует услышать, что меня удивляет, что ты готов сделанную карьеру и связи за пятнадцать лет работы, отбросить в сторону, ради женщины, которую знаешь всего лишь месяц.

— Камаль, — предупредил его Дерек.

— У меня есть новая информация о супруге Ника Паттерсона.

Дерек вошел в ванную комнату и выдавил зубную пасту на зубную щетку.

— Давай, — сказал он, засовывая зубную щетку в рот.

— Кажется, у нее есть определенные проблемы с азартными играми.

Дерек выплюнул, вытерев тыльной стороной руки рот.

— Что? Этого не может быть.

— Уверен, что это выглядит именно так. Она несколько раз посещала Bel Air Casino за последние год-полтора, оставаясь там в течение недели.

— И я предполагаю, что она проигрывала.

— Много.

Дерьмо. Дерек провел рукой по небритому подбородку.

— Итак возникает вопрос — имеют ли ее проигрыши прямое отношение к этому скандалу?

— Точно. Хотя явных причин думать так нет, что это может быть связано, но мы оба знаем, что стоит покопаться в этом, как бы маловероятно это не казалось.

— Хорошо. У меня ланч сегодня с Ником. Я посмотрю, что смогу у него узнать.

На другом конце наступила пауза, и Дерек услышал дыхание Камалья и отдаленные голоса персонала в здании посольства.

— Я предполагаю, что она находится у тебя? — спросил Камаль, понизив голос.

— Да, на кухне, — Дерек почувствовал, как у него подскочило кровяное давление, он явно готовился к бою со своим лучшим другом. В последнее время они постоянно спорили по этому вопросу.

— Я хочу начать серьезную проверку ее матери, — отрывисто произнес Камаль.

— В этом нет необходимости, — резко ответил Дерек.

— Есть. Мы ничего не знаем о них до того, как они прилетели сюда в Штаты. В Лондоне они прожили всего два года, но у ее матери была же жизнь и в Иране. Нам следует узнать, как она там жила. Нам необходимо узнать кем она была раньше, прежде чем эмигрировала. Если ты готов все бросить ради этой женщины, по крайней мере, в первую очередь, стоит узнать, кто она.

— Черт побери. Сколько раз я должен тебе повторять, что я знаю все, что мне нужно? Я знаю ее, и мне важно, кем она является сейчас, а не кем была. И я доверяю ей. Для меня этого вполне достаточно, и для тебя тоже должно быть вполне достаточно.

— Для меня нет.

— Ну, смирись с этим, в конце концов, — отрезал Дерек.

На том конце провода воцарилась тишина, на этот раз Дерек нарушил противостояние.

— Я понимаю, что ты хочешь проделать это из добрых побуждений. Но не стоит. Понимаю, что для тебя это тяжело, но тебе и вполнину так не тяжело, как мне, двигаться дальше без нее, словно она ничего для меня не значит. Она очень многое для меня значит, хотя бы в том, что я и Мелвилл втянули ее во все это. Я ценю твою заботу и помощь. Но мне хочется узнать, кто приложил руку к скандалу, и я не собираюсь делать Лондон «козлом отпущения». Если ты не можешь согласиться с моим решением, тогда, возможно, нам стоит разойтись.

— Возможно, я так и сделаю, — ответил Камаль. — Потому что я не хочу участвовать и молча наблюдать, как ты губишь себя, и я знаю из-за чего. В данный момент ты занимаешься своим собственным самоубийством, раньше я за тобой не замечал такой наклонности.

— Хватит! — взревел Дерек, стукнув кулаком по шкафу.

— Ты прав, действительно хватит, — огрызнулся Камаль. — У меня все.

— Да, — ответил Дерек у него в животе ощущалось жжение. — Мы закончили.

Он завершил вызов, опустив глаза на скомканные простыни на его постели, на которых занимался любовью с Лондон. И задался вопросом, почему кто-то не может просто порадоваться за него. То, что он ощущал в этой постели прошлой ночью выходило далеко за хороший секс, и он хотел продолжения этих ощущений причем долгое время и вместе с ней. Ему было очень хорошо с этой женщиной, он безумно влюбился в нее, хотя она полностью и разрушила его мир.

Опустившись в мягкое кожаное кресло, Дерек окинул взглядом комнату, наслаждаясь анонимностью укромного уголка. Он быстро понял, что если сядет в центре ресторана, как обычно, весь вечер на него будут устремлены взгляды посетителей, а ему не хотелось излишнего внимания. Он заметил не одну камеру телефона, направленную на него, пока метрдотель вел его через зал.

На протяжении трех десятилетий Hampshire Pub был любимым местом ланчей и обедов вашингтонской элиты и политиков, а также их команд. Декорированный в престижном старом английском стиле, с длинной отполированной барной стойкой, кожаными креслами, темными деревянными панелями на стенах, расписанных конгрессмены, дипломаты и консультантами, а также супругами политиков и даже губернаторами.

Обычно Дерек находился в центре этого места среди почитателей, здороваясь с известными персонами из своей партии, пытаясь торговаться с противоположной стороной, но сегодня он предпочитал прятаться. Естественно ему это не нравилось, но он не хотел, чтобы сегодня следили за каждым его шагом, порождая новые сплетни.

— Дерек, — Ник Паттерсон протянул руку, встав у стола. — Приятно, снова увидеть тебя.

Дерек встал и пожал ему руку, потом они оба сели. Метрдотель с особой вежливостью принял заказ у Ника и исчез.

— Тоже рад тебя видеть, Ник. Спасибо, что согласился встретиться со мной.

— Конечно, ты же знаешь, я рад встретиться с тобой в любое время.

Дерек сделал глоток бурбона, который заказал ранее.

— Ну, ты рискуешь получить нагоняй от своих партийных боссов за то, что в данный момент встречаешься со мной.

Ник усмехнулся.

— Это одно из преимуществ консультанта — я не обязан слушать боссов партии. Я не работаю на них, и они не контролируют мой бизнес.

Дерек понимал, что партия, на самом деле, могла воздействовать на кандидатов, чтобы они не нанимали Ника, но он высоко оценил браваду своего давнего друга.

— Как ты? — спросил Ник, как только официант поставил перед ним виски с содовой. — Уверен, что есть намного большее, нежели написано в прессе.

Дерек вздохнул, проводя пальцем по холодному краю стакана.

— Намного большее, и я не могу объяснить все до конца, но точно могу сказать, что кто-то усиленно сливает информацию и подкармливает интерес к Мелвиллу и ко мне в прессе.

Ник кивнул.

— Мы все заметили, что кто-то скармливает всю эту хрень прессе, у тебя имеются какие-либо идеи, кто это может быть?

Этого вопроса Дерек ждал, ради этого он и встретился с Ником, и хотя Дерек готовился к этой встрече, но ему совершенно не нравилась мысль (он не хотел даже задумываться, что Ник может как-то участвовать во всей этой шумихи, связанной с Мелвиллом и им).

— Постоянно всплывает одно и тоже имя... Райан Уильямс, глава администрации Донована.

Лицо Ника побелело, затем полностью окаменело, он сжал челюсть и прикрыл глаза. Дерек видно нажал на самое болезненное место, единственный вопрос — имеет ли его друг что-то общее с попытками сорвать кампанию Мелвилла?

— Ты, очевидно, провел уже исследовательскую работу? — Ник поднял стакан, как бы приветствуя Дерек.

— Не совсем. Имя Уильямса всплыло случайно, поэтому мы стали изучать его, и увидели, что он встречался с тобой, и мне показалось, зная тебя, это немного странным. Поэтому я здесь, чтобы спросить тебя напрямую. Я уважаю тебя, Ник. Я точно знаю, что ты отличный парень, и хотел бы, если тебе что-нибудь известно об Уильямсе, что может меня заинтересовать, сообщил это мне.

Квадратная челюсть Ника слегка расслабилась, но боль в его темных глазах осталась, и у Дерек скрутило живот от предчувствия, что ему совсем не понравится то, что он услышит.

— Точно я не знаю ничего, напрямую связанное с твоей проблемой, но могу сказать честно, что если есть человек в городе, который очень зол и готов уничтожить сенатора США и могучего Дерек Эмброуза, то это Уильямс.

Ник покачал головой, опустив взгляд на свой стакан.

— Что у него есть на тебя? — тихо спросил Дерек. — И что он заставляет тебя делать?

— Пару лет назад Марлен потеряла работу.

Дерек кивнул в знак сочувствия.

— Мы особо не нуждались в деньгах, поэтому я предложил ей не горевать, взять перерыв в работе, проводить больше времени с детьми, просто радоваться жизни, хотя бы какое-то время. Но ты же знаешь, что она любила адвокатскую практику, и тот бардак, который она видела постоянно в этой сфере, очень сильно ударял по ней, оставив ее реально у разбитого корыта. Она не могла избавиться от ощущения, что впустую тратит свое время, хотя могла бы принести пользу на другом поприще.

— Сожалею.

— Еще рано сожалеть, потому что потом все стало еще хуже. Намного хуже.

Ник замолчал, как только прибыли официанты с заказом.

— По истечении шести месяцев Марлен начала играть в азартные игры. Сначала в онлайн, потом она где-то отрыла тур в Bel Air Casino в Мэриленд, — Ник с такой болью посмотрел Дерек в глаза, словно его пытали. — Я не знал об этом, клянусь. В тот момент я работал над кампанией губернатора Нью-Йорка, бесконечно разъезжая по всей стране, плюс подготавливал одного парня в штате Массачусетс в сенаторы. Она все время находилась дома и вела семейный бюджет, имея доступ к нашему общему счету. Я понятия не имел, что происходит на самом деле.

— Она увязла в этом слишком глубоко?

— Она пристрастилась, и у нее закончились наличные, она использовала кредитные карты, потом все сбережения семьи, и тут однажды она встретила в казино Уильямса.

У Дерека сжались мышцы живота.

— Он начал давать ей наличные, грандиозно правда, великий жест. Немного, но достаточно, чтобы подкармливать ее привычку на одну-две ночи. И всегда присутствовали определенные условия. Сначала он хотел, чтобы она попыталась выманить у меня какую-нибудь информацию...

Дерек зарычал, сама идея показалась ему настолько грязной и отвратительной, что ему захотелось вымыть руки.

— То, что он просил была важной информацией, но хотя бы она оправдала себя в его глазах. Но затем он перешел к сексуальным услугам.

— Господи, — лицо Дерека стало гореть, и он автоматически протянул руку к Нику, схватив его за запястье и с силой сжав.

Глаза Ника превратились в льдинки.

— Она настолько погрязла в долгах, что согласилась... начав с ним сексуальные отношения.

— Сукин сын. Как он до сих пор занимает такой пост?

Ник покачал головой с отвращением.

— Потому что он умен. Он рьяно отслеживал каждый пенни, который давал ей, а затем сделал видео..., — Ник замолчал, откашливаясь. — Как они кувыркались в постели. И принес его мне.

— Что он хотел?

— Половину моего бизнеса.

— Что?! — Дерека настолько поразили его слова, что он со стуком уронил нож на пол.

— Он устал от жизни на Холме. Хочет получить тепленькое место в консалтинговой фирме. К счастью, он не хочет выносить все это на общественность, просто хочет иметь доход и вложить капитал.

Официант забрал их тарелки, хотя они почти не притронулись к еде, у Дерека аппетит был испорчен на всю оставшуюся часть дня. Однако, они почти в один голос попросили освежить их напитки.

— У меня не было выбора, Дерек. Иначе он собирался выложить видео Марлен в сеть, плюс подать иск о невыплате ею процентов, утверждая, что все деньги, которые он ей давал, были взяты с кредитного счета, даже если бы она заплатила ему все сполна, есть еще и другая сторона — она мать моих детей. Я не мог позволить, чтобы она испытала такое унижение. Я подписал документы о партнерстве три месяца назад. Марлен прошла лечение от зависимости, но мы сделали это. Я подал документы на развод, и как только она закончила реабилитацию, мы развелись. Я продал дом, чтобы выплатить Уильямсу сто тысяч, для меня бл*дь не было другого выхода, я не мог позволить ему удерживать над нами власть. Потом я купил дом в Арлингтоне для Марлен и детей. Я живу в офисе, пока не смогу снять апартаменты.

Дерек резко выдохнул.

— Господи, Ник. Я даже не знаю, что сказать.

Ник хмыкнул, сделав большой глоток виски с содовой.

— Ты думаешь я дурак?

— Нет, ни в коем случае, — Дерек посмотрел на своего друга с нескрываемым восхищением. — Ты мужик, в прямом смысле этого слова. Ты защищал свою семью, чего бы тебе это не стоило. Ты поставил их на первое место, сделал так, что дети и мать стали в

безопасности, и ты пожертвовал собой и своей карьерой.

— Ну, ты первый, кто узнал всю эту историю, но если есть хотя бы малейшая возможность, что Уильямс приложил руку с тем, что случилось с тобой и с Мелвиллом, я хотел бы, чтобы ты был в курсе, на что способен это ублюдок.

— Спасибо, я знаю, что ты сильно рискуешь, рассказывая все это мне. Я хочу, чтобы ты тоже знал, что я не позволю тебе продолжать партнерство с Уильямсом.

— Это благородно с твоей стороны, но думаю, что ты не в силах ничего изменить. Поверь мне, если бы я знал кого-то, кто мог бы мне помочь, уверяю тебя, я не раздумывая отправился бы к нему.

— У меня имеются связи, о которых ты даже не подозреваешь, — ответил Дерек, прищурившись в задумчивости. — Если ты доверишься мне и поговоришь с доверенными мне людьми, которых я очень хорошо знаю, возможно мы сможем помочь тебе найти выход из данного положения. Мои друзья абсолютно честны, я готов даже доверить им свою жизнь.

Дерек заметил эмоции, отразившиеся на лице Ника, он пытался взвесить варианты. Ник был не тем, кто готов обратиться к кому-то с просьбой или с протянутой рукой. Он был раздавлен и унижен, и скорее всего не хотел, чтобы об его унижении узнал кто-то еще.

Наконец, он коротко кивнул.

— Хорошо. Думаю, что мне нечего уже терять.

— Отлично, — Дерек поднялся, положив сто долларовую купюру на стол. — Я клянусь тебе, я не позволю этому встать между нами. Слишком мало хороших людей в этом городе, Ник. Ты один из них, а я борюсь за хороших людей. Всегда.

Ник тоже поднялся и пожал руку Дереку, его рукопожатие было таким же крепким, верный признак того, что Уильямс, возможно, нанес ему удар, но по крайней мере, он его не победил.

— Спасибо, Дерек. И, пожалуйста, дай мне знать, если я смогу тебе как-то помочь с твоей проблемой. Я не знаю настоящую историю, но надеюсь, что когда-нибудь ты мне ее расскажешь... когда все закончится.

Дерек кивнул и повернулся к выходу.

— Дерек? — окликнул его Ник.

Дерек обернулся и с удивлением обнаружил ухмылку на лице своего друга.

— Она действительно великолепна, — ухмыляясь произнес он.

— Ты даже не представляешь насколько, мой друг, — ответил Дерек, улыбаясь ему в ответ.

Лондон не виделась с Маргрит неделю, с тех самых пор как ушла с работы, согласившись стать девушкой Дерека. Она почувствовала необходимость повидаться со своим наставником, поскольку первый раз за восемь лет допустила мужчину в свою душу, а не только к телу. Маргрит работала в этом бизнесе уже давно, сначала в качестве девушки по вызову, потом открыла свой собственный бизнес, став мадам. В течение многих лет она была постоянной любовницей одного клиента, и Лондон решила, что если кто-то может понять ее чувства, то только Маргрит.

— Дорогая! — Маргрит приветствовала ее, как только она вошла в магазин.

Пара состоятельных женщин, говорящих по-испански, наверное, жены дипломатов

просматривали стеллажи нижнего белья, и Маргрит прошептала ей, что она наняла их управлять интернет-магазином, предложив Лондон пройти в кабинет, который находился в глубине магазина.

— Ты великолепно выглядишь, — произнесла Маргрит, наливая ей минеральной воды и кладя ломтик лимона, прежде чем опуститься на небольшой диванчик.

— Спасибо.

— Твой уход с этой работы, очевидно, пошел тебе на пользу.

Лондон покраснела, вспомнив предыдущую ночь, проведенную в объятиях Дерека.

— Есть свои преимущества, — пробормотала она.

Маргрит задумчиво посмотрела на нее.

— Так ты пришла, чтобы сообщить мне свое окончательное решение? Ты же знаешь, я хочу, чтобы ты была счастлива, — она улыбнулась своей самой любимой девушке.

— Я не уверена. Я была с Дерекком. Совсем немного... не думаю, что это будет длиться долго, но если вы не против дать мне еще немного времени, я хотела бы попытаться и наслаждаться общением с ним как можно дольше.

Маргрит поджала губы.

— Ты не уверена, что ваши отношения продлятся долго? Мне кажется, ты очень нравишься ему. Ты считаешь, что в этом нет своего рода романтики, когда такой мужчина, как Дерек, заявляет на пресс-конференции: *«Меня не волнует, что моя девушка была проституткой»*.

— Он замечательный. И если бы это была только работа...

— Но похоже у тебя имеются и другие секреты, не так ли, дорогая? — Маргрит посмотрела на нее сочувствующим взглядом.

Она слегка улыбнулась ей в ответ.

— Ты очень мудрая женщина, Маргрит, я тебе уже говорила об этом?

— Да, поэтому я хочу кое-что тебе сказать, а ты внимательно послушай. Я люблю свою жизнь, дорогая, но никогда не обманываю себя по поводу того, что упустила кое-какие возможности. Я торговала любовью, семьей, детьми и респектабельностью. Когда я была моложе, мне пришлось испытать насилие от отчима, и тогда я не могла себе представить, что когда-нибудь захочу иметь детей или одного единственного мужчину, способного меня полюбить, — она отпила немного минеральной воды.

— Но десятилетия спустя, должна признаться, я так долго находилась в этом бизнесе, и так долго сожалела о том, что со мной случилось, что просто не знала, как можно иметь мужчину и семью... кроме того, я считала, что не заслуживаю этого, — она сжала руку Лондон в своих руках. — Ты так напоминаешь мне себя в твоём возрасте. Ты сильная и все контролируешь снаружи, но внутри ты смущена и полна раскаяния. Я не знаю всех демонов, преследующих тебя, но уверена, что каждая женщина в этом бизнесе может иметь мужа и семью, но многие из этих великих женщин имеют только это, — она обвела комнату рукой, — это все, что они могут иметь.

— Но ты не такая. Чтобы у тебя там ни было, ты можешь избежать всего этого. Ты целостная и слишком хороша для этого. И ты заслуживаешь иметь семью и мужчину, а я вижу, что ты этого хочешь. Я видела, как ты относишься к детям, я слышала, как ты рассказывала о своих благотворительных проектах. Я вижу твои глаза, когда мы говоришь о мистере Эмброуз. Тебе нужно большее, чем способ зарабатывать таким образом на жизнь. И это может быть твой шанс, не разбрасывайся им.

В голове Лондон крутились слова Маргрит, и она стала представлять, как еще больше ночей проведет в объятиях Дерека, сколько мероприятий они смогут вместе посетить, и она будет его равноправным партнером в высшем обществе, ее сердце пело от этих мыслей. Сейчас она представляла, как по вечерам будет готовить ему ужин, а по утрам он будет приносить ей завтрак, совместные вечеринки, проведенные с Джоанной и Брайаном. Ей так легко это представилось, а несколько дней назад она даже не могла о таком мечтать. Но проведя с ним пару дней, он изменил ее, хотя это было и болезненно. Он оживил ее, у нее стало другое ощущение мира и открывающихся перед ней возможностей, которые ворвались стремглав, сокрушая все вокруг, она знала, что последствия будут жестокими и болезненными.

Она боялась этого все годы. Если бы она позволила своему телу быть в ответе за сердце и разум. Сейчас она сидела в кабинете Маргрит и отчетливо представляла свое будущее... с Дерексом. Она покачала головой, пытаясь убрать возникшие видения.

— То, что я скрываю, — сказала она, с отчаянием глядя на Маргрит. — Не уничтожит меня, а уничтожит его. Он никогда не сможет быть со мной, если узнает мой секрет, который нарушит все его представления. Дерек..., — она сделала паузу, подыскивая правильные слова. — Он играет на поле манипуляций и стратегии, но он так сильно предан идеи, морали общества. Он — настоящий мужчина, я такого никогда не встречала. Он знает, как играть в эту игру, но он играет в нее открыто, по-настоящему. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Ты восхищаешься им.

— Да, и так делает каждый, кто с ним знаком. Он играет с лучшими, но его сердце все равно остается чистым, он всегда играет правильно, честно.

— И как твое прошлое может ему навредить? — брови Маргрит сошлись вместе, пытаясь понять, что Лондон хотела ей сказать.

Лондон посмотрела на свой стакан, наблюдая за поднимающимися пузырьками к поверхности, и выдохнула, словно солдат, идущий на смерть.

— Мое прошлое напрямую ударит по его репутации... я из Ирана, Маргрит. Это страна отличается историей исламского фанатизма. Дерек работает в американской политической системе. Есть люди, относящиеся ко мне...

Ее подруга быстро вдохнула.

— О, моя дорогая.

Они уставились друг друга, проговорив взглядом тысячи слов, при этом молча.

— Может тебе открыться перед ним? Расскажи ему все. Возможно, он найдет способ все скрыть?

Лондон отрицательно покачала головой.

— Если он узнает, то придет в ужас. Он — воплощение американской мечты. Его мир, где преданность нации не подлежит сомнению. Скандал на сексуальной почве — это одно, а связь с внешними врагами — это совсем другое. Не думаю, что узнав мое прошлое, он по-прежнему будет иметь со мной отношения.

— По крайней мере дай ему шанс?

— Нет, — ответила она лаконично. — Я не лелею надежды.

Надежда представляла наиболее опасную угрозу для ее сердца, и надежда очень хотела в нем поселиться, дай только шанс.

— Какого хрена ты делаешь, Маркус?

Дерек смотрел на своего младшего брата, стоящего со спущенными брюками, болтающимися у щиколоток, идвигающего бедрами между слишком голыми ногами Рене. Он незапланированно приехал в офис, и теперь очень хотел бы стереть из памяти, то крушение поезда, которое разворачивалось прямо перед ним.

— Господи, Дерек, — зарычал Маркус, притягивая к себе Рене, чтобы как-то прикрыть ее наполовину одетое тело. — Ты не можешь дать нам минутку?

Дерек развернулся, направляясь к двери.

— Я выйду сейчас из комнаты. Дай мне знать, когда я смогу войти, — он вышел в коридор и прислонился к противоположной стене, задрал голову и глядя на холодный мрамор стен. Господи. Словно у него не было других проблем на данный момент. Как с ним мог поступить так Маркус именно сейчас? Он же сказал ему в недвусмысленных выражениях, не приближаться к Рене. Маркус не возвращался вот уже несколько секунд, поэтому у Дерека было время подумать, что ему придется предпринять по отношению к Рене, чтобы ей не было так больно, когда его брат исчезнет с ее горизонта. Не дай Бог, Рене решит уволиться, он отчаянно нуждался в ней, чтобы работа оставалась такой же бесперебойной, особенно в середине этой заварухи, в которую он влип, а Рене прекрасно удавалось с этим со всем справляться.

Дверь открылась, и появился Маркус.

— Послушай, — сказал он, — это все моя...

— Ты чертовски прав, — воскликнул Дерек, тыча ему в грудь. — В мой офис. Сейчас же. — Он прошагал мимо Маркуса, Рене неподвижно стояла в центре приемной со спутанными волосами и мокрыми глазами от слез.

— Садитесь, — сказал он ей, его голос прозвучал жестче, чем ему хотелось на самом деле. — Мы поговорим через несколько минут.

Тридцать минут спустя он все еще орал на Маркуса и чувствовал, как у него зашкаливает артериальное давление.

— Она может выставить иск за сексуальное домогательство, и мы оба пойдем в суд. Я не могу поверить, что ты поступил так безответственно, причем именно сейчас. В мире нет такой женщины, из-за которой стоило бы так разрушать свою карьеру, Маркус. Господи, ради Христа, — почему-то в глубине его сознания прозвучала ирония самого заявления, но Дерек был слишком зол, для решения собственных неувязок. Ему хотелось ударить что-то или кого-то.

Дерек отвернулся и засунул руки в карманы, изо всех сил стараясь сохранить контроль. Он чувствовал себя преданным, причем единственным человеком, которому готов был подставить свою спину. Он дал Маркусу все, еще с детства, он покупал ему все, что он хотел или в чем-то нуждался. И единственное, что он попросил взамен — лояльности. Теперь Маркус ударил его в спину. Было больно, и время совершенно не подходящее, самое ужасное время.

Маркус тихо произнес:

— Она не собирается подавать на нас в суд за сексуальные домогательства.

— И откуда ты это знаешь?

— Потому что все не так.

— Ты трахал ее в моей приемной. На что именно это похоже? — зарычал Дерек.

Маркус стоял перед ним с покрасневшим лицом и у него тряслись руки. Дерек так далеко углубился в свою боль, что не видел предупреждающие знаки.

— Это не траханье, все не так. Разве ты не понимаешь? Она мне дорога. И она не какая-то девка для траханья, и я не хочу, чтобы ты говорил о ней в таком тоне.

Дерек резко засмеялся.

— О, пожалуйста. Ты оприходывал женщину на столе у меня в офисе, а сейчас тебя начинает заботить, как я о ней выражаюсь.

Маркус сорвался, ярость отразилась у него на лице, и через секунду он пронесся через всю комнату, схватив Дерека за рубашку.

Он встряхнул его и прорычал:

— Все, что происходит между Рене и мной, где и когда, это не твое собачье дело.

Дерек был просто потрясен неистовством своего брата, но быстро пришел в себя. Когда Маркус снова попытался встряхнуть его, Дерек уперся ногами в пол, превратившись в камень. Они стояли, пялясь друг на друга, не отводя глаз. Дерек почувствовал выброс адреналина в кровь, его контроль слабел с каждой секундой.

— Убери от меня свои руки, или для тебя это кончится не очень хорошо, — предупредил его Дерек.

— Хрен тебе, — выплюнул Маркус.

Маркус даже не ожидал, Дерек совершил апперкот. У него не было большого размаха, они фактически были прижаты друг к другу, но его силы оказалось достаточно, чтобы отправить Маркуса к краю стола, находящегося за ним. Он попытался восстановить равновесие, но все равно упал, опрокинув документы, ноутбук и другие предметы на заваленный рабочий стол Дерека. Грохот падающих вещей был оглушительным, также как и падение Маркуса.

— Что бл*ть с тобой происходит? — закричал он, поднимаясь. Он шагнул вперед с сжатыми кулаками, готовый отразить следующий удар, но Дерек смотрел вперед поверх его плеча. В дверях его кабинета стояла с белым лицом Рене, на котором отражался страх и ужас.

Гнев Дерека успокоился так же быстро, как и возник.

— О черт... — прошептал он.

Маркус повернулся и увидел Рене, прежде чем она развернулась и стремглав выбежала из кабинета.

— Черт! — прохрипел он, услышав, как с грохотом закрылась входная дверь. Он снова посмотрел на Дерека.

— Иди, — сказал ему Дерек, в голове стучало, и он с сожалением воскликнул:

— Останови ее.

Маркус кинулся за Рене, Дерек рухнул в кресло и положил голову на руки. Какого черта с ним действительно происходит? Он только что ударил своего собственного брата, и не играючи на спарринги в тренажерном зале, а на полном серьезе. Он ударил его. Он никогда не бил Маркуса... на восемь лет старше брата, с первого же дня он понял, что его задача, как старшего заключается — защищать и направлять Маркуса, а не как не бить. Больше двадцати лет он внимательно наблюдал и поддерживал Маркуса, стараясь его обезопасить, направляя его в сторону блестящего будущего. Он отмечал и радовался успехам брата, хвалился перед всеми, кто готов был его слушать, чувствуя, как его сердце переполняет гордость за своего младшего, стоило ему только достичь очередной вершины.

А теперь он накричал на него, ругался и бл*ть ударил по лицу. Такого Дерек даже не мог никогда предположить. Как только Дерек достиг совершеннолетия, целью его жизни стало достичь власти, влияния и престижа. Теперь же казалось, что все его действия приводили к полной противоположности — он терял своих друзей, своих клиентов и самое важное свою семью.

Но потом он вспомнил, что у него есть великая радость и счастье в лице Лондон. Все уладится. Он должен вернуть все назад — Камалю, свою карьеру и Маркуса. Они были для него всем, и возможно, на данном этапе с ними возникли какие-то разногласия, но он не собирался терять то, что было его. В конце концов, он был Дерекком Эмброуз. Да, именно им он и был, и он не собирался так просто сдаваться.

После десяти вечера в штаб-квартире Клуба «Силовых Игроков» собрались Джефф Скотт и Тиг.

— Вы знаете, что вы вытащили меня со свидания? — недовольно проворчал Тиг, плюхаясь на диван.

— Ты всегда на свидании, — ответил ему Дерек, протягивая пиво в надежде, что это как-то сгладит его настроение.

Джефф занял свое привычное место у бильярдного стола, Скотт опустился в самое удобное кресло. Дерек остался стоять, прислонившись к бару, откуда лучше мог всех видеть, ему необходимо было наблюдать за каждым.

— Камаль придет? — спросил Джефф, кинув взгляд на Дерека.

— Нет, — лаконично ответил он.

— Значит, он сказал правду, что вы поссорились? — спросил Джефф.

— Что? Почему, черт возьми, я не знаю об этом? — воскликнул Скотт.

— Я узнал только что от Джеффа, пока ехал сюда, — вмешался Тиг.

Дерек вздохнул. Несмотря на то, что он очень любил своих друзей, но иногда они любили посплетничать как кучка старушек.

— Послушайте, мы не сошлись по личному вопросу, но это неважно. У нас имеются более важные дела.

Джефф нахмурился.

— Вам двоим нужно это разрешить. Мы не будем принимать сторону одного из вас, ты понял меня?

Дерек пожал плечами.

— Вам не придется выбирать. Я не буду стоять в сторонке и разрешу ситуацию сам.

Тиг хмыкнул, Скотт пробормотал: «Конечно». Дерек пристально посмотрел на каждого из них.

— Может начнем? — спросил он.

— Можем, теперь, когда ты внес ясность, — ответил Джефф, Тиг и Скотт оба нехотя кивнули.

— У меня имеются для вас интересные новости о Нике Паттерсоне, — Дерек сообщил им все, что узнал от Ника в большей степени о жене Ника и Райане Уильямсе. Когда он закончил, чувствовалось повисшее в комнате напряженное молчание всех трех мужчин.

— Только больной ублюдок может так себя вести, ты не находишь? — покачав головой, недоверчиво произнес Тиг.

Вой сирен нарушил тишину, стоящую в квартире. Дерек посмотрел на освещенные окна в соседних домах, потом повернулся к своим друзьям.

— Не буду притворяться, будто знаю, что движет этим больным Уильямсом, но если он настолько ненормальный, проделав такое с Ником, думаю он запросто мог подстроить и покушение на Мелвилла, а также полную его дискредитацию в прессе.

Скотт шагнул к бару и достал пиво из холодильника.

— Но, Ник сказал, что Уильямс хотел заполучить приносящую доход фирму, потому что устал от жизни на Холме. Возникает другой вопрос — тогда зачем он участвует в президентской гонке, если хочет уйти на покой и не сможет воспользоваться результатами

своего труда?

— Он неплохо повышает свой доход, — сказал Тиг. — Получить, хоть и половину в частной консалтинговой фирме — это совершенно противоположное направление захвата позиции в Белом доме.

Дерек почесал затылок. Да, с ним тоже такое случалось, он так сосредоточился на поиске лица, ответственного за срыв кампании Мелвилла и подрыв его собственной репутации, что совершенно упустил некоторые производные из этого уравнения.

— Я не знаю. Но мне будет намного лучше, если мы не проигнорирует этот вопрос, так как знаем, что именно Уильямс вынюхивал про Мелвилла. Я пообещал Нику, что мы найдем решение его проблем с Уильямсом. Он хороший парень, и я не смогу просто остаться в стороне, видя что совершил с ним этот ублюдок.

Скотт кивнул.

— Согласен. Я могу пообещать, что Уильямс не будет работать на Холме или где-нибудь еще в политике. Но мы ничего не сможем поделать, поскольку Ник уже подписал договор о сотрудничестве с этим ублюдком.

Тиг усмехнулся.

— Ты шутишь, что ли?

Дерек ухмыльнулся, он понимал, что будет дальше, и ему нравилось смотреть на своего друга.

— Я еще не встречал ни одного контракта, который нельзя было бы опровергнуть, — с гордостью произнес Тиг. — Я попрошу Ника первым делом с утра оправиться мне копию его договора, к обеду я смогу сказать, что он не действителен.

— А что делать с видео его жены? — спросил Дерек.

— Позволь мне позаботиться об этом, — ответил Джефф. — У меня имеются парни, которые могут получить это видео, а также..., — он сделал паузу, — создать огромный антистимул для Уильямса, после чего он будет обходить Ника и его жену стороной.

Дерек заметил, как брови Тига и Скотта поползли вверх, собственно, как и у него. Они были достаточно умны и понимали, что не должны и не хотели слышать подробности антистимула Джеффа. Однако, им также было необходимо выяснить раз и навсегда, имел ли Уильямс отношение к Мелвиллу.

Дерек стал осторожно подбирать слова.

— А когда антистимул будет приведен в действие, нельзя ли будет задать несколько вопросов по поводу Мелвилла?

— Это можно устроить.

Дерек видел, как Тиг изо всех сил старался не рассмеяться.

— Мне кажется ты обладаешь в этом вопросе большей властью, чем Камаль, — заметил Дерек.

Джефф пожал плечами.

— Он любит играть в шпионские игры, используя своих информаторов, манипулировать людьми и таким образом получать информацию. Мне же просто нужно знать конечную цель, и я начинаю действовать. Я решаю проблемы, а он выстраивает ходы.

— Но, как правило, ты разрешаешь ему выстраивать ходы, теперь мне даже стало интересно, все же можно было сделать гораздо быстрее, если бы ты давно этим занялся, — отметил Тиг.

Дерек и Скотт кивнули в знак согласия.

Джефф улыбнулся, это было совершенно редким и мимолетным явлением.

— Камаль занимается своей деятельностью, я же подключаюсь, когда это действительно необходимо. Я мог бы как мы только стали подозревать Уильямса, надавить на него, но тогда он еще не сделал ничего плохого, по крайней мере, мы не знали об этом. Это был бы явный перебор, использовать мои ресурсы впустую, я уже не говорю о рискованных последствиях, вам даже лучше не знать каких. Предоставляя Камалю возможность копать дальше, я фактически спасал свои жесткие методы, чтобы использовать их, когда мы обнаружили более существенные факты. Все сработало именно так, как было и задумано.

Дерек ухмыльнулся самому спокойному, самому невозмутимому и скромному члену клуба «Силовых игроков». Джефф был солдатом во всем, до мозга и костей. Он никогда не стремился сделать что-то для себя, всегда работал, как часть команды, помогая именно там и в тот момент, когда был действительно необходим. Но сейчас Дерек четко осознал, что до конца так и не понимал ценность этого мужчины. Он был, даже пожалуй, умнее в своих стратегических решениях, чем остальные члены команды, с этим он поспорить не мог.

Тиг встал и подошел к Джеффу, хлопнув его по спине, прежде чем допить свою бутылку пива.

— Парень, ты немного пугаешь меня, поэтому я рад, что ты на нашей стороне.

Джефф закатил глаза и хмыкнул Скотту.

— Итак, у нас имеется двадцать четыре часа, чтобы выяснить это, — сказал он собравшимся. — Мы должны раз и навсегда выяснить, какое отношение ко всему имеет Уильямс.

— Раз и навсегда, — повторил Дерек. — Мы наконец-то узнаем.

Лондон только вышла из душа, услышав телефонный звонок. Она подумала, что это должно быть Дерек. Он работал допоздна, рано утром у него должно было быть совещание, поэтому он предпочел остаться на ночь у себя в кабинете. Взглянув на определитель номера, звонок был от неизвестного абонента, но она уже догадалась, чей это был номер.

Она секунду колебалась прежде чем ответить.

— Привет, мам, — тихо произнесла она, ее сердце билось с двойной скоростью.

— Хабиби, — ответила Фаррах. — Как я рада слышать твой голос.

Лондон молча кивнула.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? Ты в безопасном месте, тебя не беспокоят эти ужасные журналисты?

Лондон села за туалетный столик, включив телефон на громкую связь, пока высушивала полотенцем волосы. Не прикасаясь к телефону, она таким образом ощущала своеобразную дистанцию между собой и Фаррах. Это расстояние помогало ей сохранять эмоциональное равновесие.

— Я в порядке, мам. Дерек Эмброуз нанял телохранителей, которые удерживают журналистов подальше от меня. Они охраняют дом и отвозят меня, если мне куда-то нужно. Кто бы мог представить меня с телохранителями?

Она пожалела, как только сказала это. Такими фразами было легко вернуться к нормальным отношениям с матерью, словно не было всех этих лет, и того, что с ней произошло, словно не было ее прежней работы, и того, кем она стала и кем была сейчас.

Но Фаррах не уловила ничего или решила не обращать внимания.

— Я очень рада. Мистер Эмброуз хорошо заботится о тебе. Ты сказала, что с ним все не так просто?

Лондон смотрела на свое отражение в зеркале, у нее были такие же темные глаза, как и у матери, она пробежалась расческой по длинным, густым волосам.

— Возможно, не так сложно, как я думала. Он... мы встречаемся.

В этот раз она сказала без колебаний. И Лондон точно знала, что колебаний она не чувствовала. Ее не захлестнуло чувство унижения, она отвела взгляд от зеркала, не увидев стыда в своих глазах.

— Он никогда... — она прочистила горло и потерла переносицу, чтобы не заплакать. — Он не платит мне. Я не работаю сейчас, я взяла отпуск. Подумываю, может мне стоит заняться... чем-то другим.

Фаррах прочистила горло, когда она снова заговорила, у нее дрожал голос:

— Это хорошо, хабиби. Ты моя, самая красивая девочка, и ты заслуживаешь мужчину, который смог бы заботиться о тебе. Ты заслуживаешь быть с тем, с кем хочешь.

Лондон слышала скрытый смысл в словах матери (после того, как обнаружила, что Фаррах скрывала от нее правду, пока она была маленькой, но для Лондон как оказалась эта правда была очень важна), очень глубокий смысл. В семнадцать лет она была полна решимости сделать выбор, мало задумывая о цене самого выбора. Сейчас, впервые за десять лет столкнувшись с людьми, которые по-настоящему любили ее — с Джоанной, Дерекком и матерью, она стала задумываться о своем выборе, вернее о цене. Несмотря на то, что она представляла свою мать долгое время, демоном, исковеркавшим ее жизнь, Лондон не могла пропустить мимо ушей подтекст, который несли собой слова Фаррах: *«Ты заслуживаешь быть с тем, с кем хочешь»*. Возможно, ее мать понимала ее намного лучше, чем она думала о ней?

Фаррах продолжила:

— Я хочу спросить тебя кое-о-чем. Я пыталась подобрать правильные слова, но не могу притворяться, что мне безразлично, о чем ты думаешь и что чувствуешь. Я боюсь, если слишком сильно надавлю на тебя, ты перестанешь со мной общаться, а мы только сейчас возобновили наши отношения. Но мне необходимо спросить тебя.

Фаррах сделала паузу, ожидая ответа Лондон.

— Хорошо, — сказала она слабым голосом.

— Ты не хотела бы со мной встретиться?

Вот оно, этот вопрос. Вопрос, на который Лондон необходимо ответить. Последний раз она видела мать, рассказывающую ей во всех ужасных подробностях историю ее семьи.

Она училась в старших классах, у них был предмет мировая политика. Терроризм еще не укоренился в американском сознании, это произойдет после 9-11, но Иран, Ирак и Ливия были включены в учебную программу в ее классе.

Тема была ирано-иракская война, окончившаяся в год рождения Лондон. Учитель рассказывал о важных политических лицах Ирана, проецируя фотографии и биографические факты на экран, висевшем на доске.

— Мохаммад Роухани, — произнес учитель, сменяя фотографию. — Этот человек главный советник Верховного лидера Ирана. Он занимал пост с 1989 года и считается одним из самых опасных военных преступников в мире. Пока Роухани был командующим армией, он вербовал детей, убивал десятки тысяч мирных граждан и нарушал Женевское Конвенцию по обращению с военнопленными.

Потом учитель сменил фотографию, перейдя на другую ключевую фигуру, Лондон смотрела на изображение Роухани, не в состоянии отвести от него глаз, ей показалось что-то знакомое в его лице, что-то нечетко всплывало в памяти.

— Эй, Эл? — окликнула ее подруга Моника, шепча. — У тебя случайно нет родственников в Иране? Потому что этот парень похож на тебя.

Вернувшись домой из школы, Лондон решила больше узнать о мужчине с фотографии. У нее начал болеть живот, как только она села за компьютер матери и стала искать в инете. Через час она знала уже гораздо больше, он правил в Иране, когда ее мать была еще студенткой университета, а Лондон была ребенком и росла в Тегеране.

Когда Фаррах прибыла домой, на экране компьютера была его фотография. Она вошла в квартиру, что-то говоря по поводу обеда, вешая куртку, положив портфель, и только тогда взглянула на монитор и замерла.

Ее вздох отразился от стен комнаты, у Лондон сжался живот.

— Откуда ты это взяла? — потребовала Фаррах с бледным лицом. У нее дрожали руки, когда она шла к столу, за которым сидела Лондон.

— Кто он?

— Где ты это взяла? — повторила Фаррах.

— Мы изучаем его в школе. Но мне кажется, что ты с ним знакома.

Фаррах тут же выключила компьютер, даже не задумываясь.

— Мама! — закричала Лондон.

— Он очень плохой человек. Я уверена, именно так тебе и говорят в школе, и это единственное, что тебе следует знать.

— Мне не пять лет, мам. Ты не можешь мне просто сказать, что он плохой человек. Ты явно его знаешь. Откуда? Когда?

Фаррах прерывисто выдохнула.

— Я познакомилась с ним, когда была студенткой университета, еще до того, как ты родилась.

— Как? Он выглядит намного старше. Он был твоим преподавателем или что?

Фаррах села в соседнее кресло.

— Пожалуйста, не заставляй меня делать это, Лондон, — умоляюще попросила она.

Позже Лондон задавалась вопросом — почему она решила настоять. Может, в результате подросткового антагонизма, но если быть до конца честной самой с собой, скорее это было предчувствием, интуицией, которая говорила, что это было важно и ей нужно узнать. Независимо от причин, в тот момент ей казалось, что она не может отступить и не приставать к матери с этим вопросом.

— Расскажи мне, мам. Я должна знать, — просила она шепотом. — Я имею право знать.

Фаррах резко кивнула, а потом призналась, все ее рассказы об отце Лондон, о ее предках и иммиграции в США было ложью. Фаррах Амид была двадцатилетней студенткой университета в Тегеране и входила в радикальную студенческую группу активистов, выступающую против существующего режима власти в стране после исламской революции 1979 года.

Активисты использовали любые средства, чтобы как-то проникнуть к высшему руководству страны, передавая полученную информацию за границу, они надеялись, что другие страны помогут свергнуть Верховного лидера Аятолла, который десять лет «очищал»

нацию от любого западного, неисламского влияния.

Слезы текли по щекам Фаррах, когда она рассказывала Лондон, что ей поручили заняться Роухани, чтобы выведать у него секреты о ирано-иракской войне и иранских военных.

— Мне было ясно сказано, что я должна была использовать любые средства, чтобы подобраться к нему, Лондон.

У Лондон еще больше скрутило живот, глаза горели. Она качала головой из стороны в сторону. Нет, не может быть.

— Они выбрали меня, потому что я была красивой. После того, как они договорились о возможности представить ему, я должна была дать понять, что ищу мужчину, который бы мог помочь мне оплатить университет, взамен на секс услуги, которые готова оказать.

— Мама, — зарыдала Лондон.

Ее мать встала и затряслась от волнения.

— Ты хотела узнать. Ты должна услышать все до конца и должна понять.

Фаррах прошлась по комнате, обхватив себя руками, словно пыталась себя сохранить и сберечь.

— У нас начался роман. Роухани не был отталкивающим, я стала любимицей сопротивления, готовая отдать всю себя патриотическому делу. Я получила ценную информацию и все шло гладко... пока в один прекрасный день не обнаружила, что беременна.

В этот момент Лондон разразилась рыданиями. Она знала. Она предчувствовала, что так и будет, но все равно это было самое тяжелое и ужасное, что она испытывала за свою молодую жизнь. Первый раз она спросила, когда была еще маленькой, почему у нее нет отца, как у других детей, мать сказала, что ее отец умер, когда она была еще совсем маленькой. Фаррах рассказывала Лондон об отце, который видел ее, когда она родилась и очень любил, но трагически погиб в автомобильной катастрофе, а Лондон была еще достаточно маленькой, поэтому его и не помнит.

Тот факт, что она на самом деле является результатом договоренности, которая не подразумевала любовь, а лишь обман ее матери с мужчиной, который был известен на весь мир, как ужасный преступник, и ее появление на свет было ошибкой в полном смысле этого слова, это факт разрушил ее на части.

— Я рассталась с ним, — продолжила Фаррах, сыпля словами за все семнадцать лет. — И я ушла в подполье. У меня теперь была ты, мне нужно было кормить тебя и себя, я нашла работу. Моя семья помогала мне, чем могла, но у них было не много денег, да и незамужняя беременная дочь был для них страшный позор.

— Тебе было два года, когда жизнь, которую я построила для нас с тобой, развалилась. Я работала в маленьком магазинчике, вышла на эту работу сразу после того, как ты родилась. Владельцы были очень милая пожилая пара, я сказала им, что вдова, поэтому они взяли меня под свое крыло, даже разрешали брать тебя с собой в магазинчик.

— Начался страшный ливень в тот день, и группа мужчин зашла в магазин, чтобы скрыться от дождя. Владелец магазина заметил по их одежде, что они очень важные люди, поэтому сказал мне предложить им что-нибудь выпить, пока они пережидали дождь. Я уже почти подошла к ним с тобой у себя на бедре, когда увидела его. Твой отец совершил много ужасных вещей, многих людей лишил жизни, но он не был глуп. Ему хватило одного взгляда на меня и на тебя, чтобы все понять.

— Я была в ужасе, но старалась не подавать виду. Я предложила мужчинам кофе и чай, держа тебя с собой. Мне хотелось убежать, но ливень снаружи стал еще сильнее, а я пешком ходила на работу и с работы. Я не могла так рисковать и выскочить с тобой на улицу в такой ливень. Но Мухаммед больше ни разу не посмотрел на меня, и я подумала, что может, он не узнал меня... это было бы намного лучше, тогда мне не стоило волноваться.

— Когда дождь прекратился, мужчины решили покинуть магазинчик, я старалась быть незаметной, молясь, что они уйдут, и я смогу опять исчезнуть, он не сможет меня найти. Они вышли за дверь, но потом он вернулся и спокойно сказал, что собирается кого-нибудь послать за тобой — ты принадлежала ему — а поскольку я прятала тебя от него, то меня не приглашают. Юридически в Иране у меня не было никаких прав. Вот почему я решила скрыться с его глаз, как только узнала, что беременна. Я не могла отдать тебя такому человеку, как он.

Лондон смотрела на мать, ее сердце билось, как дикий зверь, изо всех сил пытаюсь вырваться из груди.

— Я взяла тебя той ночью и убежала. Я воспользовалась своими контактами в группе повстанцев, чтобы выбраться из страны и получить убежище за границей. Сначала мы осели в Лондоне, где я поменяла твое имя, а потом получили убежище в США.

Лондон вернулась назад в настоящее к женщине на другом конце провода, ожидающей ответа на один из самых трудных вопросов.

— Думаю да, — наконец ответила она, решив, что после такого количества лжи, пришло время для честности. — Это тяжело для меня. — Она поджала губы, пытаясь подобрать правильное слово. — Я ушла, потому что ты солгала мне, ты скрывала от меня правду, и это уничтожило меня. Единственный человек, которому я доверяла больше всех в мире, скрывал от меня правду. И когда я узнала эту правду, мне стало стыдно. Я дочь мирового преступника, и справедливо или нет, но я обвиняла во всем тебя — ты разбила мне сердце.

Голос Фаррах был еле слышен от тоски.

— Я знаю.

— Но я наконец поняла кое-что. Я сотворила себя совсем другую, и не горжусь этим. И я совершила ту же ошибку, что и ты. Я стала скрывать себя настоящую, точно также, как ты скрывала от меня правду. Я продавала свою ту другую версию себя, темную и скрытую от всех, тем кем я не являюсь.

— О, моя любовь, — тихо произнесла Фаррах, — это не твоя вина, а моя. Это все моя вина. Прости себя и передай это бремя ответственности мне. Если ты хочешь злиться на меня еще десять лет, то пусть так и будет, только пообещай мне, что ты перестанешь в чем-либо обвинять себя. Ты перестанешь наказывать себя за то, что не можешь контролировать. Это я сделала выбор, переспав с ним. Я приняла решение, солгать тебе о нем, я придумала вымышленного отца и дала тебе ложные надежды. Ты не сделала ничего плохого. Твой отец сделал. Я сделал, но не ты.

— Ты молода и красива, и тебе не нужно прятать темные секреты. У тебя вся жизнь впереди. Ты можешь делать все, что угодно, и я бы не хотела ничего больше кроме как помочь тебе, и наблюдать, как ты достигнешь всего.

— Мама, — заплакала Лондон. — Я была так несправедлива к тебе. Все эти годы я так старалась ненавидеть тебя, я была такой эгоисткой и упертой до одури. Ты совершала ошибку, но ты делала все из-за любви... любви к своему народу и ко мне.

Лондон и мать плакала, выплакивая все накопившиеся слезы за десятилетие. Но когда они закончили, Лондон согласилась встретиться с матерью, и она поняла глубоко в сердце, что это всего лишь первый шаг на длинном пути возвращения к себе собой, к той, кем она могла бы стать.

Дерек не видел Лондон два дня и сходил по ней с ума. У него болела голова, ныла грудь, а его член целый чертовый день был в полустоячем положении. У него никогда не было женщины, которая могла бы заставить его член встать одними своими смс-ками. Но ему пришлось потушить столько пожаров, пытаясь восполнить внезапный уход его секретарши, что у него почти не осталось времени для сна, не говоря о том, чтобы поехать домой. Он провел две ночи в офисе на диване, и сегодня точно собирался поехать домой к Лондон, потому что у него закончилась чистая одежда, которую он держал на крайний случай в офисе.

Тиг закончил переговоры с адвокатом Мелвилла и подготовил совместный пресс-релиз. Мелвилл согласился подождать неделю, прежде чем объявит своего нового консультанта по предвыборной кампании, но Дереку было на это наплевать, он точно знал, что без него Мелвилл никогда не получит пост в Белом доме. Суэта Мелвилла, чтобы остаться в гонке за президентское кресло, Дерек удивляла, хотя он и предполагал, что сенатор сможет продержаться не больше, чем пару месяцев.

Но это не повлияло на решение Дерек узнать, кто стоит за уничтожением его репутации и покушением на жизнь Мелвилла, и он ждал Джеффа с информацией, которую тот почерпнул из своих контактов.

— Мистер Эмброуз? — голос его временной секретарши был таким гнусавым, что вызывал дрожь во всем теле.

— Да?

— Мистер Ди-бе-бабла хочет вас видеть.

Боже, как он скучал по Рене. Если бы он мог снова поговорить с ней или с Маркусом, он даже был готов удвоить ее зарплату. Черт, он бы даже позволил ей трахаться со своим братом в приемной поле пяти часов вечера, если им так хочется.

— Пожалуйста, пригласите его, — произнес Дерек, подойдя к бару и доставая две бутылки воды. Если бы пришел Тиг, он бы достал скотч, но Джефф был военным, и на работе он не пил.

— Кто это у тебя в приемной? — спросил Джефф, входя в кабинет.

Дерек закатил глаза.

— Прислали из агентства.

— А где Рене?

— Не спрашивай.

Джефф пожал плечами.

— Она мне больше нравилась.

— Как и мне, — пробормотал Дерек.

Они сели — Дерек за свой стол, Джефф опустился в кресло напротив.

— У меня есть информация, но сомневаюсь, что она тебе понравится.

Дерек провел рукой по волосам.

— Мне не нравится все, что происходит последние недели. Так почему сегодня должно быть что-то по-другому?

Джефф понимающе кивнул, его карие глаза смотрели на него по-доброму, но при этом были совершенно серьезными.

— Начну с хорошей новости. Видео жены Ника Паттерсона и Уильямса уничтожены.

Дерек с облегчением вздохнул.

— Спасибо. Тиг вчера аннулировал контракт, и Уильямс теперь не совладелец и не имеет доступ к счетам Ника. Ник свободен и чист, как и его жена. Она совершила огромную ошибку, но не заслужила всего это.

— Согласен. А теперь другие новости. Уильямс сказал, могу добавить, под существенным давлением, что он не причастен к утечке информации о Лондон и Мелвилле. Он сказал, что вообще не знал о романе, пока это не появилось во всех новостях. Он, имеет предположение, кто стоит за этим.

Дерек фыркнул.

— Не уверен, что я доверяю его словам, поскольку у меня нет к нему никакого доверия.

— Думаю, когда я тебе сообщу, ты пересмотришь свое мнение. Видишь ли, Уильямс рыл под Мелвилла по просьбе сенатора Донован, мы так изначально и думали. Донован подумывал баллотироваться на пост президента. То, что нарыла его группа, там не было ни слова о Лондон и Мелвилле, но там было кое-что другое... кто-то тоже интересовался Мелвиллом.

Пульс Дерека ускорился.

— Кто?

Джефф сделал паузу, приподняв одну бровь.

— Уинстон Вандермеер.

— Ммм, — застонала Лондон. — Это так восхитительно.

Дерек продолжал втирать шампунь в ее волосы. Она с усилием терлась о его бедра в экстазе, он хмыкнул.

— Если бы я знал, что ты готова кончить, когда тебе моют волосы, я бы воспользовался этим раньше, — пошутил он.

Она еще сильнее вжалась в его жесткий член, зажатый между их телами, сидя лицом к нему в огромной ванне.

— Ты ужасно жесткий для человека, который помог обнаружить покушение на убийство, — отметила она.

Дерек ласкал ее соски, зачерпнув ладонями воду и теплой водой поливая ей на волосы, ополаскивая от шампуня.

— Все дни тружусь не покладая рук, красавица.

Она фыркнула.

— Неужели, если бы ты не раскрыл это, полиция бы не докопалась, что это дело рук Уинстона?

— Мне бы хотелось надеяться, что в конце концов, они бы докопались, но никто не знает.

— Итак, ты сообщил полиции, да?

Он рассеянно провел пальцами по ее мокрым волосам.

— Им легко удалось выйти на частного детектива, которого нанял Вандермеер, и он раскололся, как засохшее печенье. Он признался, что именно Вандермеер дал ему

информацию о романе Мелвилла с тобой, сказав ему поделится с прессой. По-видимому, старик настолько зол на Мелвилла за то, что тот изменял его дочери, что он решил окончательно погубить парня.

— Не знаю, как он рискнул нанять киллера, ведь его дорогая дочь стояла рядом с намеченной целью. Видно тот был высокого уровня профессионалом.

Дерек зашелся горьким смехом.

— Не уверен, настолько ли он доверял убийце, может это глупость, но Уинстон пошел ва-банк и сейчас у него огромные проблемы.

— Все это очень трагично. Мне жаль его.

Дерек опустил голову и стал покусывать ее плечо, она хихикнула. Его руки бродили по ее груди, опускаясь вниз по гладкой коже, лаская ее клитор.

— Он был очень зол, — прошептал он ей на ухо. — Его дочь жаловалась ему, что для мужа она не центр Вселенной. Он не хотел, чтобы его любимицей так пренебрегали.

— Угу... ты бы никогда не пренебрег женщиной?

Он лизнул мочку ее уха.

— Я намерен сделать тебя центром вселенной и думаю начать сейчас.

Ее сердце застучало в преддверии обещания. *«Возможно, — прошептал ее разум, — может это так и будет».*

Может он не узнает о ее отце или может ему будет все равно. Может, она действительно сможет стать кем-то другим, нежели остаться проституткой. Может, она обретет свое счастье, несмотря ни на что. Может.

— Поднимайся, нам нужно в душ, смыть мыло с твоих волос, — сказал он.

Они перебрались в большую душевую кабину в углу ванной комнаты. Он отрегулировал воду, стал подниматься пар, вода мягко струилась на них, стеклянные стенки душевой медленно запотевали. Лондон почувствовала себя разморенной, разгоряченной, у нее покраснела кожа и немного покалывала от струй воды. Дерек обнял и поцеловал ее, сначала нежно, его губы и язык слегка изучали ее рот, словно он собирался исследовать и изучать ее весь оставшийся день.

Она томно обвила его за шею и прислонилась грудью к его груди, наслаждаясь ощущением его жестких волосков, щекочущих ее соски.

Дерек подхватил ее за задницу, приподнимая выше и направляя к эрекции, она запустила пальцы ему в волосы, потянув к себе и застонав.

— Развернись, — выдохнул он.

Он развернул ее сам, она уперлась руками в стену. Он согнул колени, и она почувствовала, как его толстый член заскользил между складочек и по клитору.

— Да, — выдохнула она, упираясь лбом в плитку.

Он уперся в стену рядом с ее рукой, другой обхватил ее грудь, продолжая скользить вверх-вниз по мокрым складочкам, дотрагиваясь до клитора.

Ощущение от трения было настолько восхитительным, она двигалась с ним в такт, беззастенчиво постанывая от удовольствия.

Он увеличил темп, зарычал, как только очутился внутри нее и тут же вышел. Она испугалась, что сейчас взорвется от такой пытки, ей ужасно хотелось кончить, он дотронулся до ее клитора, надавив и помассировав вокруг него.

Она запрокинула голову назад, опустив ему на плечо, и закричала от освобождения, пока член двигался в ней, а палец ласкал. Он удерживал ее, пока она билась в судорогах,

готовая стечь на пол, превратившись в лужицу на полу.

Он развернул ее к себе и поцеловал в обе щеки.

— Видишь? — сказал он, возбужденно поблескивая глазами. — Ты — центр всего.

Она потянулась к полке за гелем, налила щедрую порцию в ладонку, растерла двумя руками. Цитрусовый запах, перемешанный с паром, вызвал у нее воспоминания лимонного пирога и особенного печенья ее матери с апельсином. Она рассматривала большую широкую грудь Дерека и шесть кубиков пресса, представляя, что он не менее вкусный, чем ее любимый пирог.

— Знаешь, меня всегда учили вести честную игру, — она прошлась рукам сверху-вниз по его груди, спускаясь к члену, намазывая его вкусно пахнущей пеной.

— Почему-то я не чувствую себя также, когда сам делаю это, — пробормотал он, наблюдая за ней горящими глазами.

Она омыла его водой, и начала целовать, прокладывая дорожку вниз по его груди, опускаясь ниже и приближаясь к его бедрам.

Он потянул ее вверх за локти, подставляя под струи воды.

— Дерек..., — возмутилась она.

— Нет, — пробурчал он. — Я хочу быть внутри тебя, и не собираюсь с этим затягивать. Нам нужен презерватив, причем сейчас же.

Он поставил ее на ноги и вывел из душа, она засмеялась в ответ. Они оба были настолько мокрыми, что она боялась поскользнуться, но он отнес ее в спальню и поставил на ноги рядом с кроватью. Он рванул к ящику тумбочки и достал презерватив, надев его за рекордно короткие сроки.

— Давай, — он поцеловал ее в губы с такой сладостью, словно она была самым любимым его десертом.

— Внутрь, — простонала она.

Он отпустил ее осторожно на кровать, она на четвереньках заползла на одеяло, оставаясь стоять на коленях, упираясь на локти.

Постель скрипнула от веса его тела, он обхватил одной рукой ее за талию, шире развел ее ноги, приподнимая ее задницу, проходясь носом по ее позвоночнику и оставляя поцелуи на всем пути.

Она выгнулась ему навстречу, чувствуя свое возбуждение. Широко расставленные ноги, вызвали в ней еще большее возбуждение, она безумно хотела его получить внутрь. Она почувствовала давление члена у своего входа, и он медленно продвинулся вперед, она подумала, что от такой медлительности может сойти с ума.

— Ты такая тугая, — проворчал он, дыхание стало быстрым и жестким. — Пожалуйста, скажи, ты уже близко? — Он начал двигаться вперед-назад, она громко ахнула.

— Еще..., жестче, — всхлипывая просила она.

Он приподнял ее задницу вверх, чтобы обеспечить себе более лучшее проникновение и стал снова врезаться в нее. Она почувствовала жжение в одной точке, от которой исходили лучи вибрации, достигнув максимума, судороги прошли по ней. Она выкрикнула его имя, его тело напряглось, он дернулся в ней последний раз, выплескивая сперму. Немного отдышавшись, он выбросил презерватив и распластавшись лег к ней, положив ногу на нее и обняв рукой тонкую талию.

И прежде чем они оба провалились в глубокий сон, он прошептал ей на ухо:

— Я люблю тебя, Лондон Шарп, до смерти люблю.

— Что он сказал?! — завизжала Джоанна на все помещение, когда они сидели в небольшом чайном магазинчике в Джорджтауне.

— Шшш, — тихо произнесла Лондон. — Не нужно, чтобы все люди на той стороне улицы, знали об этом.

Джоанна извинилась, но ее улыбка была шириной с милю.

— Прости. Я так счастлива за тебя, что не могу сдержать своих чувств.

Лондон откусила шоколадный круассан и глубоко вдохнула. Запах свежей выпечки пропитал магазин, и даже с круассаном, лежащей перед ней, она вспоминала о длинных батонах мягкого французского хлеба — непередаваемый вкус.

— У меня пока нет мыслей, как все будет продвигаться дальше, существует еще столько всего, что нам придется преодолеть.

Джоанна закатила глаза.

— Ты всегда смотришь на все пессимистически? Он знает о твоём прошлом, он принимает тебя такой, какая ты есть. Он многим пожертвовал ради тебя, Лондон. Почему ты не видишь всего этого?

Лондон почувствовала, как у нее сжался желудок, она положила круассан обратно на тарелку.

— Я вижу. Он лишился своей президентской кампании, половины клиентов, лучший друг не разговаривает с ним, и он поругался и даже дрался со своим младшим братом. Сколько это будет продолжаться, пока он не начнет возмущаться, что из-за меня он потерял все, что для него ценно?

Джоанна протянула руку, схватив круассан Лондон, откусила большой кусок, потом быстро положила его назад на тарелку.

— Видишь? Пессимистка, — ответила она, облизывая шоколад с пальцев и прожевывая.

— Я серьезно...

— И я тоже, — заявила Джо. — Он. Любит. Тебя. Я знаю, что это не вяжется с твоим мнением о себе самой, как совершенно непривлекательной, но я просто все вижу. Он проделал все это по собственной воле, потому что ты дорога ему. Ты не принуждала и не заставляла его, он выбрал сам.

Лондон почувствовала, как у нее увлажнились глаза, ей пришлось отвернуться, прикусив нижнюю губу, чтобы сдержать свои чувства.

— Я знаю, но есть еще кое-что, чего он не знает...

— Так расскажи ему, и он тоже это переживет. Это же не конец.

— А если нет?

— Любовь, — произнесла Джо, опять забирая с тарелки Лондон круассан и откусывая еще кусочек, потом вернула его на место. — Это не стакан, наполненный до краев, который ты выпьешь, и он опустеет. Любовь — это гораздо лучшее, дорогая. Стакан будет постоянно наполняться, чтобы пить из него, именно это позволяет нам жить.

Лондон быстро кивнула, отгоняя свои страхи.

— Ты ответила ему?

— Нет. Я притворилась, что заснула. Я была так напугана, Джо, мне все еще страшно.

Джоанна накрыла ее руку своей и мягко похлопала.

— Я знаю, дорогая, но пора повзрослеть и перестать убегать. Ты готова для чего-то большего, и он именно тот человек. Просто сделай это.

Страхи Лондон исчезли, как только она рассмеялась, и в очередной раз маленькое семечко надежды увеличилось, готовое прорасти, вырасти и расцвести, превращая сердце Лондон в сад.

Если бы только в этом саду не было бы притаившегося смертельного сорняка.

— Черт, — пробормотал Дерек, вешая трубку. Третий раз за несколько дней он пытался связаться с Камалем и получал отпор. Его звонки перебрасывались на голосовую почту, по рабочему телефону он упирался в кирпичную непробиваемую стену, в виде секретаря посольства. *«Нет, посол не может подойти к телефону. Да, посол получил последние три сообщения».*

Такая же участь постигла его и с братом. Маркус разговаривал с ним сквозь зубы. Парень страдал, потому что с ним отказывалась встречаться Рене, и он был убит горем. Дерек вынужден был признать, что он ошибался в своем брате. Маркус был влюблен в милую девушку, и Дерек серьезно недооценил его потенциал, он не мог предположить, что Маркус на такое вообще способен. Он верил, что все в результате образуется, но ему было тяжело, поскольку сейчас он находился в полной изоляции.

С переездом в Вашингтон Дерек все время жил в бешеном ритме города. Он находился в центре событий, получал новых клиентов, предсказывал и оценивал политические возможности, нанимал персонал, посещал клубы и рестораны, где собиралась политическая элита, помогал Камалю войти в роль нового посла. Он всегда был окружен людьми, которые могли предоставить ему нужную информацию, или людьми, которые хотели получить что-то от него. Теперь же, в одночасье, он остался один. Никто не стучался к нему в кабинет, никто не нуждался в его совете, и никто о нем не беспокоился.

Он вздохнул и оглядел свой стол — чистый. В настоящий момент у него имелось восемь клиентов в маленьких штатах, кандидаты, чьи кампании были местного порядка, с участием местного персонала. Его роль заключалась быть стратегом и консультантом в вопросах политики. Он почувствовал всю иронию, создавшегося положения — он был слишком высокого уровня, чтобы лично принимать участие в этих небольших местных кампаниях, но уже не настолько был важен, чтобы его наняли для чего-то большего.

На телефон пришло текстовое сообщение от Лондон с соответствующим рингтоном.

«Ты приедешь ко мне домой, познакомиться с моей матерью?»

«Да», — ответил он. Было удивительно, что Лондон дважды за эту неделю побывала у своей матери, после десяти лет отчуждения. Но ему показалось, что это неплохо, по крайней мере он хотел сделать все, что было в его силах, чтобы улучшить их отношения.

Пришел ответ от Лондон.

«Спасибо. Я буду в семь».

Дерек взглянул на часы, ему лучше поторопиться, если он собирался попасть к ней вовремя. Схватив портфель и пиджак, он оглядел пустой кабинет и покачал головой. Завтра будет другой день, и все будет по-другому, а сейчас он знал — сегодня он будет трахаться с красивой женщиной. Он усмехнулся. Жизнь была не так уж и плоха.

Дерек кивнул Оуэну, дежурившем у двери в дом Лондон. Он подумал, что через пару недель они могли бы отказаться от услуг службы безопасности, но еще маячили редкие папарацци, и пока он не хотел рисковать, он не хотел, чтобы они преследовали Лондон. Прошедшие дни она ходила по магазинам и ресторанам, где ей приходилось не обращать внимание на шепот у нее за спиной и косые взгляды. В конце концов, это же округ Колумбия, скандал недели все еще красовался на первых полосах газет, а Дерек и Лондон удосужились их внимания — на прошлой.

— Мисс Шарп еще нет дома, — сказал Оуэн.

— Хорошо. Уверен, что она вот-вот должна подъехать, и если прибудет ее мать, пропусти ее, пожалуйста. Фаррах Амид.

— Да, мистер Эмброуз.

Дерек зашел внутрь, опустив свой портфель на пол фойе, направился на кухню, когда он был здесь в прошлый раз, припрятал бутылку виски. Он налил в стакан на пару пальцев и хотел присесть на диван в гостиной, но услышал какую-то возню у входной двери.

Он открыл дверь, его тут же ослепила вспышка фотокамеры, Дерек поднял руку к глазам, чтобы защититься от слепящего света.

— Мистер Эмброуз! — выкрикнул человек.

— Вы незаконно проникли на частную собственность, — заявил Оуэн.

Дерек опустил руку и осмотрелся по сторонам. На дорожке перед двориком Лондон стоял репортер вместе с фотографом. По дорожке к входной двери двигалась темноволосая женщина средних лет, в которой Дерек тут же узнал мать Лондон.

— Мы стоим на общественном тротуаре, мурак, — отметил репортер охраннику.

Как только зрение Дерек прояснилось, в нем вспыхнул гнев.

— Послушай, меня совершенно не волнует, что ты находишься на общественном тротуаре, если ты не отстанешь, мне придется обратиться в полицию, обвинив тебя в домогательстве. Тебе стоит найти кого-то другого, — он спустился с маленького крыльца и направился к Оуэну и Фаррах.

— Пожалуйста, заходите, — с улыбкой сказал он ей.

Она быстро кивнула ему в ответ.

— Спасибо.

Он чувствовал запах пота, исходящий от репортера. У парня были грязные волосы, клетчатая рубашка болталась навывпуск, и кажется о не менял ее несколько дней. Фотограф сделал еще один снимок, и вспышка озарила лица всех, как призраков в ночи.

— Отведи ее внутрь, — попросил Дерек Оуэна, который стал поддерживать мать под локоть, направляясь к дому.

— Вы впервые знакомитесь с семьей своей девушки? — спросил репортер, полностью игнорируя заявление Дерек.

— Вам следует уйти, — ответил Дерек, скрестив руки на груди и устойчиво широко расставив ноги.

— Фаррах! — прокричал парень ей в спину. — Вы поддерживаете связь с отцом Лондон?

Дерек услышал вздох и повернулся, чтобы взглянуть на Фаррах, на лице которой отразился шок. Он повернулся к ней, и следующий вопрос репортера выстрелил ему в спину.

— Он пишет письма своей дочери? Может звонит?

Мать твою. Дерек с трудом боролся с желанием ударить этого ублюдка и покончить со

всем раз и навсегда.

— Что за черт побери ты несешь? — хмурясь на парня спросил Дерек. — Ее отец умер.

— Нет, не умер. Правда, Фаррах? — закричал репортер. — Отец вашей дочери ведь не умер? На самом деле, в прошлом месяце он был обвинен международным судом за военные преступления уже в десятый раз, не так ли?

У Дерек скрутило живот. Он повернулся к Фаррах, которая прикрыла руками рот и смотрела на него глазами, наполненными ужасом, постоянно при этом качая головой. Его мысли крутились, опережая одну другую, создавая полный бардак, он решил повернуться назад к репортеру, но увидел Лондон, стоящую в нескольких шагах на тротуаре с белым лицом и поджатыми губами. Она смотрела на него, не мигая. Его сердце совершило удар сначала один, второй, потом он глубоко вздохнул, опять начиная поворачиваться, и его ослепила очередная вспышка фотокамеры, и он понял, что это правда. Все было правдой.

— Пожалуйста, Дерек, — плакала Лондон, выбегая за ним из дома. Он был не приклонен, решительным шагом направляясь к своей машине.

— Дерек, позволь я все тебе объясню, — она бежала, едва поспевая за ним, и радуясь, что не надела сегодня шпильки, на ней были балетки и джинсы.

Ее сердце колотилось, кожа зудела и у нее было такое чувство, что она разваливается на части. Дерек стоял у машины, положив руку на водительскую дверь, она наконец догнала его.

— Дерек! — схватившись за лацкан его пиджака, словно цеплялась за жизнь, она заглянула в ледяные глаза. Да, теперь он смотрел на нее ледяным взглядом, и она с потрясающей ясностью поняла, что этот мужчина был ее Дерек, который когда-то смотрел на нее с нежностью. Перед ней стоял совершенно другой человек, и она боялась, что ее Дерек ушел от нее навсегда. — Позволь мне все тебе рассказать, что на самом деле произошло, то, что мне самой известно, и почему я не рассказала тебе раньше.

Он стоял неподвижно, словно превратился в камень, и в этот момент она готова была поверить, что его сердце тоже окаменело. Его взгляд ничего не выражал — ни любви, ни сожаления, ни тоски. Было такое чувство, что его любовь к ней прошла, именно в тот момент, когда он, стоя во дворе, услышал ее секрет, который она так охраняла.

— Ты хоть представляешь, что ты со мной сделала? — тихо спросил он.

Она быстро кивнула несколько раз.

— Мы можем сообщить, что ты ничего не знал, что это всего лишь моя вина, и я никогда не встречалась с этим человеком.

— Это правда? — спросил он, слегка наклонив голову в бок, как бы оценивая ее ответ. — Это правда, что ты никогда не встречалась с ним? Мне трудно уже поверить, что правда, а что нет.

— Я практически никогда не встречалась с ним, — поправилась Лондон. — Мне было только два года на тот момент.

— Так ты могла бы встретиться с ним потом, — покачал головой с отвращением Дерек. — Как ты могла ничего не рассказать мне? Как ты могла позволить мне пустить всю мою жизнь коту под хвост ради тебя, и не сказать, что ты — дочь человека, которого называют Гитлером XXI века?

Она насторожилась.

— Я занимаюсь политикой, ради Бога. В стране, которую осаждают исламские террористы. Вся моя сознательная жизнь была посвящена утверждению демократии и защите свободы. Я имел вход в узкий круг выдающихся лидеров западного мира, которых мне довелось узнать.

Он опустил голову, его поза была усталой и побежденной.

— В моем мире — патриотизм и верность своей стране — это все. Никто никогда не сомневался в моей любви и к патриотизму моей стране.

Он вздохнул, а Лондон со страхом смотрела на него.

— Я никогда не мог предположить, что настанет такой день, когда встанет вопрос о моей любви к своей стране, — он покачал головой. — Я не мог себе даже это представить в кошмарном сне. Ты не представляешь, каково это заниматься работой всей своей жизни, которая летит к чертям, потому что на повестку дня встал вопрос — суть всего, что я делаю, и я попал в своей лояльности под сомнение своего народа. Целой нации.

— Дерек, — прошептала она, слезы катились у нее по щекам.

— Я дал тебе все, — его голос звучал хрипло, о чем говорила вся его надломленная поза. — И я сделал это добровольно, с радостью. Я все сделал для тебя, потому что люблю тебя. Но когда триста двадцать миллионов американцев завтра проснутся и прочитают свежие газеты, что я трахаю дочь Мухаммеда Роухани? — Лондон вздрогнула и резко отстранилась от него, от горечи и больно жалищих слов. — Ты уничтожила единственное, что у меня оставалось — любовь моей страны и мою любовь к тебе.

Он открыл дверцу, и она зарыдала.

— Нет, пожалуйста, нет. Прости. Мне очень жаль. Я должна была тебе все рассказать. Я должна была. Я сообщу всем, что ты ничего не знал. Я проведу пресс-конференцию или дам интервью — все, что сможет тебе помочь.

Он печально посмотрел на нее, и в его взгляде она прочла жалость к себе. Как он мог? Она была проституткой и лгуньей. Она была женщиной, разрушившей его репутацию, доверие и любовь. Она была жалкой сейчас, и они оба знали об этом.

Он прошелся пальцами по ее щеке, затем отрицательно покачал головой, у него не было слов.

Сел в машину, закрыл дверь, и не оборачиваясь уехал, а она продолжала стоять на тротуаре, рыдая, оплакивая его исчезновение из своей жизни, но не из своего сердца.

Дерек смотрел в окно своего кабинета, шел дождь, оседая на крыши автомобилей и создавая лужи на тротуарах. Он вздохнул и повернулся к экрану компьютера, перечитывая еще раз письмо, хотя итак его запомнил.

Уважаемый мистер Эмброуз.

Я уведомляю вас за тридцатидневный срок, о прекращении предоставлении ваших консалтинговых услуг, связанных с договором о Шестом Избирательном округе в Конгрессе великого штата Флорида. Я считаю себя современным человеком, и был готов стоять за вас, когда вы приобрели своеобразную известность, связанную с секс-услугами, но боюсь, что ее отношения с известным международным преступником пересекли черту, через которую я не могу переступить. Встречаться с бывшей проституткой это одно, а встречаться с дочерью врага Соединенных Штатов, совсем другое. Я не могу с чистой совестью продолжить с вами рабочие отношения при таких обстоятельствах.

За последнюю неделю Дерек прочел уже восемь версий одного и того же текста. Восемь оставшихся клиентов ушли. Договора были аннулированы, все счета закрыты. Министерство внутренней безопасности тоже посетило его, и похоже они остались довольны его правдивыми ответами на их вопросы, но он все-таки заметил обычный темный автомобиль, припаркованный недалеко от его офиса и дома. Он предполагал, что его телефоны прослушивались и почта также читалась.

Также ему пришло письмо по электронной почте от его партии, в котором сообщалось, что в течение сорока восьми часов он будет вычеркнут из списка эксклюзивных консультантов. Они оказались настолько мелочными, что даже решили отозвать его VIP-пропуск в Национальный Конгресс на следующий год. Теперь он стал персоной нон-грата. Конгрессмены не отвечали на его звонки, спонсоры не подписывали чеки, хотя и обещали его кандидатам месяц назад, и президент почтительно ликвидировал его постоянное приглашение на ежемесячные обеды политиков в Белом доме. Она позвонила ему лично, сказала, что поддерживает его в частном порядке, но не может вызывать недовольство оппозиции и лидеров Конгресса, пригласив его в Белый дом. Он заверил, что понимает ее позицию, повесил трубку и кинул тридцати фунтовым стулом через всю комнату.

Но сколько бы его кишки не скручивались от потери бизнеса, его собственной репутации и его влияния, они скручивались еще сильнее, когда он думал о потере Лондон. Ночью он просыпался, мечтая зарыться в ее волосы, почувствовать ее кожу, увидеть ее глаза. Он почти ощущал, как его член входит в ее шелковистые складки, почти чувствовал вкус ее терпкой киски на своем языке. У него в голове слышался ее голос, а ее лицо он видел в зеркале. Он старался ее возненавидеть, но не мог, он мог только скучать по ней.

Каждое утро он просыпался, разбитый от бессонницы, охваченный сомнениями, с синяками под глазами. Он бегал, чтобы нагрузить тело и ум, проводил спарринги по несколько часов, оставался в офисе допоздна, пытаясь найти новых клиентов, составлял письма давним контактам, пытался найти новые и более эффективные способы, чтобы закрутить свой собственный сюжет. Это был единственный способ, чтобы справиться с щемящей болью, которая вырыла яму у него в животе, и постоянно отдавалась в груди, когда он опять видел ее, стоящую на тротуаре в Дюпон-Серкл и говорящую своими глазами, что она лгала о единственном, что действительно имело значение, своей лояльности к нему.

— Мы когда-нибудь поговорим об этом? — спросил Камаль, пока они скакали на спарринге, несколько недель спустя, как он узнал о личности ее отца. Двое мужчин постепенно налаживали свои отношения. Камаль сделал первый шаг, попросив совета у Дерека с одним делом в посольстве. Дерек ответил взаимностью, пригласив Камала в их любимый спорт-бар посмотреть футбол команды США в отборочном матче чемпионата мира. Футбол помог вернуть отношения, но спиртное помогло еще больше, и теперь у них происходило третье «свидание», как в шутку называл его Тиг. Однако они впервые затронули эту тему, которая тогда встала между ними.

— О чем тут можно говорить? Ты оказался прав, она меня обманула. Ты выиграл.

Камаль опустил руки в перчатках и сорвал с головы шлем.

— Черт! — рывкнул он. — Ты думаешь, что я должен получать от этого удовольствие?

Дерек пожал плечами.

— Так, вот нет. Последняя вещь, которую я хотел был для тебя, получить твое растерзанное сердце, не говоря уже о распятии в прессе. Ты же на самом деле не думаешь, я что когда-либо хотел, чтобы тебя называли предателем и угрозой национальной безопасности, не так ли?

Дерек указал ему на головной убор, предлагая надеть, чтобы продолжить спарринг, подпрыгивая и стараясь раскрыться, чтобы сделать удар.

— Это уже не столь важно, — сказал Дерек. — Что сделано, то сделано, и я готов вернуться к жизни и забыть, что это когда-либо было.

— И ты думаешь получить? — поинтересовался Камаль.

— Я не знаю, но чертовски уверен, что попробую.

— Мне кажется, ты совершаешь ошибку.

— Ты всегда так говоришь, — поморщился Дерек, как Камаль двинул его по левому плечу.

— Потому что так и есть. Да она обманула тебя, но это был совсем другой обман, нежели я думал первоначально, — он дернулся вправо и увернулся от одного из знаменитых апперкотов Дерека.

— Она обманула тебя не потому что пыталась использовать тебя. Она обманула, потому что боялась потерять... тебя.

— Ну, в одном она была права — она потеряла меня. Но думаю, ты преувеличиваешь ее я видно мало интересовал.

Камаль покачал головой.

— Нет, не преувеличиваю.

Дерек схватился за грудь, которая покалывала. Камаль замер, поняв, что это не от спарринга.

— Все прошло, ничего уже не вернешь. Любит она меня или любила, я не знаю, но знаю, что она разрушила кампанию, которую мы готовили в течение восемнадцати месяцев. Она разрушила мою безупречную репутацию, она разрушила шанс Мелвилла пойти выше, чем Сенат. Черт, он даже не переизберется на второй срок в Сенат теперь, — а про себя он подумал, что она разрушила его для любой другой женщины.

Камаль остановился.

— Думаю, что Мелвилл и его тесть тоже приложили к этому руку, — он начал

перебирать ногами, пытаясь поймать Дерека врасплох, ударив его по бицепсу, оказалось по-настоящему больно. — Разве она не заслуживает второго шанса?

— Нет, — тон Дерека поставил точку в этом вопросе. — Я хочу жить дальше, как будто ничего не произошло. Мы можем закончить этот разговор? По крайней мере на сегодня?

Камаль глубоко вздохнул, стряхнулся, и двое мужчин продолжили спарринг, также, как они делали каждую неделю в течение вот уже многих лет.

Камаль задал всего лишь один вопрос:

— Ты все еще любишь ее?

Дерек скрипнул зубами и ответил:

— К сожалению, я всегда буду любить ее.

Как только Дерек оставил ее стоящей в одиночестве на тротуаре, Лондон сделал то, что делала всегда — спряталась. Она спряталась в своем доме, слишком измученная и убитая горем, чтобы выдержать большой мир за ее дверью. Но прячась неделю за неделей, она устала от этого. Джоанна приходила к ней каждый день, принося еду и маленькие безделушки, наняла массажистку. Ее мать тоже пыталась вернуть ее к жизни, поэтому не могла оставаться в стороне, проводя с ней по двенадцать или четырнадцать часов. Кухня Лондон наполнилась настоящими персидскими продуктами — сыр Фета, оливками всех сортов и разносторонними пряностями из ее детства.

Пока она наслаждалась прошлым из своего детства и двумя спорящими женщинами, она оставляла их, прячась у себя в спальне в постели. Сама себе она говорила, что это не потому, что Дерек ушел от нее навсегда. Конечно, не из-за этого.

— О Боже, — простонала Джоанна, кладя в рот рагу из баранины. — Это божественно что твоя мать положила сюда?

Лондон сидела за стойкой кухонного островка, покачивая головой от любви своей подруги к ближневосточной кухне.

— Я же готовила все эти годы персидскую еду, — сказала она. — И ты ее кажется пробовала.

— Ты можешь готовить все, что захочешь. Но оставь это твоей маме, пожалуйста.

— Она что-то особенное, не так ли? — спросила Лондон, не в силах удержаться от улыбки, от мысли, что женщина, которую она ненавидела — нет, не ненавидела, просто обижалась на нее очень долго.

— Я понимаю, что ей следовало сказать тебе правду о твоём отце, но она потрясающая, Лондон. Красивая, потрясающая, мужественная и готовит, как ангел, хотя ей следовало бить людей палками.

Лондон молчала, опустив глаза и задумавшись над тем, что говорила Джоанна.

— Ты знаешь... я никогда не видела, чтобы она с кем-то встречалась. Может быть за последние десять лет, но когда я росла у нее никого не было, и она никогда даже сейчас ни о ком не говорит. Мне кажется, мне следует спросить ее об этом, — она пожала плечами. В конце концов, это была ее мать.

— Кстати, говоря о свидании..., — Джоанна кинула на Лондон взгляд, вытаскивая йогурт и инжир из холодильника.

— Нет, — предупредила Лондон, тут же напрягаясь. Ей потребовалось шесть часов, чтобы перестать плакать, два дня, чтобы что-нибудь съесть, и полная неделя, чтобы

дотащиться до душа, уже прошел целый месяц, а она все еще не могла заставить себя выйти из дома.

Она была пленницей в своей золоченой клетке, и она хотела бы здесь остаться намного дольше, если бы ей не нужно было зарабатывать на жизнь.

Голос Джоанны стал совсем тихим, она сопереживая смотрела на Лондон.

— Я знаю, что вы причинили друг другу боль, но ты же любишь его, не так ли?

Лондон вздохнула.

— Это уже не важно.

— Да, почему? — Джо поднесла ложку йогурта к миске, наполненной хлопьями с медом и грецкими орехами.

— Он не любит меня. Как он может любить меня после всего, что я сделала? Зная, чья дочь?

— Мне кажется, ты его недооцениваешь. Такого человека, как Дерек Эмброуз, не отпугнут запятнанные свекрови. Этот человек славится тем, что пробьет любую стену и добьется всего, чего хочет своим гуманным отношением. Знаешь ли ты, что он пошел в политику, потому что хотел продвинуть экологические реформы? Он жертвовал миллионы долларов на программы обучения женщин и защиты дикой природы. В прошлом году он провел сбор средств для крошечной организации в Гане, которая занимается строительством школ для местных детей, выставляя вопрос не требовать от них носить школьную форму. Это главная причина, по которой дети не ходят в школу в странах Африки, они не могут позволить себе купить форму.

— Ты как ходячая энциклопедия фактов из жизни Дерека Эмброуза, не находишь? — ляпнула Лондон, испытывая настоящее чувство зависти от того, что Джоанна знала о нем такое, а она нет.

— Ты могла бы тоже это знать, если бы последовала за ним, — ответила Джоанна спокойно.

— Извини, — пробормотала Лондон.

Джоанна, наконец, поставила миску с едой на столешницу и полностью развернулась к ней лицом.

— Я не знаю Дерека, как тебя, — она взяла руку Лондон в свои. — Но я вижу, когда человек влюблен, и то, что я вижу, говорит мне, что он влюблен в тебя. Даже несмотря на то, что он ушел от тебя, Дерек так и не разлюбил тебя, потому что ты скрывала от него свой секрет из страха.

Лондон почувствовала боль в сердце. Она так старалась заглушить ее и спрятать подальше, но Джоанна явно не позволит ее спрятать. Неужели она не понимает насколько это больно?

— Он тоскует, — продолжила Джоанна. — И испытывает боль, но он справится с ней. И ты можешь помочь ему справиться с этим, но только если вы поговорите друг с другом.

Лондон покачала головой, прикусив губу, пытаясь окончательно не расплакаться перед подругой.

Джоанна похлопала ее по руке, прежде чем отпустить.

— Подумай об этом, ради меня, хорошо?

Сделав глубокий вдох, она кивнула.

— Хорошо. Я подумаю.

— Хорошо. Твоя мама скоро вернется? Я съела последнюю бахлаву, а нам нужно бы

еще.

Дерек оторвал взгляд от своего ноутбука, так только его брат вошел к нему в кабинет.

— У меня нет времени пойти на обед, но если ты захочешь заказать пиццу, я смогу сделать перерыв, чтобы разделить ее с собой.

Маркус плюхнулся в одно из кресел напротив рабочего стола Дерек.

— Что заставляет тебя сидеть здесь допоздна?

— Компания конгрессмена Первого Округа Теннесси.

— Ах, Стэндиш, — Маркус задумчиво кивнул. — Это хороший новый клиент. Как ты вообще ее достал?

— Ты не поверишь, если я скажу.

— Попробуй.

— Во-первых, она наполовину пакистанка, — Дерек откинулся на спинку стула и слегка крутился из стороны в сторону, пока говорил:

— Во-вторых, она транссексуал. Первый сенатор штата Теннесси транссексуал, если уж совсем точно. Она сама связалась со мной и сказала, что всю свою жизнь она сталкивалась с предрассудками, поэтому она хотела бы стереть ущерб, причиненный мне и нанять меня в качестве консультанта для ее революционной кампании.

Маркус кивнул в знак согласия.

— Звучит фантастически.

— Шесть месяцев назад она была не в состоянии оплатить мои услуги, но сейчас мне нужен любой клиент, она получит мое ноу-хау, и мы выдвинем блестящего, преданного и смекалистого, как ад, кандидата от штата Теннеси.

— Она в состоянии победить?

— Результаты опроса довольно-таки приличные, но не высокие пока. Мы работаем над ее коронным номером. Думаю, мы сможет повысить ее рейтинг, что даст нам основу для привлечения средств, — Дерек прошелся рукой по волосам. Он выглядел измученным и расстроенным, отсутствие сна и нормальное питание негативно сказывалось на его внешности и здоровье.

— Я рад, но выглядишь ты ужасно, — произнес Маркус.

Дерек откинулся на спинку стула.

— Я устал, — ответил он.

— Почему бы тебе не передохнуть?

— Не могу, — сказал он.

— Или не хочешь?

Дерек взглянул на своего брата.

— Что ты хочешь сказать?

Маркус наклонился к нему вперед, поставив локти на колени.

— Ты загоняешь себя работой и выглядишь растрепанным, нежели обычно, — Маркус приподнял бровь. — Думаю, ты от чего-то пытаешься убежать.

Дерек передвинулся в кресле и раздраженно ответил:

— Спасибо за урок любительской психологии, я приму это к сведению.

— Я серьезно, — Маркус уставился на него, пока не встретился глазами с Дерек. — Тебе не хватит не работы, не спаррингов, не опросов, чтобы забыть о ней. Ты влюблен в нее.

Мне кажется, тебе стоит предпринять какие-то шаги.

Дерек фыркнул.

— Да? У тебя есть девушка и ты собираешься учить меня моей личной жизни? Ты всего лишь встречаешься с Рене, не думаю, что ты стал экспертом в этом вопросе.

Медленная улыбка расплылась на лице Маркуса.

— У меня лучшая в мире девушка, и я ее люблю, поэтому думаю, у меня имеется побольше опыта, чем у тебя. И уверен, черт побери, что мой опыт более успешный.

Дерек зарычал и толкнул стопку бумаг на столе.

— Что ты предлагаешь, мистер Эксперт?

— Я предлагаю перестать тебе игнорировать совершенно очевидные страдания по ней и наконец поговорить.

— Ты помнишь саму историю? Она не сообщила мне, кем является ее отец, она лгала мне, хотя я бросил все, чтобы быть с ней. Все в своей жизни.

— Я согласен, что она облажалась, но, а разве я ни разу не облажался?

— Это не сопоставимые вещи.

— Почему? Ты же любишь меня, значит, когда я лажаю, ты мне об этом говоришь, а потом прощаешь. И тоже самое я делаю с тобой. Мне кажется, если ты на самом деле кого-то любишь, что ты обычно делаешь? Прощаешь, — он пожал плечами, как будто это было и так очевидно.

Дерек поднялся с кресла.

— Мы будем заказывать пиццу или нет? — спросил он.

Маркус пожал плечами.

— Можно, но я все равно буду продолжать спрашивать тебя о ней, пока ты не поднимешь свой зад и не сделаешь что-нибудь.

Дерек покачал головой.

— Это что обещание?

— Однозначно.

Дерек улыбнулся впервые за несколько недель.

— Отлично. Продолжай спрашивать и возможно в какой-нибудь раз я послушаюсь тебя.

— Послушаешься, — ответил Маркус. — И еще поблаговаришь меня за это.

Было после восьми вечера, когда раздался звонок в дверь. Лондон предположила, что возможно это ее мать или Джоанна, поэтому не стала особо беспокоиться о своем внешнем виде, но посмотрев в глазок, поняла, что это были не они. У нее на крыльце стоял Камаль Масри, посол Египта собственной персоной. Она поежилась, задаваясь вопросом, что он мог хотеть от нее, она же больше не встречалась с Дерекком.

Лондон дернула ручку, открывая широко дверь. Раньше он пугал ее своими словами, но тогда у нее был роман с Дерекком, сейчас же у нее ничего не осталось, и она понимала, что запугать ее он уже не сможет — все и так было известно широкой общественности. И потом она устала бояться, устала прятаться.

— Да? — спросила она, стоя в дверях и скрестив руки.

— Могу я войти?

Она внимательно посмотрела на него. Ей бы очень хотелось послать его куда подальше, но он мог сообщить ей что-то о Дерекке, а она очень хотела бы что-то узнать о нем, хоть

крохи, поскольку так и продолжала мечтать и думать о нем постоянно.

Она кивнула Камалю, приводя его в свою гостиную.

— Я бы предложила вам присесть, но не думаю, что вы задержитесь здесь надолго, — сказала она.

Его губы превратились в тонкие полоски.

— Признаю, заслужил такое обращение, — ответил он. — Я был груб и приношу свое чистосердечное извинение.

Она скрестила руки и коротко, резко кивнула, показывая, что он может продолжить.

Он вздохнул.

— Я добрых пятнадцать лет был правой рукой Дерека. Я поддерживал его на футбольном поле, на уроках в университете, в драках в барах и в политических кампаниях, и да, не часто, с женщинами.

Лондон зыркнула на Камалю, который глуповато улыбнулся.

— Такова моя вторая натура — защищать и оберегать его. Я провел много лет в этой стране, вдали от моего народа и моей культуры. Моя большая семья в Египте, я второй сын. И по поводу меня имеются высокие ожидания, но они не включают в себя мой родной дом, мой старший брат исполняет ему отведенную роль. Моя работа — это еще больше поднять репутацию семьи в мире, под эгидой имени Масри по всему миру, насколько я могу. Мой отец создал империю, и мое место в этой империи подразумевает находиться в США, это хороший пост, но иногда одинокий.

Он расхаживал по гостиной и медленно не явно рассматривал предметы, как бы впитывая их, которые стояли повсюду — безделушки, фотографии, персидская ваза на самом почетном месте на ее каминной полке.

— Дерек и наши друзья, с которыми ты встречалась, стали здесь моей семьей. В моей культуре убивают за семью, готовы умереть за свою семью, потому что семья — это все. Я понимаю, когда он связался с тобой, я принял это слишком близко к сердцу.

— Мне следует извиниться перед вами обоими, перед ним я уже извинился, поскольку вел себя неправильно. Я не понимал..., — он сделал паузу, как бы ища подходящее слово. — Я не понимал, насколько сильные чувства у него к тебе были.

Она моргнула, до конца не веря, что он может так думать.

— Ты чувствуешь к нему то же самое? — спросил он.

Она опустила голову, потом взглянула в его темные глаза. Он был чрезвычайно красивым мужчиной, но она не чувствовала ничего, кроме обиды.

— Почему тебя это так беспокоит? — спросила она. — Мне казалось, ты будешь рад, что он ушел от меня.

Камаль слабо улыбнулся.

— Вот незадача... он не далеко ушел от тебя, но далеко находится от всего остального. Ты преследуешь его в мыслях и думаю, что если он не сможет исправить эту ситуацию, то будет несчастлив очень долгого.

Сердце Лондон болело от сожаления. Она заставляла Дерека испытывать боль, у нее на лице отразились смущение и сомнения, он столько всего совершил для нее.

— Я, конечно же, не могу не любить его, — ответила она. — Я не могу не любить его, хотя и хотела бы.

Он взглянул на нее, но она не дрогнула от его взгляда и не отвернулась.

— Я надеюсь, что ты поговоришь с ним, — произнес Камаль. — Ты просто ему

необходима. Один из вас должен совершить первый шаг, и я не уверен, что он способен его совершить.

Она покачала головой, смущенно и расстроено.

— Подумай об этом, подумай о нем, прошу тебя, — с этими словами он повернулся и покинул ее дом.

Проходили недели, Лондон так ничего и не слышала от Дерека. Ее сбережения скоро подойдут к концу, и ей предстояло решить, чем заняться дальше. Вернуться к проституции она не могла из-за многих причин, самой важной была — она даже не могла вынести мысли, что другой мужчина будет дотрагиваться до нее после Дерека. Он явно заклеил ее душу и тело. Теперь она даже не могла себе представить кого-то другого рядом с собой.

Джоанна и мать хотели, чтобы она пошла в университет. Фаррах пообещала оплачивать ее обучение, словно Лондон было восемнадцать. Лондон подумывала об этом, но не склонялась к этому решению. За свою жизнь она прошла через многое, познала совершенно другую ее сторону, и обычное формальное образование в университете казалось ей шагом назад, попыткой стать кем-то, кем она на самом деле стать никогда не сможет, она уже не сможет стать той прежней. Поэтому она не могла принять окончательное решение, она сидела взаперти в доме раздумывая и страдая по Дереку.

Несмотря на то, что ее не оставляла мать и преданная Джо, она все равно была одинока, с каждым днем все сильнее чувствуя отсутствие Дерека. Она словно заморозилась, и была не в состоянии двигаться вперед, сердце болело и постоянно крутились воспоминания об его уходе. Его обидные слова, жалили ее все сильнее, и как он смотрел на нее, пока она не исправит создавшуюся ситуацию, она не сможет начать новую жизнь и вообще жить.

В какой-то из дней Джоанна появилась на пороге ее дома с крошечным белым комочком шерсти — мальтийской болонкой.

— Ты взяла себе собаку? — спросила Лондон, целуя крошечное существо в нос, пока он пытался выбраться из рук Джоанны.

— Не я, а ты, — Джоанна плюхнула щенка ей на руки.

— Что?

— Это твой щенок, — усмехнулась Джоанна. — Ты решила сделать перезагрузку своей жизни, поэтому тебе необходим друг для компании.

Лондон подняла его к своему лицу и посмотрела в крошечные черные глазки.

— Да? Ты думаешь, что я смогу заботиться о щенке?

— Конечно сможешь, — Джоанна проплыла мимо Лондон на кухню. Она поставила сумку от Шанель на столешницу и стала извлекать из нее все, что необходимо для щенка — миска для корма и воды, ошейник, поводок, маленькие жестяные баночки с консервами, а также книгу о дрессировке собак.

— Ты хорошо подготовилась, — сказала Лондон, держа щенка под мышкой и рассматривая выложенное на стол.

— Я подумала о всех твоих возможных возражениях, — она вытащила пластиковый плоский пакет из сумочки и развернула его, который тут же стал превращаться в небольшой, мягкий вольер для собак.

— О Боже мой. Что это? — Лондон разглядывала вольер с сетчатыми бортами.

— Это конечно же его место, когда ты будешь уходить куда-то и не захочешь, чтобы он

свободно бегал по дому, ты поставишь его сюда.

Лондон подняла щенка к своему уху.

— Он говорит, что ему не нравится, — сказала она подруге. — Он говорит, когда я буду куда-то выходить, он хочет пойти со мной.

Джоанна попыталась скрыть улыбку, наполняя миски едой и водой.

— Я рада, что вы нашли общий язык друг с другом.

Лондон прижала щенка к щеке.

— Мне кажется, он будет рад остаться, — сказала она. — И я, пожалуй, назову его Кингмейкером. (*Kingmaker* — создатель «королей»; влиятельное лицо, от которого зависит назначение на высокий пост; влиятельное лицо, которое способствует созданию и возвышению какого-либо политического деятеля, вершитель судеб, — прим. пер.)

— Что за имя для собаки? — насупившись спросила Джоанна.

— Это наш с ним секрет, у нас же должны быть с ним секреты, не так ли, Кингмейкер?

Джоанна закатила глаза.

— Я создала монстра.

Лондон посмотрела на нее через кухонный стол, блестящими глазами.

— Спасибо, Джо. Ты удивительная. Ты замечательная подруга, и мне так повезло с тобой.

Джоанна фыркнула и повернулась к раковине.

— Ну, хватит. Будь хорошей хозяйкой для собаки. И сделай что-то действительно великое со своей жизнью, хорошо?

— Хорошо, — прошептала Лондон.

Кингмейкер полностью соответствовал своему имени, он способствовал, чтобы Лондон дала своей жизни еще один шанс, и она понимала, что эта крошечная жизнь полностью зависела теперь от нее. Ей приходилось выходить на улицу, выгуливая его, ходить в магазин, чтобы покупать ему еду. Она наконец стала отходить от своих постоянных дум, следя за ним, ее разбитое сердце стало постепенно оживать, благодаря любви к нему. Она посвятила себя уходу за маленьким щенком, который чуть ли не постоянно нуждался в ее внимании, и периодически ее преследовали слова Камалы: «Один из вас должен сделать первый шаг, и не уверен, что он способен его совершить».

Если Дерек ощущал хотя бы половину той боли и страданий, которые чувствовала она и причинила ему, и у него не было Кингмейкера, как у нее, он не сможет двигаться вперед, не сможет вообще куда-нибудь двигаться, просто не сможет жить полноценной жизнью. Если Дерек находился в таком же замороженном состоянии, как и она, производя какие-то автоматические движения и также страдал, то нужно с этим что-то делать, стала возникать у нее мысль, несмотря на боль, которую все время испытывала.

Через десять дней, как Джоанна принесла Лондон самый потрясающий подарок за всю ее жизнь, Лондон села за кухонный островок, открыла интернет на Apple, и, наконец, решила осуществить свой план, который у нее созрел в голове.

Дерек был удивлен встрече в штаб-квартире «Силовых игроков». Обычно он или Камаль назначали общий сбор, но сейчас это оказался Тиг, послав ему смс-ку в этот же день, написав прибыть строго в восемь вечера. Дерек запасся большой пиццей и прибыл на пять минут раньше.

— Вот он — герой дня, — пошутил Тиг, как только Дерек вошел в дверь.

— Я знаю, что особенный, но почему именно сегодня?

Тиг и Камаль переглянулись, и Дерек прищурился на них.

— Что происходит? — с подозрением спросил он.

— Ничего особенного, ты же принес пиццу, — ответил Скотт, предложив Дереку пиво, пока тот ставил коробку с пиццей на стол.

Все тут же разобрали по кусочку и заняли свои места перед большим экраном, Дерек спросил:

— Что на самом деле произошло, что вы собрали нас всех?

— Мы хотели бы кое-что посмотреть, — ответил Камаль, отправляя в рот колбасу вместе с перцем.

— Какой-то скандал, о котором я еще не знаю? — Дерек покосился на телевизор, пока он нагревался и не появилось изображение.

— Не совсем, — промямлил Джефф.

Тиг переключил на канал WNN, логотип канала красовался в правом углу, и баритон диктора завибрировал через стереодинамики. *«Сегодня в прямом эфире из Вашингтона, округ Колумбия, специальный выпуск канала WNN «Политика Америки».*

Дерек посмотрел на Камаль, лишь пожавшего плечами в ответ.

Радостная блондинка, обычно ведущая утренние новости, появилась на экране.

— Добрый вечер и добро пожаловать на специальный выпуск «Политика Америки», — сказала она. — Сегодняшний гость и тема обсуждения, которые потрясли нацию до Белого дома... — Она развернулась в своем кресле, и камера устремилась на Лондон, сидящую слева от нее.

Сердце Дерек подпрыгнуло к горлу, и он изо всех сил пытался сглотнуть, чтобы вернуть его обратно.

— Какого черта..., — прошептал он.

Блондинка продолжила свое интервью и представила Лондон, как женщину, которая сделала кампанию Мелвилла неудачной, глаза Дерек были прикованы к экрану, он пытался уловить любой шорох. Он всем телом подался в сторону экрана, его инстинкт сохранения, связанный с ней, опять сработал, и он готов был рвануть к ней в студию и ничего не мог с этим поделать.

— Мисс Шарп, — начала репортер. — Расскажите нам, почему по прошествии нескольких месяцев, вы согласились дать интервью?

У Лондон порозовели щеки, но она смотрела в камеру, четко произнося слова, весь ее вид был наполнен силой, особенно голос. Боже, она была такой красивой, самой красивой, кого ему довелось видеть.

— Потому что я совершила ужасную ошибку, и должна попытаться ее исправить, — ответила она.

— Вы имеете ввиду, работу проституткой? — спросила блондинка. Дерек почувствовал тошноту. Он видно никогда не свыкнется с тем, что люди будут относиться к ней подобным образом. У него тут же возник образ Мелвилла и других мужчин, которые не понимали, что имели в своих руках, мужчин, совершенно не уважающих ее душу и ее, как человека, а только использующих ее.

Лондон одарила репортершу грустной улыбкой.

— Проституция была ошибкой, но не той ошибкой, о которой я пришла рассказать сегодня. Видите ли..., — она посмотрела в камеру, и Дерек понял, что она смотрит конкретно на него. Через радиоэфир, через разделяющие их мили, через весь город, она смотрела на него и говорила только для него, все это интервью было для него, ни для кого больше.

— Как-то несколько месяцев назад я встретила мужчину, он очень отличался от всех других мужчин, которых я знала раньше. Дерек Эмброуз был... один из самых трудолюбивых, самых ярких, самых преданных людей, которых я когда-либо встречала. У него огромное сердце, такого больше нет ни у кого. Дерек дал мне «кредит доверия». Он готов был пожертвовать своим именем и репутацией из-за меня, несмотря на то, что знал, каким образом я зарабатывала на жизнь последние восемь лет. Он был готов защищать меня, защищать и помогать мне обрести себя снова, после того, как я очень долгое время была потерянной.

Дерек сглотнул, у него пересохло в горле, на экране Лондон потянулась за стаканом воды, словно они были чем-то единым целым и чувствовали друг друга.

— Мне стыдно признаться, что я не оправдала преданность Дерек, поскольку скрывала от него, кем на самом деле являлся мой отец.

— Понятно, — мрачно произнесла блондинка. — И что бы вы хотели сказать?

— Я хочу, чтобы американский народ знал, что Дерек Эмброуз очень любит свою страну. Он любит свое правительство и свой народ, и всю свою карьеру он посвятил компаниям по выбору лидеров, которые смогут сделать страну еще лучше. Дерек не знал, кем является мой отец. Я даже сама не знала, кто мой отец, пока мне не исполнилось семнадцать лет. Насколько мне известно, мой отец видел меня всего лишь один раз и всего лишь несколько минут, очень быстро. Моя мать скрывала от него мое существование из-за того, кем он был. Когда он случайно обнаружил меня, мне было уже два года, он пытался забрать меня к себе. В Иране он юридически может легко это сделать. Именно из-за этого мама убежала из страны и переехала сюда.

Лондон замолчала, камера по-прежнему показывала ее крупным планом, и было видно, насколько она борется с собой, пытаясь сохранить самообладание.

— Моя мама входила в движение сопротивление в Иране, — продолжила она. — И ее связь с моим отцом, основывалась на получении информации о фундаменталистском режиме, который захватил страну в 1980-е годы. Итак, все было сосредоточено на моем отце, которого я видела всего лишь раз в жизни, но который полностью игнорировал мою мать, растившую меня. Мама, находясь в Иране, боролась за демократические идеалы, за свободу страны. Она готова была пойти на все, ради процветания демократии, и ее партия сопротивления поддерживалась тогда Соединенными Штатами, причем очень много лет.

Репортер кивнула, переместившись в кресле. Дерек почувствовал, что перестал дышать и глубоко вдохнул, поскольку она проложила свой путь к его сердцу.

— Когда она родила меня, ей пришлось отказаться от борьбы. Она скрывалась в

подполье, пытаюсь выжить и сохранить меня. Как только отец ее обнаружил, она вынуждена была обратиться к своему подпольному движению сопротивления, чтобы покинуть страну и получить убежище здесь. Каждый, услышав все эти новости, сфокусировался на человеке, чье ДНК я разделяю, но никто не обратил внимание на женщину, чьи убеждения разделяю я.

— Мисс Шарп, — произнесла репортер, хотя ее лицо по-прежнему оставалось серьезным, но она еле сдерживалась, чтобы не заплакать, и Дерек не мог ошибиться, все кто, сидел у телевизора находились на грани слез, — общественность захочет узнать, как случилось, что вы стали проституткой, обслуживающей известных политиков и сенаторов, таких как сенатор Мелвилл, с матерью, которая посвятила свою жизнь борьбе за демократию?

Лондон печально улыбнулась.

— Мама настолько сильно любила меня, пытаюсь защитить от того, кем на самом деле являлся мой отец, мне кажется я точно также пыталась защитить Дерека Эмброуза от этого. Мне было семнадцать, когда я узнала всю правду о своем отце, я была упрямой и непримиримой. Честно, была в ужасе, мне казалось, что я не знала, кем являюсь теперь на самом деле, поскольку вся моя предыдущая жизнь стала ложью. Я сбежала из дома, и в конечном итоге сделала то, что делают многие отчаявшиеся молодые женщины, я стала работать в секс-индустрии.

— И на что вы надеетесь, находясь здесь сегодня, в этой студии?

— Дерек узнал о моем отце одновременно со всей общественностью, вернее, как узнала вся страна. Мне бы хотелось дать понять, что Дерек никогда не скрывал от нации этого, поскольку просто не знал. Скорее всего, если бы он узнал об этом, то у нас никогда бы не было никаких отношений. Это полностью моя вина, и я готова понести всю ответственность за свой обман.

Репортер ободряюще улыбнулась Лондон.

— Зачем вы пришли сегодня сюда, мисс Шарп?

Лондон глубоко вздохнула и снова посмотрела прямо в камеру, Дерек почувствовал ее взгляд, прикоснувшийся к его душе.

— Я люблю его, и у меня никогда больше не будет шанса сказать ему об этом.

Ночь была холодной, но Дерек уже чувствовал приближение весны. В следующем месяце начнут цвести вишневые деревья, и Вашингтоне наполнится туристами, фотографирующимися у памятников. Он не любил это время года, но вдруг подумал, что в этом году он возможно возьмет передых от работы и посетит вместе с туристами Национальный Зоологический парк Смитсона. Может даже поедет на Маунт-Вэрнон (*Маунт-Вернон находится на северо-западе США, в северной части штата Вашингтон недалеко от Сиэтла. Город лежит в районе Северных Каскадных гор, на берегу реки Скаджит.*), а может купит тур в Монтичелло. (*Монтичелло (Monticello) — усадьба Томаса Джефферсона на юге штата Виргиния, в 2 км к югу от Шарлотсвилля. Представляет собой эталонный пример раннего американского классицизма и памятник Всемирного наследия (с 1987 года). Усадьба стоит на гребне 264-метрового холма, отсюда происходит её название, означающее по-итальянски «пригорок». Усадебный дом был заложен Джефферсоном в 1769 году по собственному проекту, навеянному рисунками Андреа Палладио. По сторонам господского дома простирались две длинные террасы в форме*

буквы L, которые скрывали от глаз гостей кухню, прачечную и прочие подсобные помещения, где жили и работали рабы-негры). Много лет прошло с тех пор, как он посещал такие места, которые представляли гордость и ценность для любого американца, откуда и началась история его народа, откуда и началась история великих людей государства.

Он наклонился вперед, поставив локти на колени, вдыхая свежий ночной воздух, продолжая ждать. Он заметил ее еще издали, его сердце остановилось.

— Ты пришел, — тихо произнесла она.

— Да, пришел, — он стоял, переступая на крыльце. Она подошла ближе, они могли уже протянуть руки друг к другу и дотронуться, но оба продолжали стоять, с восторгом и радостью смотря друг на друга, не в состоянии не двигаться и не говорить.

— Боже, я так скучал по тебе, — выдохнул он, проходясь подушечками пальцев по ее щеке.

— Ты видел интервью, — сказала она, тихо вздохнув от его прикосновения.

— Да.

— И что ты думаешь?

Он смотрел на нее голодными глазами, разглядывая ее шелковистую кожу, блестящие волосы, выпирающие скулы и крохотную впадинку в центре верхней губы. Он смотрел на нее так, словно его морили голодом, и он понял, что если будет смотреть на эту женщину каждый день всю свою оставшуюся жизни то, сможет возможно удовлетворить свой аппетит. Если бы он слышал ее голос, касался ее кожи, знал о чем она думает (в течение многих десятилетий) эта была бы малая толика того, чего он больше всего хотел. Он безумно хотел провести остаток своей жизни напиваясь ей, чтобы жить.

— Ты выйдешь за меня? — не с того не с сего спросил он вдруг.

Она широко раскрытыми глазами уставилась на него.

— Что?

— Выйди за меня замуж, — сказал он, обхватывая ее за шею и привлекая ближе к себе. — Меня вдруг посетила эта мысль, не знаю, почему я думал, что смогу жить без тебя. Я не могу жить без тебя. Я смогу выжить, но по-настоящему жить без тебя не смогу. Я так люблю тебя, единственное, о чем думаю, мечтаю, желаю — это ты. Я хочу видеть тебя, слышать, прикасаться, чувствовать. Ты. Слишком. Важна. Для меня.

Она громко всхлипнула и моргнула, прежде чем ее губы расплылись в улыбке, а глаза засветились.

— Ты серьезно? Несмотря на то, что я сотворила с тобой? После того, как я предала тебя, и ты потерял почти все?

Он наклонил голову и прислонился своим лбом к ней.

— Я знаю, ты не хотела причинить мне боль. Мне нужно было времени все понять, но твои слова, сказанные сегодня, мне были просто необходимы. Твои просто совершенные слова.

— Какие слова? — спросила она. — Я многое, что говорила сегодня.

Он усмехнулся, нежно поцеловав ее в губы.

— Я люблю тебя.

— Ой, эти слова.

— Да, эти.

Она придвинулась на шаг вперед и обняла его за талию под пиджаком.

— Я действительно люблю тебя. Очень сильно, сверх меры, за пределами этой жизни. Я

люблю тебя.

Он подхватил ее на руки, почувствовав ее изгибы, она была настолько реальной, и он собирался сделать ее своей. Он уже познал каждый дюйм ее тела и собирался вспомнить каждый дюйм, боготворя ее.

— Ты так и не ответила мне, — сказал он, пока они возились с ключом в двери.

Но прежде чем она смогла ответить, белый пушистый тьявкующий шар приземлился ему на ногу. Он остановился на полпути в холле и посмотрел вниз, пока Кингмейкер подпрыгивая, в тщетной попытке пытался допрыгнуть до своей хозяйки.

— Что... это? — засмеялся Дерек, приподняв вопросительно бровь и посмотрев на Лондон.

— Кингмейкер, — улыбаясь ответила она.

Маленькая собачка снова стала подпрыгивать, лапами приземляясь на ногу Дерек.

— Ты назвала его Кингмейкером?

Лондон пожала плечами, щеки порозовели.

— Я скучала по тебе.

Дерек почувствовал, как его сердце бухнулось о ребра, и он нежно поцеловал ее в полные губы, прежде чем продолжил подниматься по лестнице к ней в спальню, Кингмейкер тоже взбирался за ними по ступенькам.

— Приятно слышать, но все же прошу ответить на мой вопрос.

— А какой был вопрос? — хихикнула она, когда он воспользовался ее задницей, чтобы нажать на дверную ручку, после чего дверь спальни открылась.

— Черт возьми, ты выйдешь за меня? — зарычал он, прежде чем ущипнуть ее за попку.

— При одном условии.

— Каком? — он захлопнул дверь, Кингмейкер уже был в комнате, и Дерек понес ее к кровати, бросив ее вниз и начиная развязывать галстук.

— Ты должен будешь использовать больше взбитых сливок. Мне очень понравилось.

— Великолепно, ты будешь моим десертом каждую ночь оставшуюся часть нашей жизни.

Легкий аромат от кустов роз на газоне перед Белым домом наполнял влажный воздух уходящего летнего вечера. На Лондон было легкое платье, которое ей удалось купить, при этом выглядела она в нем изысканно и сдержанно, но влажность и жара все равно грозили растопить ее, как ледяную скульптуру.

— Ты думаешь, если я опущу голову в фонтан, кто-нибудь заметит? — шепотом спросил Дерек ее на ухо.

— Не знаю, но если ты это сделаешь, то я последую твоему примеру.

— Даже не мечтай, — произнес он. — После того, как ты выступишь с речью, можешь делать все, что захочешь, а до этого должна работать на камеру.

Она ухмыльнулась, взглянув на него поверх своего фужера.

— Звучит, словно ты инструктируешь одного из своих кандидатов.

— Ну, если говорить по справедливости, мои кандидаты нуждаются в большем инструктаже в эти дни. По существу, консультант изменяет путь аутсайдеров, поскольку я веду дела. Когда находишься в бизнесе, помогая женщинам, меньшинствам, иммигрантам и любому другому ассортименту нетрадиционных кандидатов, меняешься сам, инструктируя их.

— Но это того стоит, не так ли? — спросила она, дотрагиваясь ладонью до его щеки и глядя на него глазами, наполненными любовью.

— Однозначно. Я никогда не мог предположить, насколько хорошо можно себя чувствовать, выдвигая кого-то на должность, кого-то, кто готов трудиться чисто из альтруистических соображений, кого-то, кто хочет быть лидером для своих избирателей и способен использовать свой собственный опыт сомнений и колебаний, когда его презирали и отвергали, создавая из них лучших лидеров, более сострадательных, более предусмотрительных.

Она потянулась к нему и поцеловала его в щеку.

— Я так горжусь, что ты выбрал именно такое направление. У тебя однозначно самые лучшие кандидаты в стране.

— Эй, я так же популярен, как ты со своим фондом жертв секс-торговли, ты могла бы быть отличным кандидатом на место в Конгресс.

Она попыталась ущипнуть его за локоть, хотя он весь был накаченный, как один большой кусок мышц.

— Попридержи коней, Дерек Эмброуз. Нет ничего хуже, чем я — член Конгресса.

— Почему? — спросил он с хрипотцой, обхватив ее за талию и притянув поближе к себе.

Она тут же размякла от его прикосновения.

— Потому что у меня есть другие желания, мне необходимо иметь время для своего мужа, чтобы я смогла заботиться о нем. Если я буду постоянно на Холме сражаться по поводу принятия новых законов, я смогу только заскакивать к тебе на ланч и то побыстрому, — она подмигнула ему, вспомнив их randevu на рабочем столе Дерекa на прошлой неделе.

— Было очень сексуально, — прошептал он, покусывая ее за ухо.

— Перестань, — хихикнула она. — Мы в Белом доме.

— Да, и мы не единственные, кто нарушает протокол. Посмотри на ту пару в окне.

Лондон взглянула, куда указывал Дерек, в сторону французских дверей, окружающих овальный кабинет. Прозрачные занавески, закрывающие стеклянные двери, открывали небольшой просвет, и она увидела мужчину и женщину. Мужчина прижимал ее к гладкому стеклу, будучи одетым в костюм, его колено вклинивалось ей между ног, приподнимая ее бледно-голубую шелковую юбку. Бледно. Голубой. Шелк.

— О мой Бог.

— Что? — спросил Дерек.

— Это Президент, — ахнула Лондон.

Дерек зажмурился и выругался.

— И Камаль, — скрипнул он зубами. — Это президент и Камаль.

Лондон мгновение смотрела на них, потом перевела взгляд на Дерека, складки у него на лбу разгладились, и не осознавая они оба расхохотались, да так, что едва могла дышать.

Насмеявшись, они утерли слезы, Лондон взяла его под руку и сказала:

— Пошли. Настало время для моей речи. Мы должны отвлечь приглашенных, чтобы они не застукали Президента Соединенных Штатов с послом Египта.

— Тот факт, что ты можешь легко «сохранять лицо», делая вид, будто ничего не происходит, доказывает, что ты идеальная женщина..., под стать мне, — усмехнулся Дерек.

— О, я однозначно для тебя идеальная женщина.

Они оба были идеальной парой.

История Маркуса и Рене «Принц прессы»

Больше книг на сайте - Knigolub.net